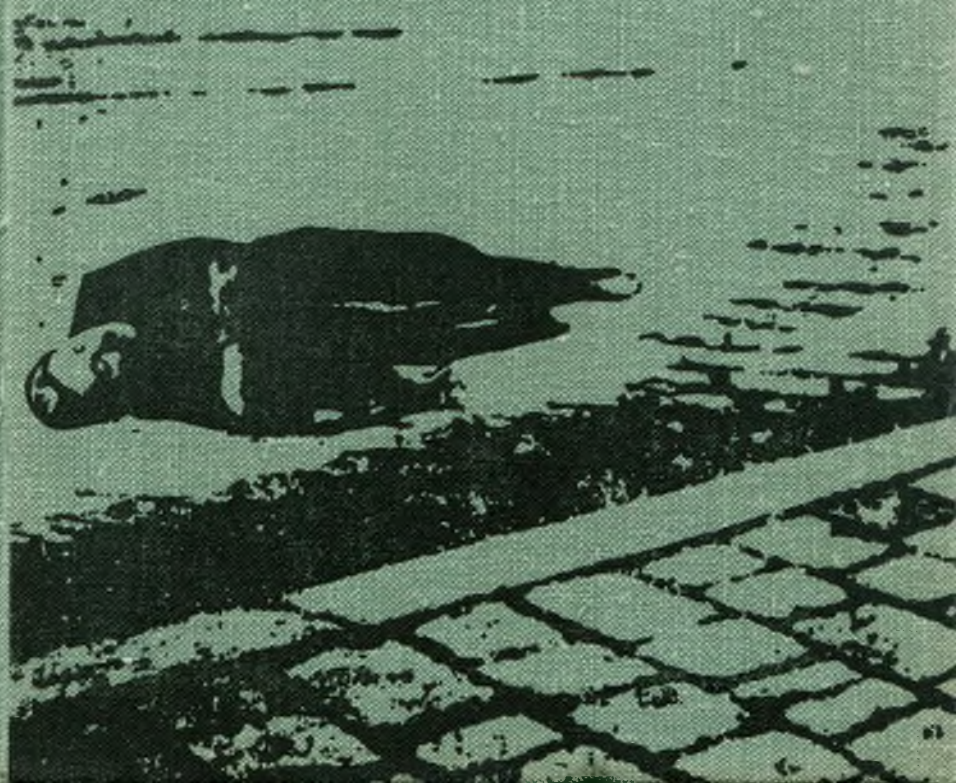

Арнольд Райсберг

АВСТРИЯ,

февраль
1934

Arnold Reisberg

Februar 1934

Hintergründe
und Folgen

Globus Verlag Wien
Wien 1974

Арнольд Райсберг

АВСТРИЯ, февраль 1934

Причины и следствия

*Перевод с немецкого
Д. Н. Мочалина*

Издательство «Прогресс»
Москва 1975

Редакция литературы по истории

© Перевод на русский язык

«Прогресс», 1975

Р $\frac{10605-1063}{006(01)-75}$ 57-76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пусть в Австрии больше никогда не будет баррикад, пусть никогда австрийцы не станут с оружием в руках сражаться против австрийцев, давайте подведем под прошлым черту! Эти и подобные им фразы можно постоянно слышать — особенно если речь идет о февральских событиях 1934 г. — от руководителей СПА, АНП и АПС¹, причем последние хотели бы предать забвению даже кровавую нацистскую диктатуру. Что же касается историков — членов этих партий или же считающих себя политически нейтральными, то они, анализируя бои 1934 г., стараются равномерно распределить свет и тени: виноваты будто были все

---

¹ СПА — Социалистическая партия Австрии, создана в 1945 г., охватывает значительную часть рабочих, служащих и мелкой буржуазии, проводит реформистскую политику, выступая за «социальное партнерство» трудящихся и предпринимателей. АНП — Австрийская народная партия, основана в 1945 г., выражает интересы крупной буржуазии и землевладельцев, связана с католическими кругами. АПС — Австрийская партия свободы, образована в 1956 г., объединяет часть мелкой и средней буржуазии, ориентирующейся на ФРГ. — *Прим. перев.*

и все якобы извлекли соответствующие уроки, свидетельство тому ход событий после 1945 г.

Мы, коммунисты, не хотим задним числом равномерно распределять свет и тени, искать, как СПА и АНП, виновных повсюду, поскольку это соответствует их современной политике. Мы хотим дать историческую правду такой, какой она была: показать классовую борьбу и ее обострение в результате первой мировой войны и после нее и обусловленный этим ход событий. Данной цели и служит эта книга.

Автор книги с полным правом анализирует период после первой мировой войны, рождение и первые годы Австрийской республики. Он не ограничивается, как это сейчас делают многие, лишь освещением событий начиная с 15 июля 1927 г.¹ Безусловно, 15 июля 1927 г. было решающим событием, поскольку с этого дня фашистское движение в стране стало шаг за шагом усиливаться, но причины и корни этого поворота относятся к 1918—1921 гг. На основе имеющихся фактов они объективно освещены в книге. В период между двумя мировыми войнами как социал-демократия, так и ее противники постоянно подчеркивали разницу между социал-демократическими партиями Германии и Австрии. То же самое встречается в исторических исследованиях и сейчас, когда не только буржуазные, но и правосоциалистические авторы считают «левизну» руководства австрийской социал-демократии с Отто Бауэром² во главе причиной или по меньшей мере одной из причин обострения классовой борьбы, которая привела к вооруженным боям в феврале 1934 г. Дело доходит до того, что эта «левизна» объявляется главной причиной крушения буржуазной демократии и победы фашизма.

---

¹ Имеется в виду расстрел полицией массовой демонстрации венских рабочих.

² О. Бауэр (1882—1938 гг.) — видный деятель австрийской социал-демократии, идеолог «австромарксизма» — одной из разновидностей оппортунизма. — *Прим. перев.*

Видный деятель реакционной Христианско-социальной партии И. Зейпель¹, ставший идейным вождем контрреволюции в Австрии, в свое время успокаивал буржуазию, напуганную свержением монархии. В передовой статье «Рейхспост» — центрального органа Христианско-социальной партии — он писал 23 ноября 1918 г.: «Между демократической монархией и демократической республикой разница невелика». Зейпель считал, что разница между монархией и республикой невелика, если в стране сохраняется и гарантируется капиталистический строй. В той же статье он отмечал: «Любая попытка установить классовое господство, любая игра с методами русских, любая слабость в отношении бессовестных демагогов означают голод и смерть. Лучший друг маленького человека, который в конечном счете больше всех чувствует нужду, — это тот, кто выступает за спокойствие и порядок».

Это выступление было ударом по левым революционным силам рабочего класса и одновременно предупреждением тем лидерам социал-демократии, которые жонглировали революционными фразами. В то же время это было предложение о заключении союза правым руководителям социал-демократии, которые по-прежнему определяли политику партии. Эту сторону дела особенно подчеркивал следующий абзац в статье Зейпеля, в котором говорилось: «Однако спокойствие и порядок в будущем нам обеспечит только свободное, подлинно демократическое государство».

Вскоре тот же Зейпель разработал теорию сословного государства как подлинно демократического государства, обеспечивающего «спокойствие и порядок». При этом Зейпель рассчитывал укрепить правое крыло Социал-демократической партии Австрии. Он знал, что найдет там соответствующий отклик. Ему была точно известна позиция правых вождей социал-демократической партии, которые не меньше, чем Шейдеман в Германии, ненавидели революцию, считая ее преступлением. Один из них, Карл Лойтнер, четко выразил эту мысль на закрытом заседании парламента 24 июля 1918 г. (т. е. после большой январской стачки), заявив: «Мы действительно не хотим

---

¹ И. Зейпель (1876—1932 гг.) — деятель Христианско-социальной партии, в 1922—1924 и 1926—1929 гг. — канцлер Австрии, активно способствовал фашизации страны. — *Прим. перев.*

революции, которая распространится по стране как все уничтожающий и разрушающий огонь. Борясь за укрепление и развитие культуры, мы испытываем страх и ненависть в отношении такой формы революции...» Как будто бы была или же могла быть другая форма революции, нежели та, которая, подобно бурному потоку, сметает старый строй! Все лицемерие этого заявления станет ясным, если вспомнить, что в 1914 г. господин Лойтнер был восторженным сторонником войны, развязанной германским империализмом, со всеми ее ужасными последствиями, и совершенно не думал тогда об «укреплении и развитии культуры».

«Демократическая республика, которая установит и обеспечит спокойствие и порядок», — таков был в революционное время после первой мировой войны идеал, к которому стремились как Зейпель, так и Реннер¹. Лишь бы не было революционной ликвидации капиталистической системы собственности и государственного аппарата, короче — свержения капиталистического строя. Не только Зейпель, но и правые лидеры социал-демократии во главе с Реннером были против «любой попытки установить классовое господство, всякой игры с методами русских». Но они не могли помешать выступлениям левых социал-демократических руководителей, которые на словах были и за рабочие и солдатские Советы, и за социальный переворот и даже за диктатуру пролетариата. И они не хотели мешать этому, поскольку именно Отто Бауэр и Фридрих Адлер² защищали правых лидеров социал-демократии от гнева рабочих в связи с их позицией в начале и в ходе первой мировой войны и выступали за то, чтобы они, несмотря на это, остались влиятельными лидерами партии. В. И. Ленин боролся в то время за очищение рабочего движения от этих руководителей-оппортунистов, которые давно уже предали марксизм и его цели и в ходе классовой борьбы рабочих в действительности представляли другую сторону. Ход исторического развития показал, насколько прав был В. И. Ленин.

---

¹ К. Реннер (1870—1950 гг.) — один из лидеров социал-демократической, а с 1945 г. — Социалистической партии Австрии, в 1945—1950 гг. — президент Австрийской республики. — *Прим. перев.*

² Ф. Адлер (1879—1960 гг.) — деятель австрийской социал-демократии, один из теоретиков «австромарксизма». — *Прим. перев.*

В Австрии это обстояло так: в то время как Фридрих Адлер и Отто Бауэр произносили в рабочих и солдатских Советах революционные фразы о господстве рабочего класса, установить которое, как они говорили, мешает лишь бедственное положение Австрии, полностью зависящей от западных держав-победительниц, Реннер и его друзья вместе с Зейпелем и представителями буржуазии снова восстановили капиталистический аппарат государственной власти. Почти все — от школ до полиции — осталось по существу нетронутым и было заимствовано новой «демократической республикой», с небольшими изменениями, коснувшимися лишь внешней формы. Примером может служить венская полиция, сыгравшая значительную роль в дальнейших событиях (в 1927 г.).

Весь руководящий аппарат венской полиции во главе с полицей-президентом реакционером Шобером остался таким, каким он был при монархии и в годы войны, когда полиция Вены осуществила ряд жестоких репрессивных мер против народных масс. Остался, например, также старший полицейский советник Брандль, который записал тогда в дневнике, что руководители демонстрантов на Ринге ¹ — это «исключительно евреи», а «полиция не может, как она хотела бы, арестовывать зачинщиков потому, что в результате этого могли бы возникнуть возмущения...» и т. д. 9 ноября он с глубоким сожалением записывает: «Неужели в Австрии не найдется генерала, который занял бы Вену своими войсками?» А этот Брандль, в течение всего периода существования Австрийской республики ² остававшийся руководящим полицейским чиновником, стал полицей-президентом и оказался (совершенно естественно) в 1938 г. действовавшим нелегально нацистом. Другие руководящие государственные чиновники — как в Вене, так и в землях (провинциях) — были в общем отнюдь не лучше.

Все это достаточно характеризует «демократическую республику», к которой стремились Зейпель и Реннер и которая, что касается аппарата власти, действительно почти не отличалась от демократической монархии.

---

¹ Одна из главных улиц Вены. — *Прим. перев.*

² Первая Австрийская республика просуществовала с ноября 1918 г. по март 1938 г., т. е. до аншлюса (захвата Австрии гитлеровской Германией). — *Прим. перев.*

В социальной области рабочий класс добился многого из того, за что он боролся в течение десятилетий — восьмичасового рабочего дня, выдачи пособий по безработице и введения производственных советов¹. Поскольку одновременно правительство старалось избежать возмущения рабочих масс, армия была заменена фольксвером («народной армией»), а в руководящие органы общин и земель вошли социал-демократы. Ссылаясь на эти довольно значительные по сравнению с прошлым перемены, руководство социал-демократической партии сумело скрыть то, что экономическая и политическая власть капитала снова укрепилась, а капиталистический государственный аппарат упрочил свои позиции.

В первые годы после возникновения Австрийской республики рабочий класс являлся решающим фактором в политической жизни страны. Рабочие и солдатские Советы, возникшие по примеру русской революции во время первой мировой войны, еще в 1919—1920 гг. были самой мощной реальной силой в стране. Они могли опираться не только на рабочий класс, но и на фольксвер, который почти целиком состоял из сторонников социал-демократической и коммунистической партий. Однако влияние рабочих и солдатских Советов систематически подрывалось из-за того, что руководство социал-демократии вело борьбу против коммунистов, против всех революционных сил.

В свою очередь буржуазия начала создавать реакционные вооруженные союзы. Она делала это по-разному, в зависимости от местных условий. Социальной базой этих организаций были некоторые слои крестьянства, верхушка мелкой городской буржуазии, потерявшая в ходе войны свое состояние, бывшие кадровые офицеры и унтер-офицеры, которые внезапно лишились основы существования и испытывали нужду, деклассированные элементы. Эти союзы не только носили различные названия — Союз защиты граждан, Союз фронтовиков, Союз защиты родины (хеймвер), Союз защиты отечества и т. д., — но и в течение некоторого времени вели своего рода конкурентную борьбу друг против друга. Лишь после того, как Христианско-социальная партия, и прежде

---

¹ Выборные организации представителей рабочих и служащих на предприятиях, призванные защищать их интересы. — *Прим. перев.*

всего Зейпель, стала поддерживать и защищать эти союзы, картина постепенно изменилась. На территории всей Австрии были созданы вооруженные организации буржуазии. Правда, имелось еще два-три различных союза, но их деятельность имела одну цель — непрерывно совершать вооруженные провокации против «красных», т. е. против рабочего класса.

В то время как реакционные вооруженные организации усиливались, из фольксвера с помощью руководства социал-демократической партии были удалены революционные элементы. По мере укрепления буржуазного государственного аппарата и создания законодательным путем производственных советов, рабочие Советы все больше и больше отмирали. Рабочие, конечно, видели, что сила реакционных организаций растет. Однако руководители социал-демократической партии успокаивали рабочий класс и самих себя, ссылаясь на создание «Республиканского шуцбунда» как противовеса хеймверу и организациям бывших фронтовиков. Как организация шуцбунд возник из представителей службы порядка, которая имела в рабочих Советах. С самого начала он был построен по-военному и располагал стрелковым оружием и пулеметами. Уже само название — «Республиканский шуцбунд» — должно было выражать его цель: защита республики против монархистской реакции. Политическое руководство шуцбунда считало, что он не должен быть революционной боевой классовой организацией пролетариата. Однако, поскольку в шуцбунд входили почти исключительно рабочие, в нем постоянно возникали революционные тенденции. Руководство шуцбунда пыталось преодолеть их путем усиленной военной подготовки и подчеркивания необходимости соблюдения дисциплины.

Вера рабочих в свои силы укреплялась еще тем, что руководство социал-демократии постоянно ссылалось на то, что как солдаты (в Австрии была тогда уже кадровая армия, созданная на основе фольксвера), так и полицейские в своем подавляющем большинстве состояли в профсоюзах.

По мере укрепления буржуазного государственного аппарата и особенно после временной консолидации господства капитала в Германии провокации со стороны реакционных вооруженных союзов стали все более частым явлением. Эти союзы негласно поддерживались частью

руководства Христианско-социальной партии и некоторыми государственными органами; более того, они недвусмысленно подстрекали эти организации к провокационным выступлениям. Участились столкновения между шувбундовцами, с одной стороны, и хеймверовцами и бывшими фронтовиками — с другой. При этом шувбундовцы не имели оружия, поскольку оно находилось на складах, доступ к которым имели лишь руководители. Хеймверовцы же выступали с оружием в руках, и потому число жертв среди рабочих росло, пока, наконец, в 1927 г. дело не дошло до взрыва. Рабочий класс столкнулся с укрепившимся буржуазным государственным аппаратом, причем «состоявшие в профсоюзах» полицейские направили свои винтовки против венских рабочих. Рабочий класс сразу же осознал, что решающие рычаги власти находятся в руках классового врага, который не колеблясь использовал их в своих интересах.

В предлагаемой книге на основе исторических фактов шаг за шагом прослеживается развитие событий. В работе показано, что начиная с 15 июля 1927 г. социал-демократическое руководство реагировало на рост фашистской опасности постоянным отступлением, которое оно по-прежнему маскировало радикальными фразами вплоть до марта 1933 г., когда парламент был распущен, а лидеры социал-демократической партии полностью капитулировали. Но они, как и в январе 1918 г.¹, все еще использовали лозунг «Ружье к ноге!», призывали к терпеливому выжиданию, пока, наконец, уже при неблагоприятных условиях шувбундовцы перестали держать ружья «у ноги», а взяли их наизготовку, чтобы обороняться против фашистов. Политический, моральный и военный провал руководства социал-демократов привел в конечном итоге к поражению рабочих в феврале 1934 г. Руководство нынешней Социалистической партии Австрии, вспоминая о героях февраля, пытается все это скрыть. Более того, оно старается использовать в своих целях самоотверженность и жертвы, понесенные героями февральских боев. При этом лидеры СПА хорошо знают, что участники февральских событий 1934 г. на следующий же день после поражения проклинали руководство социал-демократи-

---

¹ В январе 1918 г. в Австро-Венгрии проходила всеобщая политическая стачка. — *Прим. перев.*

ческой партии, причем большинство из них сделало для себя политические выводы и вступило в Коммунистическую партию Австрии. Однако фальсификация истории давно уже стала неотъемлемой частью практической деятельности правого руководства СПА.

* * *

В этой книге раскрывается зависимость влиятельных кругов Первой Австрийской республики от крупных капиталистических стран. Начало ей было положено в 1918 г., и высшей точки эта зависимость достигла в 1938 г., когда Австрия была оккупирована гитлеровской Германией. О независимости страны не было речи, поскольку империалистические державы использовали Австрию в качестве пешки в своей конкурентной борьбе. Лидеры всех политических партий, за исключением Коммунистической партии Австрии, прямо или косвенно служили этим державам проводниками их политики. Более того, многие из тогдашних ведущих политиков, прежде всего, естественно, фашисты, не стыдились получать за это чистоганом. Подавление рабочего класса в феврале 1934 г., как и проведение политики, соответствующей пожеланиям и приказам крупных империалистических держав, было проявлением одной линии. Эта линия, как и следовало ожидать, привела к ликвидации Первой республики. Империалистические державы, бывшие якобы защитницами Австрии, отдали ее в качестве взноса гитлеровской Германии. Сегодня в связи с этим событием обычно ссылаются на Муссолини, который предоставил Гитлеру свободу действий в Австрии в 1938 г., скромно умалчивая о империалистических западных державах. А ведь они не менее виновны в гибели Первой Австрийской республики. В 1938 г. эти державы отдали Гитлеру Австрию, а вскоре после этого — Чехословакию, подписав соответствующие соглашения и уже тогда надеясь побудить его начать войну против Советского Союза. Полезно напомнить о дебатах в английском парламенте, развернувшихся в то время. Я позволю себе привести цитату из статьи, написанной мной в апреле 1938 г., вскоре после оккупации Австрии гитлеровской Германией. В статье говорилось:

«Если политика Шушнига¹ открыла путь для нападения Гитлера на Австрию и облегчила его, то и реакционные французские круги и в первую очередь английское правительство не только сделали это нападение в решающий момент возможным, но и способствовали ему. Все опровержения Чемберлена и все нагло провокационные ответы Гитлера на английские ноты не могут этого опровергнуть. 11 марта в палате общин была продемонстрирована своеобразная игра в вопросы и ответы.

Гендерсон: «Не мог бы премьер-министр в связи с особым положением в Австрии выразить по меньшей мере надежду...» (Возгласы со скамей консерваторов: «Нет! Нет!») «выразить надежду, что этот народный референдум будет, во всяком случае, проведен без вмешательства или давления внутри страны и извне, чтобы тем самым разрешить австрийскому народу полностью осуществить свое право на самоопределение?»

Чемберлен не ответил на этот вопрос.

Торн (социалист): «Могу ли я задать вопрос: понимает ли премьер-министр, что консерваторы, выражая аплодисментами свое одобрение, продемонстрировали, что они выступают за то, чтобы Германия оккупировала Австрию?»

Чемберлен отказался ответить и на этот вопрос.

Эта сцена в парламенте наглядно показывает связи консервативного правительства с фашистскими агрессорами. На правительствах буржуазно-демократических стран будет лежать вечный позор за то, что они своим молчанием выразили согласие с ликвидацией независимости Австрии.

Нет никакого сомнения в том, что такое предательство в отношении целого народа отразится не только на других малых народах, но и на крупных буржуазно-демократических странах».

Это предсказание, сделанное в апреле 1938 г., полностью оправдалось. В сентябре 1939 г. Гитлер начал войну, причем сначала против западных держав. Не только Австрия, но и все страны Европы вынуждены были заплатить страшную кровавую дань.

---

¹ К. Шушниг (р. в 1897 г.) — деятель Христианско-социальной партии, был канцлером Австрии в 1934—1938 гг. Политика Шушнига способствовала захвату Австрии фашистской Германией в марте 1938 г.

А как обстоит дело сейчас, спустя сорок лет? Австрия стоит сегодня на более прочном фундаменте, чем в период Первой Австрийской республики. Почему? Теория о нежизнеспособности Австрии, с которой выступали в свое время буржуазные и социал-демократические политики, была полностью опровергнута самим ходом исторического развития. Идея австрийской государственности и национального самосознание настолько укрепились в народе, что сейчас уже никто не может выступать перед общественностью с политикой ликвидации австрийской независимости и аншлюса.

Все политические партии выступают сегодня за независимость Австрии. В то же время СПА, АНП и АПС пошли на заключение договора с Европейским Экономическим Сообществом (ЕЭС), который чреват для Австрии большими опасностями. Эти три партии тесно связаны с иностранным монополистическим капиталом. Лидеры СПА хотят занести на свой счет героизм участников февральских боев и в то же время хвастаются тем, что проводят совершенно иную политику, чем та, за которую боролись бойцы февральских баррикад. Они намерены поставить боевые традиции австрийского рабочего класса на службу политики «классовой гармонии», проводимой СПА, которая идет па пользу лишь капитализму.

Февральские бои в Австрии, как и антифашистские битвы в других европейских странах перед второй мировой войной, в известном смысле нашли свое продолжение и завершение в широкой борьбе народов против фашизма во время второй мировой войны. Разгром гитлеровского государства Советским Союзом, который нес основное бремя в борьбе против нацистской Германии, был в то же время победой участников февральских боев. Как известно, некоторые из них сражались в рядах Советской Армии и вернулись в Австрию с советскими войсками.

Время после 1945 г. было для Австрии совсем иным, чем период после первой мировой войны. На границах с Австрией находятся не фашистские, а социалистические государства. Своей независимостью, Государственным договором и нейтралитетом Австрийская республика обязана Советскому Союзу. Победа над силами «холодной войны»

и начавшийся период разрядки в значительной мере укрепили безопасность Австрии...

Новое положение Австрии, гораздо более благоприятное, чем накануне падения Первой республики, никак нельзя отнести за счет политики СПА, а тем более АНП или АПС. Это положение создано против воли и действий руководителей этих партий — благодаря давлению трудового народа нашей страны, благодаря борьбе и политике Советского Союза и других социалистических стран. Но именно сейчас, в период кризисного развития монополистического капитализма, нужно помнить о том, что Австрии по-прежнему грозят опасности, которые при известных обстоятельствах могут довольно быстро материализоваться. Поэтому нельзя забывать уроков февраля 1934 г. Они свидетельствуют о решающем значении марксистско-ленинской коммунистической партии, которая все свои силы посвящает борьбе за боевое единство рабочего класса, против примирения классов. Правильная политика — это политика, основывающаяся на классовой точке зрения. Она является в конечном итоге решающей даже в том случае, когда коммунистическая партия, проводящая ее в жизнь, все еще невелика.

Воспоминания о февральских боях 1934 г., анализ их причин, хода исторического развития в Австрии и на мировой арене после этих событий дают основание сделать вывод, что политика классового примирения, лживая политика социального партнерства приводят к тому, что рабочий класс оказывается в невыгодном положении в ходе неизбежных боев между трудом и капиталом. Наша память о февральских борцах неразрывно связана с волей к борьбе против капитала, который противостоит нам сегодня в форме государственно-монополистического капитализма, причем руководство СПА полностью в него интегрировалось. В наши дни мы ведем борьбу за антимонополистическую демократию, на основе которой рабочий класс и трудовой народ смогут сделать решающий шаг к социализму в Австрии.

*Фридль Фюрнберг
Член Политбюро ЦК
Коммунистической партии Австрии*

ПОСВЯЩАЕТСЯ КОММУНИСТИЧЕ-
СКОМУ СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ АВСТРИИ,
В КОТОРЫЙ Я ВСТУПИЛ 50 ЛЕТ НАЗАД.

АРНОЛЬД РАЙСБЕРГ

Начало и ход боев

Таинственный разговор по телефону

В понедельник, 12 февраля 1934 г., в два часа ночи директора службы безопасности Верхней Австрии, старшего правительственного советника Ганса Хаммерштайна-Экворда внезапно разбудили. Одна из служащих почтамта Линца, имевшая поручение подслушивать телефонные разговоры функционеров социал-демократической партии, возбужденно сообщила, что только что состоялся разговор между Веной и секретариатом Верхнеавстрийской организации социал-демократов, находившимся в отеле «Шиф» в Линце. Текст телефонограммы гласил: «Эрнст и Отто тяжело заболели, мероприятие переносится»¹. В силу тогдашней напряженной политической обстановки уже самого таинственного слова «мероприятие» было достаточно, чтобы вызвать интерес директора службы безопасности. К тому же «Отто» было именем наиболее влиятельного руководителя Социал-демократической партии Австрии, Отто Бауэра, а человек, принявший это сообщение, был Рихард Бернашек — секретарь социал-демократической организации и руководитель шувбунда Верхней Австрии.

Директору службы безопасности было ясно, что этот на первый взгляд безобидный текст скрывает важное содержание. С согласия начальника полиции Линца он

---

¹ В различных источниках приводятся неидентичные тексты. Цитируем здесь текст, приведенный самим адресатом — Р. Бернашеком в его статье «Трагедия австрийской социал-демократии», появившейся в конце апреля 1934 г., т. е. через несколько недель после февральских событий, в книге: «Österreich — Brandherd Europas», Zürich, 1934, S. 279.

принял решение провести намеченный на 12 февраля обыск в поисках оружия ранним утром и начать его с социал-демократического партийного дома — отеля «Шиф».

Телефонное сообщение действительно было ответом Отто Бауэра на письмо Бернашека, написанное им в полном согласии «с некоторыми вполне надежными товарищами», которое было отослано с курьером в Вену в воскресенье во второй половине дня. Густль Мозер, до февраля 1934 г. председатель производственного совета завода «Штейр», избранный позднее членом ЦК Коммунистической партии Австрии, рассказал на страницах газеты «Фольксштимме» 2 февраля 1964 г. об этом совещании узкого состава руководства шудбунда, продолжавшемся до 17 час., в котором он участвовал. Бернашек сказал: «Мы должны сопротивляться, иначе у нас будет так же, как в Германии. Мы в Австрии ни в коем случае не должны погибнуть бесславно и без борьбы».

На вопрос Бернашека, что следует сделать, если правление социал-демократической партии снова выступит против объявления борьбы, было высказано мнение — «принять решение вопреки правлению партии».

В письме Бернашека, в частности, говорилось: «Сегодня утром я совещался с пятью вполне надежными товарищами, преданными партии. После долгого обдумывания мы пришли к решению, которое уже не может быть отменено... Выполняя это решение, мы приведем в готовность сегодня во второй половине дня и в течение ночи все имеющееся у нас оружие на территории Верхней Австрии с тем, чтобы рабочие, уже сейчас готовые к отпору, могли немедленно им воспользоваться. Если завтра, в понедельник, в каком-либо из городов Верхней Австрии начнутся обыски в поисках оружия или же аресты доверенных лиц партии и шудбунда, то будет оказано вооруженное сопротивление, которое впоследствии перерастет в наступление...

Мы ожидаем, что, получив по телефону наше сообщение в Вену... ты сразу же подашь сигнал к выступлению венским, а затем и всем австрийским рабочим...

Позор венским рабочим, если они нас не поддержат...»

Настроение, в котором было написано это письмо, можно понять, лишь представив себе общее положение в Австрии в то время. Классово сознательные рабочие с чувством горечи видели, как одно за другим отменяются достижения, завоеванные ими в период ноябрьской революции 1918 г. Капитулянтская политика руководства социал-демократической партии, которое в 1918 г. отказалось от установления господства рабочего класса, помогла буржуазии снова оказаться в седле. Вся история Австрийской республики, начиная с восстановления господства буржуазии, представляла собой ряд непрерывных атак на рабочий класс, ответом на которые было дальнейшее отступление руководства социал-демократической партии по всему фронту. Эту политику рабочий класс оплатил кровавым поражением выступления 15 июля 1927 г., усилением фашистского движения, снижением заработной платы и безработицей.

Приход к власти германских нацистов в январе 1933 г. явился для монополистической буржуазии всей Европы новым стимулом в ее стремлении установить неприкрытую диктатуру своих самых реакционных кругов. Он поощрил также австрийскую крупную буржуазию и тогдашнее правительство Дольфуса¹ усилить фашистское наступление на австрийский рабочий класс и парламентскую демократию. Одновременно фашистская опасность встряхнула пролетариат, особенно в соседних с гитлеровской Германией государствах, укрепила его волю к борьбе, решимость не допустить победы фашизма в собственной стране.

В Австрии складывалась особая ситуация из-за конкурентной борьбы двух фашистских групп. Одна из них, национал-социалисты, была агентурой германского империализма и пропагандировала аншлюс к гитлеровской Германии. Другая — австрийские фашисты — в области внешней политики ориентировалась на фашистскую Италию Муссолини и по ряду причин отклоняла аншлюс.

---

¹ Э. Дольфус (1892—1934 гг.) — один из руководителей реакционной австрийской Христианско-социальной партии, ориентировался на фашистскую Италию, в феврале 1934 г. руководил кровавым подавлением вооруженного выступления австрийских рабочих. — *Прим. перев.*

Австрийские фашисты, которые были представлены вооруженными хеймверовскими организациями и крылом Дольфуса в правящей Христианско-социальной партии, использовали то, что подавляющее большинство населения Австрии отклоняло национал-социализм. Под предлогом необходимости защищать независимость страны они стремились отменить парламентскую демократию и править методами диктатуры с помощью параграфа одного из законов, принятых еще во времена Габсбургской монархии. Поскольку конкретные мероприятия австрийских фашистов были направлены непосредственно против прав и достижений рабочих, передовая часть рабочего класса требовала решительных боевых выступлений против опасности фашистского государственного переворота. Однако руководство австрийской социал-демократии, которая вследствие слабости Коммунистической партии Австрии представляла в те годы почти весь австрийский рабочий класс, хотя и употребляло левые фразы, обещая не допустить в Австрии повторения германских событий, на деле подавляло всякую попытку борьбы против фашизма в Австрийской республике, обосновывая это тем, что, мол, еще не настало время.

В течение всего 1933 г. руководство социал-демократической партии без борьбы воспринимало один за другим удары, наносимые фашистским правительством Австрии, что привело к обострению противоречивых тенденций в партии. Активная, революционная часть функционеров и членов социал-демократической партии все более настойчиво требовала решительных боевых выступлений. Другая часть членов партии впала в пессимизм, что серьезно снижало боевой дух рабочего класса. Стремление прогрессивных сил нанести удар по фашизму и их готовность к единству действий с Коммунистической партией Австрии, которая все больше завоевывала влияние, не дали практических результатов. Причиной было традиционное подчинение дисциплине, характерное для социал-демократической партии, что исторически не оправдало себя. Напрасно пыталась передовая часть рабочего класса побудить правление партии прекратить, наконец, бездеятельное наблюдение за наступлением австрийского фашизма и дать сигнал к борьбе, пока еще не все потеряно. Пожалуй, впервые в истории австрийского рабочего движения все большее число функционеров социал-демокра-

тической партии низового и среднего звена начало думать о том, чтобы сбросить роковые оковы пагубной дисциплины, самим проявить инициативу к борьбе.

Дилемма Бернашека

Передать письмо Бернашека в Вену взялся член муниципального совета Вены Алоис Ялкоци, который в конце недели по служебным делам приехал в Линц и участвовал в совещании «вполне надежных товарищей». Напрасно старался он во время совещания успокоить возбужденные умы и сразу же отбыл в Вену.

Отто Бауэра удалось застать только после полуночи, когда он возвратился с женой из кино, где они смотрели фильм с участием Греты Гарбо. Письмо из Линца привело его в ужас.

Когда Бернашек получил отрицательный ответ Отто Бауэра, он оказался во власти противоречия между многолетней привычкой к партийной дисциплине и пониманием пагубности проводившейся социал-демократами политики и не смог прийти к решению. Бернашек не отменил «мероприятия» и не отдал другого распоряжения. Не отдал он также и приказа защищать Партийный дом. Выделенная для этого команда покинула дом после полуночи и должна была вернуться лишь в девять часов утра. Только 38 человек, из них несколько младших командиров шцубундовских отрядов, ординарцы и связные, сидели или лежали на креслах и столах. После двух бессонных ночей, примерно в 4 часа утра, Бернашек также позволил себе немного поспать в своей канцелярии — каких-нибудь полтора часа. Но он не отдал распоряжения вынести оружие, которое по его приказу находилось в верхнем этаже и было подготовлено к бою.

Первые выстрелы

Бернашек полагал, что полицейская акция начнется не раньше, чем начнут работать учреждения; на 7 час. утра был подготовлен еще один транспорт с оружием для шцубундовцев. Вопреки его ожиданиям еще до 7 час. утра перед отелем «Шиф» появился полицейский отряд

в составе 10 постовых и 10 сотрудников криминальной полиции. Стоявший у двери часовой сразу же разбудил Бернашека. Бросив взгляд из окна во двор, он немедленно дал приказ штурмбундовцам быстро взяться за оружие. Они бросились в комнаты, где оно лежало. Раздались проклятия — две оказались запертыми, а ключи отсутствовали. Пока кто-то сумел открыть железную дверь, было потеряно несколько столь ценных минут.

Бернашек запер свою комнату и, нагнувшись, чтобы его не увидели полицейские, которые уже проникли во двор отеля, схватился за телефонную трубку. Даже в этот критический момент его социал-демократическое воспитание одержало верх. Бернашек пытается уговорить главу правительства Верхней Австрии, члена Христианско-социальной партии Йозефа Шлегеля, вмешаться в ход событий. Спокойно спавший до этого Шлегель говорит, что он якобы ни о чем не знает, и обещает навести справки. У Бернашека остается лишь время на то, чтобы позвонить в рабочую палату Линца. Там, как было условлено, группа доверенных лиц ожидала возможного сигнала тревоги. Они должны были передать по телефону в самые важные пункты условленные пароли: «Немедленно выступить на помощь! Объявить всеобщую стачку! Немедленно передать в Вену! Передать в Штейр!»

Но вот уже взломана дверь. Бернашек не стреляет в ворвавшихся полицейских, он сдается, и его уводят, осыпая ударами и пинками.

Полиция атакует штурмбундовцев, засевших в задней части дома. Но на этот раз она наталкивается на вооруженное сопротивление. Пулеметчик Кунст держит полицейских под прицельным огнем, другие отражают атаку, пустив в ход винтовки и ручные гранаты. Полиция чувствует себя бессильной и вызывает на помощь солдат.

Еще в 6 час. 45 мин. полиция попросила военные власти быть готовыми оказать ей помощь. В 8 час. 45 мин. пятая рота седьмого полка альпийских стрелков появилась перед отелем «Шиф». Приказ о выступлении поступил столь неожиданно, что уже не осталось времени вооружить личный состав ручными гранатами. Они были доставлены позднее небольшой группой солдат. Альпийские стрелки заняли находившийся напротив отеля «Шиф» монастырь кармелитов и Торговую палату. Они пытались ворваться в отель, но были отбиты штурмбундов-

дами. Только через час, когда поступило подкрепление в виде пулеметной роты, солдаты смогли занять правую лестницу и первый этаж здания. Третий взвод проник в столовую, а затем в кинозал. Хотя шуцбундовцев было крайне мало, они отчаянно сопротивлялись, надеясь, что придет помощь с предприятий. Однако попытка освободить осажденных, предпринятая одним из шуцбундовских отрядов, прибывшим на двух грузовиках с пулеметами со стороны Торгового двора, не удалась вследствие заграждений, поставленных полицией. Вторая попытка шуцбундовцев, собравшихся в школе возле типографии газеты «Тагблатт», снять блокаду здания также не имела успеха, так как командиры не выдали им оружия.

Наконец против отеля «Шиф» была пущена в ход артиллерия. Когда горные гаубицы продвинулись вперед, чтобы занять позицию, они были обстреляны возле больницы — сперва с левого фланга, затем с правого и с тыла. Прежде чем орудия смогли открыть огонь, одному из солдат-снайперов удалось выстрелом с колокольни смертельно ранить в голову пулеметчика Кунста, находившегося в отеле «Шиф». После этого огонь шуцбундовцев ослаб, и солдаты смогли ворваться в зал заседаний. Около 11 час. 45 мин. храбрые защитники «Шифа» сдались, так как запасы патронов уже кончались. Полиция была поражена, что шуцбундовцев оказалось только 38 человек. Судя по силе огня, полицейские полагали, что шуцбундовцев было не менее сотни.

В Вене становится неспокойно

Весть о вооруженных боях в Линце через несколько минут достигла Вены. Между рабочими Линца и Вены с давних пор была тесная связь, и непосредственно в последние недели неоднократно велись переговоры между доверенными лицами из Вены и Линца. Поэтому естественно, что рабочие Линца сразу же уведомили своих венских товарищей о начавшихся событиях и призвали их проявить солидарность. В ответ на это на ряде венских предприятий рабочие стихийно прекратили работу. В первую очередь надо упомянуть Флоридсдорф (XXI район Вены), где еще за день до этого царил возбуждение из-за ареста председателя производственного

совета завода «Фиат», командира шуцбундовского отряда Штокхаммера. На других венских крупных предприятиях рабочие также хотели немедленно прекратить работу и начать всеобщую стачку. Можно полагать, что, если бы это намерение удалось осуществить, последующие события приняли бы другой оборот.

Но даже и в эти решающие минуты социал-демократическим производственным советам удалось, хотя и с большим трудом, удержать рабочих от выступления и уговорить их ждать «команды сверху». В правление социал-демократической партии и к профсоюзному руководству были направлены делегации за директивами.

Решение о всеобщей стачке

Однако правление социал-демократической партии уже нельзя было найти. После того как власти 8 февраля заняли Партийный дом, находившийся на улице Рехте Винцайле, был создан небольшой исполнительный комитет. Он был уполномочен принимать под свою ответственность дальнейшие решения. В этот комитет вошли, кроме Отто Бауэра, секретарь объединения свободных профсоюзов Австрии Иоганн Шорш, секретарь профсоюза железнодорожников Бертольд Кёниг, Карл Вайгль, член венского муниципалитета Роберт Даннеберг и политический руководитель «Республиканского шуцбунда» Юлиус Дейч. Чтобы избежать ожидаемого ареста, Дейч уже несколько ночей провел не у себя на квартире, а в одном из отелей. Утром 12 февраля он вызвал дежурного оперативной службы шуцбунда и узнал, что Отто Бауэр назначил на 9 час. заседание в заранее условленном месте — на квартире сестры Юлиуса Дейча, на Гумпендорферштрассе. Когда Дейч прибыл туда, Отто Бауэр сообщил ему, что после начала боев исполнительный комитет большинством в один голос принял решение объявить всеобщую стачку и мобилизовать шуцбунд. Наспех было создано «боевое руководство» во главе с Отто Бауэром и Юлиусом Дейчем.

На этом совещании секретарь объединения свободных профсоюзов Австрии Шорш и представитель рабочих пищевой промышленности Гупперт выступили за всеобщую стачку. Представитель профсоюза железнодорожников

Кёниг высказал серьезные сомнения. Он опасался, что железнодорожники, потерпевшие поражение в прошлом году¹, не будут бастовать. Прежний руководитель шуцбунда, генерал Теодор Кёрнер, считал, что выступление шуцбунда в данный момент безнадежно. Юлиус Дейч полагал такое выступление возможным, но только в сочетании с успешной всеобщей стачкой. Руководитель организации социал-демократов в Нижней Австрии, заместитель главы правительства этой земли Оскар Хельмер, выступил против вооруженной борьбы, за переговоры с представителями Христианско-социальной партии. Решение об объявлении всеобщей стачки было вынужденным. Вожди социал-демократии знали, что некоторые предприятия Флоридсдорфа уже бастовали без их указаний. Они знали также, что рабочие венской электростанции решили прекратить работу, и это должно было послужить сигналом для выступления шуцбундовцев. Под таким нажимом было принято решение о всеобщей стачке.

Социал-демократическое руководство мобилизовало шуцбунд, но дало ему строгое указание не предпринимать наступательных действий, а вести бои лишь в тех случаях, когда шуцбундовцы подвергнутся нападению. Но тем самым была обречена на поражение вся борьба шуцбундовских отрядов, как бы героически они ни сражались. Эта половинчатость была самым наглядным доказательством отсутствия единства в рядах руководителей социал-демократии, неверия в силы рабочего класса, которое определяло их действия. Объявив всеобщую стачку и вооружение шуцбунда, они отнюдь не рассчитывали сокрушить австрийский фашизм, а хотели лишь оказать давление на правительство и вынудить его пойти на переговоры. Роковое воздействие на исход борьбы оказало также данное ряду руководителей партии разрешение вести переговоры с лидерами Христианско-социальной партии. Хельмер отправился в нижеавстрийский ландтаг, находившийся в центре Вены, и вместе со своим единомышленником Генрихом Шнайдамдлем установил контакт с главой правительства этой земли Йозефом Рейтером, членом Христианско-социальной партии. Они предложили ему занять место Дольфуса и образовать коалиционное

---

¹ Речь идет о подавлении правительством Дольфуса забастовки железнодорожников в 1933 г. — *Прим. перев.*

правительство с Карлом Реннером в качестве вице-канцлера. Рейтер отклонил предложение, но заявил, что готов поговорить с Дольфусом. Даннеберг также пытался вести переговоры с министром финансов Бурешом, но все усилия были напрасными. Дольфус не желал ни о чем говорить. Это мероприятие социал-демократов кончилось плачевно: все участники переговоров по возвращении были арестованы.

Отто Бауэр и Юлиус Дейч направились в венский район Фаворитен, где должен был находиться штаб центрального «боевого руководства». Но этот орган также сыграл плачевную роль. Созданный партией, которая славилась своей организованностью и дисциплиной, он не смог даже довести лозунг о всеобщей стачке до всех предприятий. Секретарь профсоюзов Свитанич в течение двух часов на все телефонные запросы с предприятий упорно отвечал, что ему ничего не известно о призыве к всеобщей стачке. Многие коллективы предприятий были подняты по тревоге лишь тогда, когда в 11 час. 46 мин. во всей Вене прекратилась подача тока. Группе решительно настроенных рабочих под руководством служащего городской электростанции Франца Шустера удалось, преодолев серьезное сопротивление дирекции и некоторых инженеров, выключить генераторы. Вена осталась без света и электрического тока¹. Во всей Вене погасли огни, остановились электрические часы. Трамвайные вагоны замерли там, где они находились, перестал работать водопровод.

Все это было заранее условленным сигналом для доверенных лиц о начале всеобщей стачки и вооружения шувбунда. Но даже теперь многие не знали, идет ли речь о технических неполадках, акте саботажа или же об условленном сигнале начать борьбу. Примером растерянности социал-демократического руководства служит тот факт, что написанный по поручению Отто Бауэра редактором Юлиусом Браунталем «Манифест к австрийскому народу», содержащий призыв к всеобщей стачке и вооруженному сопротивлению против фашистского государст-

---

¹ По окончании февральских событий Шустер стал коммунистом и вел самоотверженную нелегальную работу. После аннексии Австрии гестапо выследило его. Шустер был осужден и брошен в концлагерь Бухенвальд, где в 1943 г. умер.

венного переворота, не удалось напечатать. Из-за забастовки рабочих электростанции остановились машины типографии, где собирались печатать этот манифест, а насчет запасной машины никто попросту не подумал.

Не торопясь поднимали по тревоге шугбундовцев. Они направились на места сбора, где должны были получить оружие.

Контрмеры правительства

Резким контрастом нерешительности социал-демократического партийного руководства, его половинчатым, выжидательным мероприятиям были контрмеры правительства. Действуя решительно, жестоко и беспощадно, твердо решив любой ценой провести в жизнь фашистский курс, направленный против рабочего класса, не останавливаясь перед кровопролитием, правительство отдало приказ осуществить хорошо подготовленные меры для подавления выступления. Начиная с февраля 1933 г. представители властей неоднократно обсуждали в канцелярии канцлера эти мероприятия. Правда, правительство не ожидало, что бои вспыхнут 12 февраля. Вице-канцлер майор Эмиль Фей, хотя и выступил накануне с речью, содержащей угрозы по адресу рабочих, утром 12 февраля отправил свою жену вместе с супругой статс-секретаря безопасности Карвински в один из окраинных районов Вены собирать зимние вещи для безработных.

Канцлер Дольфус около 8 часов утра направился в федеральную канцелярию, чтобы отдать некоторые распоряжения, прежде чем отбыть в собор св. Стефана на торжественное богослужение по поводу юбилея папы Римского. Начало боев застало правительство врасплох. Это могло значительно улучшить шансы рабочих, если бы они имели руководство, поставившее перед собой ясную цель.

Первое сообщение о боях в Линце Карвински получил по телефону из этого города и немедленно передал майору Фею на квартиру. Последний отдал приказ подавить выступление в Линце всеми имеющимися в распоряжении властей средствами, в случае необходимости — с помощью армейских частей. При этом оба они не верили в возможность распространения боев на Вену. Карвински полагал, что речь идет о местных столкновениях. В этом

духе он доложил канцлеру Дольфусу, который решил не откладывать посещения богослужения. Министр обороны князь Шёнбург-Хартенштейн даже не был информирован об этих событиях. В 11 час. все члены правительства, за исключением Фей и Карвински, вместе с представителями дипломатического корпуса находились в соборе св. Стефана. Правда, Фей в целях предосторожности приказал своему адъютанту майору Врабелю вернуть на автомашине обеих дам из поездки на окраину Вены. Были также приняты всевозможные меры безопасности: подняты по тревоге и приведены в состояние полной боевой готовности полиция и жандармерия, армия, так называемые добровольческие отряды, созданные из фашистских организаций (хеймвер, «Союз свободы» и другие). В этот понедельник из сотрудников органов безопасности на службе находилось утром лишь 300 человек. К 11 час. вся полиция была приведена в состояние боевой готовности.

В 10 час. 15 мин. венский полицейский-президент доктор Ойген Зейдль передал сообщение о начале боев в Линце командующему венским гарнизоном генерал-майору инженеру Ойгену Лушински с просьбой «привести войска в полную боевую готовность». В 10 час. 40 мин. командующий отдал приказ о возвращении солдат гарнизона в казармы.

Лишь во время богослужения в соборе св. Стефана правительству стало ясно, что на этот раз борьба будет тяжелой. Французский посланник в Вене Габриель Пью, симпатизировавший фашистскому правительству и присутствовавший на церемонии в соборе св. Стефана, писал: «Дипломатический корпус расположился на хорах. Я видел лицо канцлера, которое было серьезным, как бы окаменевшим под бременем забот. Богослужение вел кардинал Инницер. В 11 час. 47 мин. внезапно погасли электрические лампы, затем снова вспыхнули, потом в течение нескольких секунд снова погасли. Под высокими сводами собора стало темно. Восковые свечи слабо освещали хоры. Сигнал к всеобщей забастовке, означавший восстание, был дан. Электрическое освещение повиновалось приказу марксистских вождей. А на алтаре все еще горели средневековые свечи католической Австрии».

Вице-президент полиции Михаэль Скубль мобилизовал конных полицейских. Он предложил немедленно обратиться за помощью к войскам. «Мы были слишком слабы,

мы не могли справиться с массами. Я сразу выступил за то, чтобы использовать солдат для подкрепления», — заявил он позднее. Полицей-президент Зейдль высказал опасение, что шувбунд возьмется за оружие и атакует казармы.

Власти решили применить против рабочих тяжелые орудия. В 12 час. были приведены в готовность 16 орудий. В течение ночи к ним добавилось еще 8 батарей, по два орудия в каждой.

В 12 час. 15 мин. вся полиция уже находилась под ружьем, было организовано патрулирование. В 14 час. в полицей-президиуме состоялось совещание по вопросу о дальнейших действиях. Дирекция полиции предложила, чтобы солдаты заняли электростанцию и газовый завод. Однако военное командование считало, что это распылило бы силы и не гарантировало успеха. Было принято решение обезопасить в первую очередь «внутренний город»¹ от возможной атаки шувбундовцев из окраинных районов, а затем перейти в наступление на эти районы.

Правительство объявило осадное положение. Оно распространило по радио (радиостанция даже не была атакована рабочими), через печать и путем расклейки на стенах воззвание, в котором утверждалось, будто «насильственная акция» в Линце подавлена. Далее в документе говорилось: «В Вене часть рабочих — социал-демократов, прекратила работу на городской электростанции. Поэтому также и в Вене введено осадное положение. Используя весь аппарат власти, правительство приняло все меры, чтобы в зародыше подавить эти заранее запланированные преступные акции большевистских элементов».

Вскоре во второй половине дня войсковые подразделения вышли ускоренным маршем из казарм, заняли мосты через канал Дуная. Примерно через час они вместе с полицейскими огородили «внутренний город» колючей проволокой. Были установлены пулеметы, на перекрестках усилены посты. Движение городского транспорта не прекратилось, но строго проверялись документы возле восьми оставшихся открытыми проходов. По всему городу циркулировали вооруженные патрули. Быстро исчезающие с улиц после прекращения подачи тока полицейские

¹ Имеется в виду внутренняя часть Вены, в которой располагается большинство правительственных учреждений. — *Прим. пер.*

снова вернулись, но уже в стальных шлемах, сменив резиновые дубинки на карабины. До этого «внутренний город», в котором располагались федеральные органы и важнейшие правительственные учреждения, не имел

Схема Вены, 1934 г.

- I — Внутренний город; II — Леопольдштадт; III — Ландштрассе;
 IV — Виден; V — Маргаретен; VI — Мариахильф; VII — Нейбау;
 VIII — Иозефштадт; IX — Альзергрунд; X — Фаворитен;
 XI — Зиммеринг; XII — Мейдлинг; XIII — Хитцинг;
 XIV — Рудольфсхейм; XV — Фюнфхаус; XVI — Оттакринг;
 XVII — Хернальс; XVIII — Веринг; XIX — Дёблинг; XX — Бригиттенау;
 XXI — Флоридсдорф

достаточных сил для обороны против возможного нападения. Энергичная атака рабочих со стороны внешних районов Вены могла бы создать опасное положение для правительства. Это признавалось в официальном правительственном сообщении, в котором впоследствии указывалось: «Первые часы после полудня, примерно до 14 час. 30 мин., были часами слабости. Она была преодолена лишь в тот момент, когда в указанное время в Россауэрских казармах было подготовлено для действий три моторизованных батальона»¹ [т. е. имевших на вооружении автомашины. — А. Р.].

Однако штурбунд, члены которого собирались на заранее известных пунктах, как позднее писал его руководитель Юлиус Дейч, «хотя и раздавал оружие штурбундовцам, но больше ничего не предпринимал»². Связанный пагубным предписанием ждать наступления правительственных войск, штурбунд дал властям достаточно времени для подготовки, предоставил им инициативу, имевшую решающее значение. Вместо того чтобы начать столь необходимое и ожидавшееся наступление на «внутренний город», штурбундовские отряды, даже получив от своих командиров оружие, ожидали атаки в предместьях со стороны полиции, поддержанной фашистскими хеймверовскими отрядами. Полиция планомерно окружала дома рабочих, поселки и жилые кварталы муниципалитета Вены, чтобы занять пункты, в которых, по ее сведениям и предположениям, должны были собраться штурбундовцы, чтобы получить оружие. В целом же рабочие были там сначала сильнее своих противников.

Первый убитый

Еще до выключения электрического тока был убит первый человек. В XI венском районе (Зиммеринг) в 11 час. 10 мин. районный инспектор полиции Йозеф Шиль пытался арестовать на улице Айхенштрассе вооруженного рабочего Франца Хавличека и был им застрелен.

¹ «Der Februaraufbruch 1934. Das Eingreifen des österreichischen Bundesheeres zu seiner Niederwerfung. Nur für den Dienstgebrauch. Im Auftrage des Bundesministeriums für Landesverteidigung als Manuskript gedruckt», Wien, 1935, S. 44—45.

² Julius Deutsch, Ein weiter Weg. Lebenserinnerungen, Wien, 1960, S. 207.

Начало боев в Зандлейтене

Первые бои развернулись в 13 час. в городском жилом массиве Зандлейтен (XVI венский район — Оттакринг). Полиция, пытавшаяся штурмовать этот огромный комплекс домов, была вынуждена отступить за ограду парка из-за ожесточенного ружейного и пулеметного огня. Установив на перекрестках улиц пулеметы, шуцбундовцы отбили атаку полицейской роты, вооруженной пятью пулеметами и прибывшей в качестве подкрепления. Полиция была вынуждена обратиться за помощью к войскам. Однако после 15 час. 30 мин. военное командование получило так много просьб о помощи, что затруднялось их удовлетворять. Но когда выяснилось, что шуцбунд не атакует «внутренний город», большое количество солдат стали перебрасывать во внешние районы Вены. «Возможность для этого имеется, — говорилось в официальном сообщении, — поскольку во «внутреннем городе», к счастью, господствует полное спокойствие».

В 16 час. на помощь был привлечен 1-й моторизованный батальон 3-го пехотного полка с 8-й батареей горных орудий отдельного артиллерийского полка. Вместе с полицией солдаты подвергли Зандлейтен-хоф многочасовому обстрелу, не применяя еще орудий. Неожиданно рабочие прекратили в 18 час. огонь, якобы по указанию специальных курьеров. Однако из-за наступившей темноты войска не решились войти в Зандлейтен. В 21 час. 30 мин. солдаты были переброшены в район боев возле Рабочего дома Оттакринга. Защитники Зандлейтена использовали эту возможность и под прикрытием темноты скрылись. Часть из них с оружием в руках старалась выйти ко второму месту боев в этом районе — к Рабочему дому.

Рейман-хоф

В 14 час., т. е. часом позднее, чем в Зандлейтене, правительственные войска пытались занять муниципальные дома Рейман-хоф на улице Маргаретенгюртель (V венский район — Маргаретен). Неподалеку от этих домов в одном из отелей собралась рота шуцбунда «Маттеотти». Двадцатипятилетний командир взвода Эммерих Зайлер получил приказ занять танцевальный зал в Рейман-хофе, который находился в подвале под лестницей. Зайлер

лишь заменял командира, который был арестован. Зайлер должен был удерживать зал до тех пор, пока не будет получено и роздано оружие. 30 шущбундовцев, которыми он командовал, были вооружены лишь пистолетами и так называемыми вазами — заполненными взрывчаткой трубами из чугуна или латуни, которые применялись в качестве ручных гранат. Бикфордов шнур длиной около пяти сантиметров, со специальным наконечником, зажигался от спичек, после чего через пять секунд следовал взрыв. Каждый шущбундовец получил по две такие гранаты.

В 14 час. перед Рейман-хофом появилась автомашина с полицейскими. Два стоявших на посту шущбундовца бежали, и полицейские беспрепятственно проникли в подвал. Однако там они натолкнулись на вооруженное сопротивление шущбундовцев и были вынуждены отступить. Даже после прибытия второй машины с восемью полицейскими и тяжелым пулеметом полиция ничего не могла сделать.

Пытаясь проникнуть в дом через черный ход, полицейские понесли тяжелые потери. Шущбундовцы же в это время смогли выкопать спрятанное в земле оружие — карабины и английский пулемет. Однако к ним не хватало патронов. Несмотря на это, шущбундовцы продолжали сопротивляться и сдерживали полицейских до тех пор, пока к тем на помощь не прибыли солдаты. В 19 час. 4-й самокатный батальон егерей прибыл к Рейман-хофу. Во время марша он непрерывно обстреливался из кустов парка, лежащего возле Гюртеля. Солдаты смогли продвинуться вперед только после перестрелки с рабочими, находившимися в парке. После чего они заняли все выходы из этого большого комплекса домов и открыли сильный залповый огонь по Рейман-хофу, готовясь к атаке. Во время попытки взорвать двери, ведущие в танцевальный зал, пуля поразила офицера, державшего в руке гранату, и он был разорван на куски. Однако другому офицеру удалось подорвать двери, после чего шущбундовцы отступили в подвал и продолжали там ожесточенное сопротивление. Лишь после того, как снова вспыхнул электрический свет, что означало провал всеобщей стачки, шущбундовцы сдались превосходящим силам противника.

Во вторник в 6 час. 20 мин. солдаты были возвращены в казармы, но через полчаса после этого рабочие открыли огонь против полицейских, оставшихся в Рейман-хофе.

Наиболее сильный огонь шувбундовцы вели из соседнего Маттеотти-хофа, а также из Мейдлинга, где они наступали со своей стороны Гюртеля. Против Маттеотти-хофа были брошены полицейские и члены фашистских организаций. К середине дня им удалось занять это здание.

Новый фронт в Оттакринге

Третий фронт борьбы, возникший в понедельник, 12 февраля, в Вене, находился возле Рабочего дома в районе Оттакринг. Здесь полиция впервые применила броневики, которые она получила после 15 июля 1927 г. На стороне рабочих в боевых действиях принимало участие большое число лиц, не принадлежавших к шувбунду. Власти попали в критическое положение, когда рабочие атаковали полицейский участок, находившийся на Паникенгассе. В полуофициальном сообщении, озаглавленном «Падение красной крепости», об этом говорилось следующее: «Уже к середине дня 12 февраля сотрудники органов безопасности, находившиеся на Паникенгассе, установили, что в непосредственной близости от них на улице и в домах вооружаются гражданские лица. Срочно высланный отряд полиции попал под ожесточенный обстрел, который велся со всех сторон. При этом один полицейский был убит, трое других — тяжело ранены. Этот небольшой отряд был вынужден отступить в полицейский участок на Паникенгассе и запросить о помощи. Комиссарият района Оттакринг немедленно предоставил помощь, однако это не облегчило положения...

В 7 час. вечера, чтобы сломить сопротивление, прибыли два броневика. Они открыли огонь по Хазнер- и Коппштрассе, после чего положение полицейского участка несколько улучшилось. Однако, как только броневики были отозваны, огонь возобновился с прежней силой. Кроме того, можно было видеть, что на близлежащих улицах, особенно на Клаус- и Крайтнергассе, началось строительство баррикад. Вновь вызванный броневик и приданные ему 50 сотрудников полиции не смогли овладеть положением...»

Лишь после того, как отозванные из Зандлейтена солдаты были направлены к Рабочему дому в Оттакринге с задачей захватить его, удалось освободить полицейских, находившихся на Паникенгассе.

Главные силы шувбунда концентрировались в Рабочем доме в Оттакринге. Отдельные вооруженные группы шувбундовцев, направлявшиеся к Рабочему дому, уже по дороге были втянуты в перестрелки. Они воздвигли перед Рабочим домом и соседним Фолькерт-хофом три мощные баррикады и сумели изолировать жилые дома полицейских и казармы Радецкого, где в состоянии боевой готовности находилось довольно большое количество солдат. При этом появились первые убитые и раненые.

Во второй половине дня баррикады были атакованы полицейскими броневиками и отрядами полиции, однако шувбундовцы отразили атаку. После этого на помощь были вызваны войска. Шувбундовцы установили связь со своими товарищами в соседних районах и перешли в наступление на Гюртель. Однако к вечеру прибывшие солдаты вынудили шувбундовцев вернуться в Рабочий дом, который в течение двух суток подвергался атакам солдат и полицейских.

Артиллерия против жилищ рабочих

В это время совет министров, заседавший в здании бывшего военного министерства на улице Штубенринг, разрешил ввести в бой занявшую позиции артиллерию и обстреливать жилые дома гранатами, а также из минометов. До сих пор не установлено, кто первый предложил это сделать. Согласно более позднему сообщению, предложение исходило от военного министра, генерал-полковника Шёнбург-Хартенштейна, бывшего немецкого офицера. Он обосновал это следующим: «Если мы хотим быстро и с наименьшими жертвами подавить восстание, необходимо применить артиллерию».

Столкнувшись с всеобщим возмущением по поводу артиллерийского обстрела собственного народа, правительство Дольфуса впоследствии сделало ряд заявлений, оправдывающих этот акт. Дольфус будто бы отказывался сперва дать согласие на артиллерийский обстрел и вместо этого предлагал применить раздражающий или слезоточивый газы. Лишь после того, как он узнал, что в соответствии с Сен-Жерменским мирным договором ¹ в австрийской

---

¹ Сен-Жерменский мирный договор был подписан в 1919 г. между Австрией, с одной стороны, США, Францией, Великобританией и рядом других стран — с другой. — *Прим. перев.*

армии не было запасов слезоточивого газа, он якобы бросил в ярости телефонную трубку со словами: «Вот идиоты, это же сумасшествие!». Затем Дольфус будто бы с нежеланием уступил настояниям Фей применить артиллерию. Удовлетворенный Фей воскликнул: «Ну, теперь мы им покажем!». Этой трогательной легенде противоречит, однако, изданное министерством обороны в 1935 г. описание хода февральских событий (под грифом «Только для служебного пользования»), в котором говорилось, что «частичное вооружение солдат дымовыми пашками, содержащими раздражающие вещества, справедливо может расцениваться как средство усиления боеготовности войск».

Штурм Рабочего дома в Оттакринге

В упомянутом полуофициальном описании событий говорится, что в 23 час. 45 мин. военные направили против баррикад броневик, который, попав под ожесточенный огонь рабочих, был вынужден дважды отступать. Лишь при третьей попытке солдатам, следующим за броневиком, под прикрытием активного огня стрелков, находившихся на крышах домов, удалось дойти до уличного перекрестка Коппштрассе и Клаусгассе и установить там орудие. При этом солдаты разобрали баррикаду, находившуюся на Коппштрассе. 13 февраля в 0 час. 15 мин. начался артиллерийский обстрел Рабочего дома. В течение всей ночи дом находился под артиллерийским и пулеметным огнем. Однако, несмотря на продолжавшийся пулеметный и ружейный обстрел, солдатам не удалось подавить огневые точки, находившиеся на крыше дома. В официальном сообщении по этому поводу говорилось: «Соппротивление мятежников на этом участке нельзя было сломить столь легко, как в других местах. Даже усиленные отряды сил безопасности, вступившие ночью в бой при поддержке двух тяжелых и двух легких пулеметов, не смогли заставить противника прекратить огонь. Было принято решение усилить войсковые подразделения и продолжить действия с наступлением рассвета». Майор Фей, прибывший в 3 час. 20 мин. в район боя, приказал доставить подкрепления из Россауэрских казарм.

Против Рабочего дома в Оттакринге были брошены три стрелковые роты, одна пулеметная рота с 12 легкими

п 4 тяжелыми пулеметами, 2 миномета и 4 полевые гаубицы, которые произвели 21 выстрел. В 7 час. 25 мин. по дому был внезапно открыт огонь из орудий, минометов и тяжелых пулеметов. Рабочие не могли в течение длительного времени выдержать этот варварский обстрел. Огонь с их стороны заметно ослаб и наконец совсем прекратился. Шуцбундовцы перебрались в соседние дома и оттуда из окон обстреливали орудия.

Майор Фей не упустил случая принять личное участие в захвате Рабочего дома. Полицейский журнал «Эффентлихе зихерхайт» сообщал: «В 8 час. 30 мин. утра снова появился господин вице-канцлер. После того как артиллерийский огонь был прекращен, а ворота и двери взорваны ручными гранатами, он принял участие в атаке, предпринятой солдатами против Рабочего дома». Однако ворвавшиеся солдаты нашли здание пустым. Шуцбундовцы покинули его через канализационные каналы, по крышам и брандмауэрам. Они отступили в полном порядке, взяв с собой оружие. Тем не менее правительственная пресса опубликовала в 11 час. дня 13 февраля лживое сообщение, будто «большая часть гарнизона была взята в плен».

Как выглядел Рабочий дом после захвата, сообщил корреспондент одной из берлинских газет. «Квартал домов возле Рабочего дома производит ужасное впечатление. На большом расстоянии нельзя найти ни одного окна, которое не было бы разбито. Пулеметными очередями прошиты фасады домов. Артиллерийские снаряды полностью разрушили Рабочий дом и нанесли тяжелые повреждения соседним зданиям». Погибли гражданские лица, не участвовавшие в боях. Так, осколками гранат были убиты Ида Зевер — жена депутата парламента от социал-демократической партии и ее соседка по дому Матильде Шкода.

В 9 час. 50 мин. солдаты, «не встречая серьезного сопротивления», заняли соседнюю группу домов на Крайтнергассе, Клаусгассе и Талиаштрассе, из которых время от времени раздавались выстрелы. Но и после этого боевой дух рабочих не был полностью сломлен. Когда во второй половине дня солдаты появились вновь и начали обыски в поисках оружия, на Клаусгассе они попали под ружейный огонь. Стрельба велась, по-видимому, с пивоваренного завода, находившегося на Талиаштрассе.

Вплоть до 14 февраля рабочие производили огневые налеты на полицейский комиссариат (Хубергассе, 5) и казарму (Рейхартгассе, 38).

Атаки шуцбундовцев Мейдлинга

В Мейдлинге (XII район Вены) большинство рабочих лишь в конце дня узнало, что электрический ток был выключен не вследствие аварии, а был долгожданным сигналом к борьбе. Поэтому, за исключением отдельных случаев, шуцбундовцы собрались на своих сборных пунктах лишь вечером 12 февраля.

Местная группа компартии призвала провести демонстрации. Когда же полицейская команда попыталась рассеять группу людей на Айхенштрассе, произошло первое столкновение. Обороняясь, рабочие произвели несколько выстрелов, появились убитые и раненые. Когда к рабочим присоединились вооруженные шуцбундовцы, они смогли занять мост Филадельфиябрюкке, а также железнодорожный переезд возле Южного вокзала в Мейдлинге. Находившийся напротив полицейский участок был взят штурмом, а захваченное оружие роздано. Солдаты, находившиеся неподалеку в казарме, на крыше которой были установлены пулеметы, не могли атаковать защитников моста, поскольку их самих активно обстреливали из домов — в первую очередь из соседнего поселка Тиволи. Властям пришлось эвакуировать еще два полицейских участка. Около 18 час. 30 мин., когда число шуцбундовцев, получивших оружие, увеличилось, они после наступления темноты заняли весь блок домов Винерберг и другие муниципальные дома XII района. Под прикрытием темноты рабочие построили баррикады на Флюршюц-, Кофлер-, Хертер- и Штайнбауэргассе. В течение ночи по темным улицам патрулировали вооруженные шуцбундовцы. Утром во вторник рабочие окопались возле железнодорожных вагонов на товарном вокзале в Мацлайнсдорфе, за дровяным складом, неподалеку от Мейдлингерхауптштрассе и за церковью на Флюршюцгассе. Весьма активный огневой налет шуцбундовцев на полицейских, оставшихся возле Рейман-хофа, поставил их в тяжелое положение. Рабочие вели также активный огонь из муниципальных домов, находившихся напротив Рейман-хофа,

вдоль улицы Гауденцдорфергюртель. В самом Мейдлинге была предпринята одна из самых больших наступательных операций, хотя здесь, как и в других районах, главные силы шугбунда остались без оружия.

Тридцативосьмилетний командир роты шугбунда Макс Оправиль сумел в течение ночи хорошо вооружить своих людей, собравшихся в муниципальном блоке домов «Ам Фуксенфельд» в Мейдлинге. С помощью грузовиков, которые должны были увезти остановившиеся после выключения тока трамвайные вагоны, удалось доставить незаметно для полиции пулеметы, ручные гранаты и патроны. Утром 13 февраля Оправиль решил провести наступательную операцию. После ожесточенного боя отряды вспомогательной полиции со значительными потерями были отброшены за Гюртель. Они ощущали нехватку патронов, и прибывший полицейский отряд с двумя пулеметами не смог улучшить положения. В этот момент шугбундовцы получили от своего командования приказ начать отступление. При этом Юлиус Дейч довольствовался следующим заявлением: «К 9 часам утра командование пришло к выводу, что было бы более целесообразным отвести шугбундовские отряды». Оправиль обосновывал впоследствии этот шаг тем, что он якобы получил информацию о подходе войсковых подкреплений. Несомненно, парализующе действовала правительственная пропаганда по радио.

Действительно, полиция, чувствующая себя весьма слабой, запросила помощи у военных. Когда в 10 час. 05 мин. солдаты прибыли на улицу Маргаретенгюртель, то, судя по официальному сообщению, картина выглядела так: «В близлежащих коммунальных домах находились хорошо замаскированные стрелки, а на довольно пустынных улицах были устроены многочисленные заграждения, удерживаемые мятежниками». Шугбундовцы закрепились в муниципальных домах Фуксенфельд-хоф, Либкнехт-хоф и Бебель-хоф. Возле Рейман-хофа они оставили довольно слабый отряд для прикрытия отступления. Лишь к полудню войска смогли приступить к действиям. Солдаты атаковали сперва лежащие напротив Рейман-хофа муниципальные дома на улице Гауденцдорфергюртель, Хайдн-хоф и Регенбоген-хоф. После этого два взвода солдат были направлены в Рейман-хоф. Затем солдаты занялись уничтожением баррикад, которые до наступления

ночи защищались рабочими, использовавшими пулеметы. Войскам не удалось уничтожить до конца дня все баррикады, и поэтому они систематически обстреливали их в течение ночи, стараясь не дать рабочим возможности снова их укрепить.

Бронепоезда против рабочих

Правительство бросило в бой шесть бронепоездов, которые по указанию министерства обороны еще за несколько недель до начала боев были паскоро изготовлены и снабжены необходимым снаряжением. Бронепоезда состояли из локомотива и двух открытых товарных вагонов, защищенных пуленепробиваемыми стальными листами. Локомотивы первоначально не бронировались. Такой бронепоезд вышел на линию 13 февраля в 7 час. 50 мин., чтобы очистить от шуцбундовцев вокзал в Мейдлинге. По дороге туда он неоднократно подвергался обстрелу из муниципальных домов, расположенных вдоль улицы Маргаретенгюртель. На обратном пути поезд обстреляли из пулеметов шуцбундовцы, засевшие в Фуксенфельд-хофе. Бронепоезд должен был неоднократно вступать в бой, чтобы спасти попавших в тяжелое положение сотрудников службы безопасности. В течение второго дня борьбы шуцбундовцев так и не удалось вытеснить с их позиций в муниципальных домах по обе стороны Гюртеля. Только в среду, 14 февраля, солдаты смогли очистить последние уличные заграждения в районе Маргаретен. Используя значительный перевес сил, войска после короткого боя с небольшими отрядами шуцбундовцев сумели занять Либкнехт-хоф и северо-восточную часть Фуксенфельд-хофа. Западную часть этого блока домов шуцбундовцы удерживали, несмотря на обстрел, в течение еще одного дня и оставили ее лишь 15 февраля. Комплекс домов Бель-хоф был занят солдатами только 15 февраля.

В среду рабочие в течение трех часов сражались против превосходящих сил противника, отстаивая занятый ими участок линии электрифицированной дороги Вена — Баден, а затем отступили в муниципальный дом Индианер-хоф и упорно обороняли его до тех пор, пока майор Фей не прислал солдатам подкрепления. Шуцбундовцев атаковал по фронту полк хеймвера, поддержанный броне-

виком и огнем из близлежащих казарм в Трайне, после чего рабочие подняли белый флаг. Последнее сопротивление шувбундовцев в районе Мейдлинг было сломлено только во вторую половину дня 16 февраля.

Зиммеринг в руках рабочих

На территории XI района (Зиммеринг) разгорелись паступательные бои. Шувбундовцы Зиммеринга мобилизовались сразу же после того, как остановились трамваи. В 11 час. 15 мин. начались первые атаки против полиции. К полудню в руках шувбундовцев оказались самые важные коммунальные дома этого района — Хёгер-хоф, Клейн-хоф и Энгель-хоф. Рабочие достали спрятанное там оружие и начали наступление в направлении центра города через III район. Они заняли участок Аспангской железной дороги, а также проходящую через этот район Восточную железнодорожную линию. На рельсах электрифицированной дороги Братислава — Вена рабочие электростанции и газового завода соорудили во второй половине дня баррикады. В ответ на это рота полицейских окружила электростанцию.

Когда полиция начала облаву на садовых участках возле Хауфгассе, рабочие оказали сопротивление, но не смогли противостоять пулеметному обстрелу. Из-за недостатка сил шувбундовцам не удалось также осуществить запланированную атаку и занять артиллерийские казармы в Кайзер-Эберсдорфе.

Тем не менее рабочие атаковали все полицейские участки района и полностью окружили полицейский комиссариат на Краузегассе, куда отступили сотрудники полиции. Пулеметный и ружейный огонь шувбундовцев не давал полицейским вырваться из здания и помешал батальону шюцкора¹, появившемуся в 18 час., прорвать блокаду комиссариата. Этот батальон смог занять лишь участок железнодорожной насыпи неподалеку от комиссариата. Это был единственный пункт в Зиммеринге, который к этому времени еще оставался в руках правительственных властей. Весь остальной район был в руках рабочих.

---

¹ Шюцкор — военизированная реакционная организация.

Ожесточенные бои развернулись вокруг фабрики свечей «Аполло» в Зиммеринге и возле железнодорожных мастерских. С новой силой стычки возобновились во вторник утром, когда окруженные полицейские попытались прорваться через Грильгассе в направлении Хёгер-хофа — главного опорного пункта рабочих. Полицейские понесли большие потери в результате обстрела, который шуцбундовцы вели из Хёгер-хофа, из домов больничной кассы и с насыпи Аспангской железной дороги. Полицейские отряды, действовавшие в районе Хауптштрассе, были вынуждены отступить.

В бою особенно отличилась организованная незадолго до этого группа шуцбундовцев и молодежи, которая собралась в так называемых домах больничной кассы и вооружилась подобранным накануне оружием. Эта группа действовала без шуцбундовского руководства, без приказов. Когда под прикрытием пулеметного огня подошли войсковые подразделения, группа решила их задержать. Шуцбундовцы не хотели дать солдатам прорваться на возвышенность Лаэрберг, откуда они могли атаковать с тыла сражавшихся рабочих в районах Мейдлинг и Фаворитен. Участники группы достали с соседней фабрики свечей автобус и установили его поперек Грильгассе в качестве баррикады. Из домов больничной кассы одна супружеская пара доставила на небольшой тележке пулемет с патронами. Используя этот пулемет, не имевший щитка, без какого-либо укрытия, рабочим удалось остановить наступление правительственных частей, которые понесли потери. Несмотря на артиллерийский обстрел, действия броневиков и бронепоезда, рабочие удерживали свои позиции до наступления темноты. Потом они скрылись через задние дворы и заборы.

Утром 13 февраля положение полицейского комиссариата стало настолько критическим, что вице-канцлер Фей лично просил военных о помощи. Первую атаку солдат рабочие смогли отразить, тогда в ход были пущены артиллерия и минометы. Солдаты заняли в 14 час. Энкплац и начали бои за муниципальные дома. Сперва был обстрелян и занят Вильдхольц-хоф, после чего солдаты пытались атаковать Хёгер-хоф. В ходе этой атаки войска попали под заградительный огонь, который рабочие вели с автозавода в Нессельдорфе, прилежащих садовых участков и домов больничной кассы, и понесли большие поте-

ри. Затем снова начала действовать артиллерия, подавившая огонь с автозавода и с садовых участков.

Находившуюся неподалеку насыпь Восточной железной дороги удерживали около тысячи вооруженных рабочих, из них 15—20 коммунистов. Их трижды атаковал бронепоезд. Его пулеметный огонь хотя и не принес вреда, но действовал устрашающе. Несмотря на это, командир шуцбундовского отряда отклонил предложение коммунистов взорвать два железнодорожных перехода, чтобы парализовать движение. Он не хотел уничтожать материальные ценности. К 16 час. у защитников железнодорожной насыпи кончились патроны. Но они получили подкрепление: шуцбундовцы из домов больничной кассы отступили к насыпи и принесли с собой пулемет. С его помощью рабочим на короткое время удалось отогнать артиллерийскую прислугу четырех орудий. Однако этот успех не был использован, и солдаты вскоре вернулись к своим орудиям. Тем не менее, несмотря на артиллерийский обстрел, войскам в этот день не удалось занять муниципальные дома. После наступления темноты солдаты были вынуждены вернуться в казармы. В ночь на 14 февраля неподалеку от центрального кладбища собрались сильные шуцбундовские отряды, которые предприняли новую атаку в направлении Хёгер-хофа. Усталые правительственные войска оказались в тяжелом положении, и власти снова направили в среду в Зиммеринг 5-й пехотный полк с гаубичной батареей. В 7 час. 30 мин. 14 февраля войска прибыли, и орудия были подготовлены к бою. Видя безнадежность дальнейшего сопротивления, защитники Вильдхольц-хофа капитулировали. После 8 час. утра войска окружили другие муниципальные здания, дома больничной кассы и магистрат района. Под угрозой артиллерийского обстрела шуцбундовцы оставили эти здания.

После атаки пехотных частей сдались защитники Хёгер-хофа и соседних муниципальных домов Клейн-и Энгель-хофа. Ворвавшиеся в здания солдаты не нашли какого-либо оружия. Вечером 14 февраля правительство овладело положением во всем Зиммеринге.

Большинство шуцбундовцев и рабочих, сражавшихся в Зиммеринге, отступило к Лаэрбергу и присоединилось там к шуцбундовским отрядам Фаворитена.

Шуцбундовцы Зиммеринга поддерживали сражающихся рабочих соседнего III района (Ландштрассе). Здесь рабочие заняли утром в понедельник расположенный в районе участок Аспангской железной дороги, железнодорожные пути и теплоцентраль (но не вокзал), а также несколько муниципальных домов. Но шуцбундовцы испытывали недостаток оружия и страдали от отсутствия единого командования.

Антон Куттнер, командир 3-й роты шуцбундовцев этого района, впоследствии видный работник Коммунистической партии Австрии, рассказывал: «У нас в районе было 385 шуцбундовцев. На сборные же пункты явилось 2000 рабочих — как социалистов, так и коммунистов. Полицейские отступили, причем двое постовых, увидев, что мы приближаемся, бросили пулемет и бежали. Шуцбундовцы стали хозяевами в отведенном им районе». Однако ни командира батальона шуцбундовцев Адамека, ни видного районного работника социал-демократической партии Майзеля (позднее министр по социальным вопросам) на месте не оказалось. «Поскольку мы не смогли получить ключей от складов с оружием, — продолжал Куттнер, — один из них пришлось взрывать. На 2000 готовых к борьбе рабочих оказалось всего лишь 90 винтовок... Вместо ожидавшегося приказа к наступлению от командира батальона, который тем временем взял на себя «командование», поступило указание возвратиться на сборные пункты. Оружие предполагалось раздать на следующий день»¹.

Когда же во вторник шуцбундовцы собрались вновь, командование направило их вторично по домам — без оружия и боевых заданий. Полиция не рискнула атаковать в понедельник объекты, занятые рабочими. Вечером шуцбундовцы захватили при поддержке своих товарищей из Зиммеринга центральный скотный рынок. Они взяли штурмом местный полицейский участок и забаррикадировали входы в здание бойни. Во вторник они оказали ожесточенное сопротивление атакам полиции и фашистских отрядов. Их поддерживали шуцбундовцы, засевшие

---

¹ «Volksstimme», 12. II. 1947.

в большом здании Раабен-хофа и в более мелких муниципальных домах, а также стрелки, действовавшие из частных домов на Апостельгассе, Баумгассе и Бармхерцигенгассе. Только войсковым подразделениям удалось после пятнадцатиминутной огневой подготовки захватить и обыскать эти здания. Тем временем со стороны Зиммеринга правительственные войска развернули действия против здания бойни, и в первой половине дня шувбундовцы были атакованы с двух сторон. Они были вынуждены отступить, причем их неожиданно атаковал армейский бронепоезд. В 14 час. весь комплекс центрального скотного рынка был занят правительственными войсками, а в 17 час. — здание кооператива мясников. 14 февраля в бой были снова введены солдаты, которые к вечеру захватили ряд частных и муниципальных зданий, среди них — дом шувбундовцев и трамвайное депо Эрдберга. После этого бои в 3-м районе закончились.

Героическая эпопея Карл-Маркс-хофа

Самым выдающимся боевым участком стал Карл-Маркс-хоф — комплекс жилых домов длиною в километр, — расположенный в XIX районе Дёблинг на Хайлигенштедтерштрассе. В течение четырех дней здесь бушевали бои. В Дёблинге шувбундовцы провели мобилизацию довольно поздно. В понедельник в 14 час. полиция смогла обыскать условленное место сбора шувбундовцев — Рабочий дом, а также сам Карл-Маркс-хоф, прежде чем там появились рабочие. Примерно через час шувбундовцы достали оружие. Возле школы (Гринцингерштрассе, 95) раздались первые выстрелы. Прибывшие с оружием шувбундовцы попали под ожесточенный огонь полицейских, окопавшихся в соседнем парке, и открыли ответную стрельбу. В этом бою один из шувбундовцев был смертельно ранен.

Примерно в это же время группа вооруженных шувбундовцев столкнулась на углу Баравицгассе и Хайлигенштедтерштрассе с полицейским патрулем, высланным к Карл-Маркс-хофу. Во время стычки был убит районный инспектор полиции и тяжело ранен один из полицейских. Позднее прокурор обвинил 36-летнего командира взвода

шудбупда Эмиля Свободу в убийстве. Хотя никто не мог доказать, что именно Свобода произвел выстрелы, смертельно ранившие инспектора, он был приговорен 16 февраля военно-полевым судом к смерти и спустя два часа повешен.

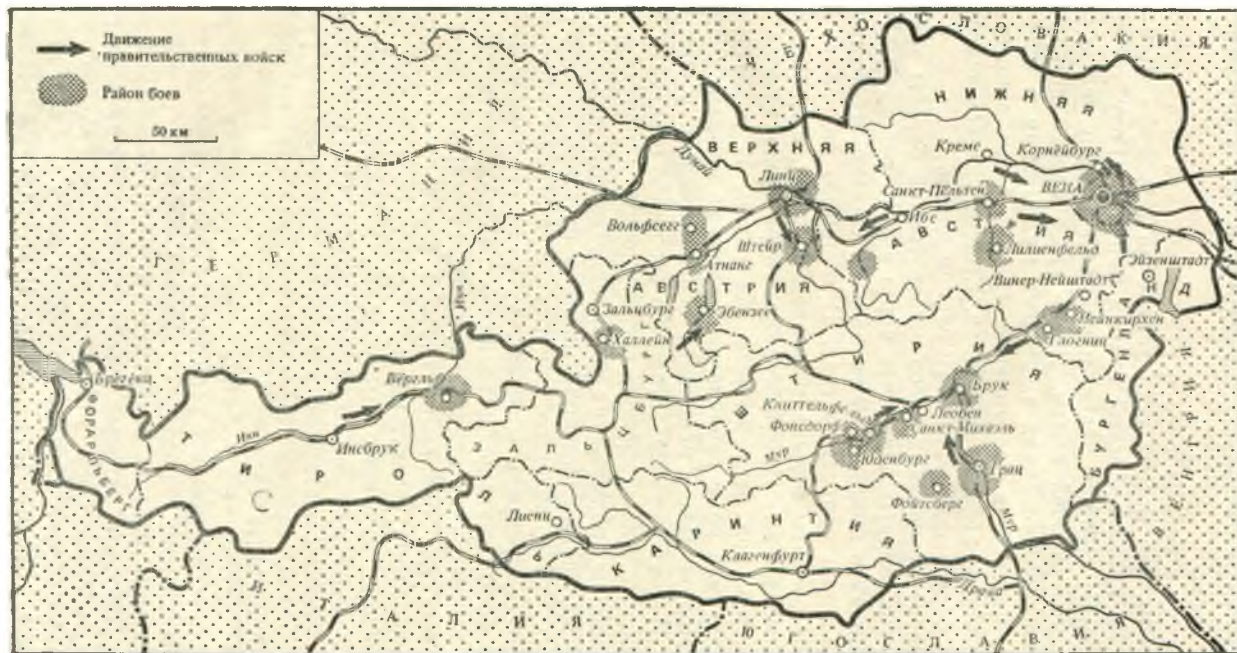
Действовавшие из Карл-Маркс-хофа шудбундовцы после интенсивной ружейной перестрелки выбили к 20 час. в понедельник хорошо вооруженных полицейских из участка полиции на вокзале в Хайлигенштадте (железнодорожная линия имени Франца-Иосифа). Незадолго до того эти полицейские убили двух шудбундовцев, что было ими подтверждено. Несколько полицейских было арестовано шудбундовцами, а остальные бежали на железнодорожный перрон, где вместе с небольшой группой хеймверовцев продолжали отчаянно сопротивляться наступавшим шудбундовцам. Наконец посланным в район вокзала подкреплениям удалось отбить полицейский участок. Однако атака полиции на центр Карл-Маркс-хофа — «Голубую арку» была отражена отрядом вооруженных шудбундовцев, насчитывавшим около 250 человек.

Вечером шудбундовцы атаковали в четырех пунктах сотрудников службы безопасности.

После первого безуспешного наступления на Карл-Маркс-хоф полиция обратилась за помощью к войскам, которые в 23 часа установили артиллерию на возвышенности Хоенварте, откуда они могли эффективно обстреливать этот комплекс домов. Во вторник в час ночи по Карл-Маркс-хофу был открыт гаубичный огонь. После этого три взвода пехоты пытались штурмом взять «Голубую арку», но под огнем ее защитников вынуждены были отступить. Власти снова затребовали помощи: присылки броневиков и тяжелых орудий. В 4 часа ночи для инспекции прибыл майор Фей, который одобрил план артиллерийского обстрела Карл-Маркс-хофа перед атакой. Однако шудбундовцы продолжали защищаться. Их настроение было омрачено тем, что утром часть рабочих, в том числе и те, которые сражались ночью, собралась идти на работу. На упреки шудбундовцев они отвечали: «Вам легко говорить, вы безработные — вам нечего терять».

И действительно, тогда было легче рисковать своей жизнью в борьбе за свободу, чем работой. Ужасным кошмаром того времени была мысль стать безработным и на

многие годы потерять возможность хотя бы кое-как кормить семью.

Огонь шущбундовцев в районе вокзала был настолько сильным, что поезда шли только до Нусдорфа. В 9 час. 45 мин. артиллерийский снаряд попал в «Голубую арку» на уровне третьего этажа и полностью разрушил квартиру одной рабочей семьи. После этого первая штурмовая группа, поддержанная тяжелыми пулеметами и броневиками, перешла в наступление. Однако огонь защитников Карл-Маркс-хофа не ослабевал. Егерям удалось захватить лишь баррикады перед этим блоком домов.

После нескольких часов ожесточенной борьбы хеймверовцы и солдаты ворвались через ворота разбитой «Голубой арки» в нижние этажи здания. Однако шущбундовцы продолжали сопротивляться. С помощью связок ручных гранат солдаты взрывали железные двери, ведущие в отдельные дворы. Проникнув на территорию здания, они оказались под непрерывным обстрелом. В разрушенном артиллерией доме рабочие сражались за каждый коридор, за каждую дверь, используя все имеющееся у них оружие. И хотя правительство уже сообщило о захвате этого комплекса жилых домов, шущбундовцы к полудню приостановили продвижение правительственных войск.

В сообщении дирекции полиции по этому поводу говорилось: «К сожалению, очистку Карл-Маркс-хофа вскоре пришлось прекратить, поскольку из-за угрожающей ситуации во Флоридсдорфе возникла необходимость перебросить в этот район войсковые части, тяжелую артиллерию, а также два броневика службы безопасности, которые поддерживали наступление пехоты. Этот отвод войск и особенно активные выступления в Обкирхергассе ободрили шущбундовцев Карл-Маркс-хофа. Они снова заняли свои позиции и открыли к полудню ожесточенный ружейный огонь против полицейского участка на вокзале в Хайлигенштадте...»

В другом полуофициальном сообщении говорится о «кризисном моменте всей четырехдневной борьбы».

Во вторник правительственным войскам с помощью артиллерии удалось захватить другие муниципальные дома в Дёблинге, занятые шущбундовцами. В ночь на среду к Карл-Маркс-хофу прибыли войсковые подразделения из Корнёйбурга. Однако в течение всего дня они не отважились предпринять атаку. Шущбундовцы оставались

хозяевами положения и обстреливали всех полицейских и хеймверовцев, которые осмеливались к ним приблизиться. Однако после того, как войска перешли в наступление, имея большой перевес сил: два батальона пехоты, две гаубичные батареи и одну батарею пушек, дальнейшее сопротивление стало бессмысленным. В четверг, 15 февраля, в 11 час. 30 мин. в ответ на ультиматум канцлера Дольфуса в Карл-Маркс-хофе были вывешены белые флаги.

Правительственные войска дождались новых подкреплений и лишь после этого ворвались в 14 час. 35 мин. в Карл-Маркс-хоф и начали искать оружие. Однако они не нашли ни шувбундовцев, ни оружия. Все без исключения шувбундовцы с оружием в руках покинули этот блок домов через подземные каналы.

*В других частях Вены в понедельник
в основном спокойно*

В других районах Вены в понедельник почти не было крупных боев. Произошли лишь небольшие столкновения, причем с обеих сторон имелись убитые и раненые. Крупный рабочий район Флоридсдорф вступил в бой лишь во вторник. Перестрелка произошла в XIII районе (Хитцинг), где шувбундовцы собрались в Доме друзей детей на Гольдмаркплац. Вместо ожидаемых 130 человек собралось лишь около 30, которым командир батальона смог выдать лишь 17 винтовок и 50 пистолетов. Командир взвода Карл Мюнихрейтер принес еще несколько винтовок. В этот момент дом подвергся нападению отряда полицейских. Под градом пуль шувбундовцев полицейские потеряли половину своего состава и бежали. Когда полиция получила подкрепление, большинство шувбундовцев отступило, отстреливаясь, к Ротенбергу. Оставшиеся в доме восемь шувбундовцев сдались. Среди отступавших находился 43-летний Карл Мюнихрейтер, безработный, отец троих детей. Он давно уже не был согласен с капитулянтской политикой партийного руководства, присоединился к левой оппозиции в социал-демократической партии и поддерживал тесный контакт с коммунистами. Будучи тяжелораненым, он вынужден был остаться и попал в руки полиции. Мюнихрейтер был осужден военно-полевым судом и 14 февраля повешен.

Шудбундовцы X района (Фаворитен), где находилось социал-демократическое «боевое руководство», занимали оборону. В течение понедельника они заняли крупные муниципальные дома 24 а и 24 б на Квелленштрассе, соседний хлебозавод, несколько небольших предприятий, Жан-Жорес-хоф, Дж. Вашингтон-хоф и другие дома и ожидали дальнейших приказов. Лишь после того, как их атаковали правительственные войска, шудбундовцы оказали в ряде мест сопротивление. Иозеф Шпаннер, командир шудбундовского отряда в Квеллен-хофе, позднее офицер интернациональных бригад в Испании и функционер компартии, рассказывал, что около 500 собравшихся к 10 час. утра шудбундовцев отразили в 12 час. первую атаку хорошо вооруженной полиции. «К полудню, однако, из Дж. Вашингтон-хофа, нашей южной боевой позиции, поступил приказ немедленно сложить оружие и ожидать дальнейших указаний. Однако мы сказали: «Ни шагу назад». Мужчины защищали баррикады, а женщины и девушки подносили патроны и оружие из наших потайных складов... Мы отбили ожесточенные атаки солдат и хеймверовцев». Фашисты три раза безуспешно пытались штурмовать Квеллен-хоф. «Затем появились броневики. Большинство рабочих потеряло веру в борьбу из-за провала социал-демократического правления партии... Мы, в Квеллен-хофе, также сдались» [во вторник. — А. Р.]¹.

Провал «боевого руководства»

Несмотря на героизм шудбундовцев и отдельные их успехи, бои в Вене уже в первый день продемонстрировали последствия пагубной тактики социал-демократического партийного руководства. Вопреки всем стратегическим соображениям и историческому опыту, шудбунду не была поставлена задача захватить вокзалы, радиостанции, почту и телеграф, что при царившем тогда смятении было бы довольно легким делом. Вместо того чтобы прорваться во «внутренний город» и захватить правительственные здания, шудбундовцы оставались в обороне. Поэтому уже через несколько часов они оказались в отдельных разобщенных очагах сопротивления. Некоторые группы сражались изолированно, не имея связи друг с другом, без

---

¹ «Der Abend», 12. II. 1949.

общего плана и центрального руководства. Не было боевого центра, который мог бы координировать отдельные боевые действия, объединить их для общего наступления. Правда, такое боевое руководство существовало в составе шести человек во главе с Отто Бауэром и Юлиусом Дейчем. В него входили также секретарь штурбунда Карл Хайнц, секретарь профсоюзов Шорш и член венского муниципалитета Ганс Покорни, назначенный руководителем венского штурбунда после ареста его командиров. Самый молодой член правления социал-демократической партии Роза Йохман находилась возле радиоприемника, слушая сообщения о ходе борьбы. Запланированную связь с отдельными командирами в Вене и в землях (провинциях) с помощью коротковолновых передатчиков так и не удалось установить.

Пожалуй, мало было военных органов, сыгравших столь жалкую роль, как этот генеральный штаб, оставивший сражавшихся рабочих без руководства и управления. Правда, это «боевое руководство» и не могло повернуть дело к лучшему, поскольку все его планирование было пагубным. Неудача «боевого руководства» началась с того, что оно не смогло разместиться в подготовленном для него городским советником Отто Глэкем помещении на Винерберге, поскольку оно не было освобождено. Лишь с большим трудом ему удалось найти временное прибежище на квартире одного коммерсанта социал-демократа в муниципальном доме Ахорн-хоф. В квартире нельзя было даже зажечь свет, так как Ахорн-хоф вскоре был окружен солдатами. Имелось, однако, и преимущество — квартира имела два выхода. «Боевое руководство» повисло в воздухе и не оказывало никакого влияния на ход событий. С вынужденной иронией вспоминает Юлиус Дейч свою тогдашнюю деятельность: «Опасаясь, что свет выдаст нас, я лежал на полу в комнате, в то время как снаружи гремели сапогами военные посты, и писал при свете электрического карманного фонарика указания, которые передавались мотоциклистами, находившимися в укромном месте на садовых участках за Ахорн-хофом, тем руководителям районов, которых можно было разыскать»¹.

---

¹ Julius Deutsch, Ein weiter Weg. Lebenserinnerungen, Wien, 1960, S. 210.

Но если это и удавалось, никто не придерживался полученных указаний, да и не мог следовать им. В понедельник после 10 час. 30 мин. «боевому руководству» удалось передать командирам шуцбундовских отрядов первый приказ: «Тревога, привести отряды в полную боевую готовность!» Когда же руководство между 12 и 14 час приняло решение издать приказ «Немедленно вооружить шуцбунд!» и «Оказывать вооруженное сопротивление властям!», то события шли полным ходом, поскольку прошло уже 4 часа после начала первого боя. Тактика выжидания, которой придерживалось «боевое руководство» была одной из главных причин поражения рабочих. В официальном сообщении военного командования справедливо по этому поводу указывалось: «В большинстве случаев выжидательные действия революционеров, направленные только на оборону их складов оружия и опорных пунктов, несомненно, облегчили контратаку правительственных сил безопасности, находившихся под единым руководством»¹.

Как уже упоминалось, руководство социал-демократической партии оказалось неспособным издать даже свое подготовленное воззвание к стачке. И хотя в его распоряжении имелось восемь типографий, семь ежедневных газет, 18 еженедельников и тысячи множительных аппаратов в бюро, оно не смогло издать хотя бы одну листовку в момент, когда речь шла о жизни и смерти организованного австрийского рабочего движения.

Еще немного, и это «боевое руководство» попало бы без сопротивления в руки правительства. В течение дня полиция получила достоверное сообщение, что руководители социал-демократической партии и шуцбунда находятся в районе Фаворитен в Ахорн-хофе. Туда были посланы батальон солдат с батареей полевых гаубиц, 40 сотрудников криминальной полиции и 100 полицейских.

В распоряжении «боевого руководства», а также для его охраны имелся отряд шуцбундовцев, которые помещались в здании так называемой водокачки в каких-нибудь ста шагах от Ахорн-хофа. Отряд состоял в основном из членов венской муниципальной охраны, которая в феврале 1934 г. насчитывала около тысячи хорошо вооруженных и подготовленных бойцов. Однако ее командир

---

¹ «Der Februaraufbruch 1934...», S. 151.

Теодор Шубауэр, бывший офицер фольксвера, арестованный в начале февраля и выпущенный 10 февраля на свободу, больше не появлялся в шуцбунде. Другого командира не назначили, и потому рота, находившаяся у «водокачки», осталась без руководства и без оружия. Когда же во второй половине дня солдаты приблизились к «водокачке», 100 человек, входивших в отряд шуцбундовцев, сдались без единого выстрела. После этого солдаты начали атаку Ахорн-хофа, где они ожидали встретить сильное сопротивление. Однако раздались лишь отдельные выстрелы «замаскировавшихся стрелков-мятежников». В 19 час. 15 мин. было сообщено, что Ахорн-хоф «прочно удерживается солдатами». Во время обыска «боевое руководство» социал-демократической партии обнаружено не было.

Иозеф Буттингер, позднее руководитель социал-демократической организации «Революционные социалисты», дал уничтожающую, но вполне обоснованную оценку провала социал-демократического руководства и его центрального боевого органа. «Свыше 20 тыс. шуцбундовцев,— писал он,— собрались в понедельник во второй половине дня и вечером, однако более половины из них остались без руководства и без оружия.

Около 10 тыс. шуцбундовцев участвовали в вооруженном сопротивлении против насильственного уничтожения социал-демократической партии. Однако они сражались в изолированных группах, не имея связи друг с другом, без центрального руководства, без плана. Повсеместно, где шуцбундовцы получили оружие еще до нападения правительственных и фашистских отрядов, там развернулись бои. Однако лишь в немногих случаях шуцбунд предпринимал в ходе боев наступательные действия. Поэтому февральские бои свелись главным образом к усилиям правительственных войск выбить изолированные друг от друга шуцбундовские отряды с позиций, которые они отчаянно защищали...»¹.

Тяжелым ударом для шуцбундовцев был полный провал организации борьбы во многих венских районах, который зачастую сопровождался прямым предательством и переходом на сторону врага. Аресты руководителей шуцбунда, произведенные незадолго до 12 февраля, не остались без последствий. Некоторые из вновь назначен-

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, Köln, 1953, S. 23,

ных командиров не явились на заранее условленные места сбора. Другие не знали, где находится спрятанное оружие, некоторые отрицали получение приказа раздать оружие или же отдавали распоряжение не братья за оружие.

Наихудший пример такого поведения дал Эдуард Корбель, командир шугбунда венского округа «Запад», в который входили VI, VII, VIII, XIV, XV и XVI районы. Корбель был арестован, но, как это ни странно, 11 февраля освобожден. В понедельник он отказался выдать своим шугбундовцам оружие, хотя место, где оно было спрятано, знал лишь он один. В результате шугбундовцы XIII и XIV районов, которые хотели прорвать блокаду Рабочего дома в Оттакринге, выпущены были уйти без оружия. Впоследствии на процессе против руководителей шугбунда стало известно, что Корбель разъезжал в понедельник по городу, пытаясь найти центральное руководство, которое он собирался выдать полиции...

Потрясающую картину царившей неразберихи рисует Буттингер. «Десятки тысяч шугбундовцев, члены военизированных спортивных организаций, рабочие предприятий, трамвайщики, железнодорожники, члены Союза молодых фронтовиков, молодежь, члены партии и партийные работники бегали во второй половине дня 12 февраля и в течение наступившей ночи с одного места на другое, спрашивая, в чем же состоит их задача, где находятся сборные пункты, к какому вооруженному отряду они могли бы присоединиться...»¹.

*Вторник: положение
во Флоридсдорфе становится
серьезным*

Душой сопротивления рабочих во Флоридсдорфе был шугбундовский полк имени Карла Маркса. В понедельник в этом районе на большинстве предприятий начались кратковременные частичные забастовки, в том числе на газовом заводе в Леопольдау. Чтобы сорвать забастовку, полиция в 14 час. заняла газовый завод, не встретив сопротивления, так как рабочие не получили оружия.

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 19.

Конференция членов производственных советов предприятий этого района была разогнана полицией. Шущбундовцы собрались на своих сборных пунктах. Их вооружение, начавшееся без приказа командования, в ряде мест закончилось к 21 час. Однако большая часть шущбундовцев смогла получить оружие лишь во вторник к 5 час. утра. Согласно плану, роты шущбундовцев из Флоридсдорфа должны были прорваться к Карл-Маркс-хофу. Однако защитники этого жилого массива предложили, чтобы флоридсдорфцы атаквали «внутренний город», что, однако, не было сделано. Их боевой план предусматривал взятие в первую очередь всех районных полицейских участков, а затем захват комиссариата полиции, чтобы тем самым получить господство над всем Флоридсдорфом.

Первый полицейский участок в районе Гросс-Едлерсдорф шущбундовцы заняли в 6 час. 30 мин. утра. На пути к комиссариату они натолкнулись на полицейский автомобиль, направлявшийся с 16 сотрудниками, чтобы освободить полицейский участок, и после оживленной перестрелки захватили его. При этом был убит командир отряда, а остальные полицейские попали рабочим в плен. Сотрудники полиции из других участков собрались в здании комиссариата, которое потом было окружено шущбундовцами. Положение комиссариата было критическим, поскольку он находился в пределах досягаемости ружейного огня шущбундовцев, занимавших расположенные неподалеку здания.

Атаку на полицейский комиссариат должны были осуществить трамвайщики. Утром во вторник к ним присоединились также другие рабочие. Командир взвода Бруно Соколь дал указание достать оружие из подвала, находившегося на Герихтгассе, неподалеку от здания, носившего название «Красная крепость». Оружие было замуровано в стену возле лестницы № 14: винтовки, ящики с патронами и один пулемет. Жены рабочих помогли вычистить оружие керосином. Не все винтовки оказались годными, слишком долго они были замурованы в стене. Женщины доставляли шущбундовцам еду, питье, в борьбу включились также молодые рабочие и студенты.

В 6 час. 45 мин. полиция получила сообщение о вооружении трамвайщиков и направила против них около

20 сотрудников. Они попали под сильный обстрел со всех сторон и были вынуждены отступить. Новую атаку полиции, поддержанную двумя броневиками, шуцбундовцы также отбили. При этом штабс-капитан, командовавший отрядом, был убит. Затем трамвайщики попытались взять комиссариат штурмом. Однако для этого у них оказалось слишком мало сил. Пожарная часть, которая намеревалась поддержать трамвайщиков, в результате внезапного налета была занята войсками.

Эта пожарная часть находилась в непосредственной близости от комиссариата. Пожарными-шуцбундовцами командовал инженер Георг Вейссель — решительный и смелый революционер, которому было суждено стати символом февральских боев. Еще ранним утром он распорядился доставить на грузовике из трамвайного парка оружие — винтовки и два пулемета — и распределил их между пожарными. Однако дежурный по части вызвал по телефону директора пожарной охраны Вены инженера Вагнера, который не только запретил выступление, но, видя, что это не помогает, поставил в известность о намерениях Вейсселя полицей-президента доктора Скубля. Инженер Вагнер, являвшийся социал-демократом и одновременно руководителем венской муниципальной охраны, был вдвойне обязан помочь борющимся рабочим. Вместо этого он направил в дирекцию венского магистрата меморандум, озаглавленный: «Об отказе нести службу и о мятеже пожарной части XXI района в Кредгассе». Когда позднее военно-полевой суд вел процесс против Вейсселя, Вагнер дошел до такого цинизма, что в свидетельских показаниях обвинял его. «Я не мог скрыть своего возмущения, — говорил Вагнер, — в связи с тем, что действия обвиняемого повредили авторитету пожарной охраны. Хотя действия отдельных лиц, конечно, не дают оснований подозревать всех пожарных, на пожарной охране все же остается позорное пятно»¹.

Захват пожарной части солдатами сорвал наступление шуцбундовцев на полицейский комиссариат. Вскоре они были вынуждены занять оборонительные позиции. Шуцбундовцам все же удалось захватить вокзал и удерживать

---

¹ «Werk und Widerhall. Große Gestalten des österreichischen Sozialismus», Wien, 1964, S. 435.

в своих руках почти весь район. Полиция затребовала помощи военных. В полицейском сообщении отмечалось: «Тем временем поступили донесения из всех частей района о появлении большого количества вооруженных шуцбундовцев, причем повсюду велась стрельба, которая становилась все более ожесточенной. Ни один человек на улице не мог чувствовать себя в безопасности. Весь район стал подобен аду».

Рабочие защищали свои позиции. Прибытие солдат было бы в значительной мере затруднено, если бы бои развернулись в двух соседних районах — в Леопольдштадте (II район) и Бригиттенау (XX район). В Бригиттенау шуцбундовцы собрались на многих сборных пунктах, однако районный командир находился под арестом и никому не удалось найти ключ от склада, где было спрятано оружие. Поэтому Флоридсдорфский мост шуцбундовцы защищали недостаточными силами и не могли задержать солдат.

После вступления солдат во Флоридсдорф разгорелась настоящая битва. Первая атака была направлена на муниципальный дом Шлингер-хоф, находящийся в центре района, перед которым были построены две баррикады. После ожесточенного артиллерийского обстрела, подготовившего атаку Шлингер-хофа, солдаты в 11 час. 45 мин. ворвались в это здание, где шуцбундовцы еще держались до 16 час. 30 мин. Взятые в плен 350 шуцбундовцев при отправке были обстреляны хеймверовцами. Четверо из шуцбундовцев были убиты.

Затем в течение двух часов артиллерия обстреливала Рабочий дом, пока его защитники не отступили. Солдаты, наступавшие на муниципальные дома ФАЦ-хоф, были вынуждены сперва активно бороться с шуцбундовскими стрелками, которые вели огонь с насыпи Северной железной дороги и с садовых участков. ФАЦ-хоф был обстрелян еще до наступления темноты из минометов; вечером шуцбундовцы отступили к Едлерсдорфу.

Шуцбундовский отряд в Донауфельде отбил в понедельник вечером две атаки полицейских команд, штурмовал утром во вторник на пути к полицейскому комиссариату все районные участки полиции, обратил в бегство полицейский броневик на Ангерерштрассе, занял вокзал, удерживал его, несмотря на непрерывные атаки. Шуцбундовцы вступили в перестрелку с бронепоездом, который

подошел со стороны Эрдберга, причем убили машиниста тяжело ранили кочегара. К этому отряду позднее подошло пополнение шуцбундовцев из района Штадлау, которые также заняли все полицейские участки в Штадлау и Кагране. Во второй половине дня правительственные войска подвергли вокзал артиллерийскому обстрелу, который продолжался до наступления темноты, но не заставил шуцбундовцев отступить.

В Гартенштадте шуцбундовцы отбили в понедельник вечером и во вторник утром три атаки хеймверовцев. Небольшой отряд шуцбундовцев на Прагерштрассе задержал во вторник с 16 до 23 час. саперный батальон из Корнэйбурга, двигавшийся во Флоридсдорф. Лишь после того как два орудия начали обстрел домов, шуцбундовцы отступили в Гартенштадт.

Рабочие Флоридсдорфа сражались с такой яростью, что в ночь на среду правительство было вынуждено подтянуть войска из гарнизонов соседних городов. Наступление правительственных войск началось в среду в 6 час. 30 мин. одновременно на всех участках после артиллерийской подготовки и минометного обстрела.

После обстрела был занят Рабочий дом. В 9 час. войска захватили ФАЦ-хоф, в 12 час., после прямых попаданий из минометов, овладели вокзалом, а затем трамвайным депо и продвинулись до Гросс-Едлерсдорфа, куда отступили шуцбундовцы с других участков боев.

В Едлерсдорфе шуцбундовцы построили баррикады, вырыли окопы и подготовили пулеметные позиции. Но они не смогли выдержать артиллерийский обстрел. Некоторые из шуцбундовцев с оружием в руках отступили к газовому заводу, где собралось несколько сот человек. Ввиду того что во время артиллерийского обстрела мог взорваться газгольдер, большинство шуцбундовцев решило разойтись.

Часть шуцбундовцев в Едлерсдорфе приняла решение с оружием в руках пробиваться в Чехословакию. К ним присоединилось несколько человек с газового завода. В 10 час. утра 65 шуцбундовцев начали марш к границе, длившийся почти 15 час., причем противник их постоянно преследовал. В 0 час. 30 мин. 47 шуцбундовцев добрались до Чехословакии: младшему из них было 17 лет.

Лишь в четверг утром войскам удалось захватить муниципальный дом имени Гёте (Гёте-хоф) в Кайзермюлене. Кайзермюлен, как и Флоридсдорф, находится на левом берегу Дуная. Однако в то время он принадлежал II району (Леопольдштадт). Шуцбундовцы Кайзермюлена вооружились в ночь на вторник. Когда их атаковали полицейские и хеймверовцы, шуцбундовцы после короткого боя прогнали их. Во вторник власти довольствовались тем, что сильными отрядами полиции заняли мосты. Если бы рабочие Кайзермюлена вместе с шуцбундовцами Флоридсдорфа сумели перейти по мостам через Дунай, бои можно было бы перенести на улицы «внутреннего города». Правительство боялось такой возможности, что подтверждается сообщением полиции, в котором говорилось: «Положение в районе моста Рейхсбрюкке было весьма угрожающим потому, что почти весь Флоридсдорф находился в руках восставших. Была опасность того, что через этот мост могла быть произведена атака на «внутренний город». Однако коммунистам, пропагандировавшим этот план, не удалось уговорить командование шуцбунда провести его в жизнь.

В среду в 8 час. 00 мин. правительство предъявило ультиматум о сдаче Гёте-хофа, а в 12 час. 45 мин. начался артиллерийский обстрел здания. После перерыва, продолжавшегося несколько часов, обстрел был продолжен — с 19 час. 30 мин. до 20 час. 00 мин., причем зданию был нанесен большой ущерб. Учитывая явный перевес сил, шуцбундовцы отступили из Гёте-хофа, и правительственные войска заняли его на следующее утро.

Главной причиной превосходства правительства над сражавшимися рабочими был провал всеобщей стачки из-за дезорганизации, которую внесли многие социал-демократические руководители и профсоюзные лидеры. Неудача стачки была следствием не только ужасающего экономического кризиса, который привел к невиданной в мире безработице, достигавшей в Австрии 33%. Еще большую роль сыграла политика капитуляции перед беспощадным наступлением правительства и предпринимателей, проводившаяся в течение многих лет социал-де-

мократическим руководством. Вследствие этого широкие слои рабочего класса не верили в решимость вождей социал-демократии действительно вести борьбу.

Бои в землях (провинциях)

Действия рабочих в землях развивались примерно так же, как в Вене. После первых довольно значительных успехов в отдельных местах шугбундовцы потерпели поражение от войсковых частей, которые были лучше вооружены, готовы к боевым действиям и имели опытное единое руководство. Также и здесь свое отрицательное воздействие оказали три обстоятельства: провал руководства, бездействие шугбунда во многих других областях Австрии, отсутствие всеобщей стачки.

Линц держался два дня

В официальном сообщении о событиях в Линце, где начались бои, говорилось, что в понедельник, 12 февраля, «во внутренней части города и многочисленных участках окраинных районов имели место акты насилия». Рабочие упорно обороняли здание «Колизей» на Песталоцциплац и удерживали его до тех пор, пока вечером в бой не вступили воинские части. Шугбундовцы окружили стрелковую роту, находившуюся в старом здании Южного вокзала, и держали ее под сильным обстрелом. Другие шугбундовские отряды заняли товарную станцию, обе теплоцентраль и пост управления, а также газовый завод и другие здания. Но в Линце — как в самом городе, так и в его окрестностях — также не было совместных планомерных действий многочисленных сражавшихся групп.

Во внутренней части города властям относительно легко удалось «установить порядок», в то время как в других частях Линца шугбундовцы продолжали оказывать героическое сопротивление. Центрами боев стали судоверф, здание бассейна, школа на улице Дистервег и городской хозяйственный двор.

Бои за судоверф, где забаррикадировались 250 рабочих, среди которых было много коммунистов, продолжались в течение всего понедельника. Отсюда была предпринята неудачная попытка освободить шугбундовцев, окру-

женных в отеле «Шиф». Когда отряд шуцбундовцев из Хайльхама — примерно 150 человек с двумя пулеметами — сделал попытку перейти через мост и соединиться с рабочими судоверфи, по нему был открыт артиллерийский огонь. После этого солдаты вечером штурмом взяли судоверфь.

Шуцбундовцы, собравшиеся в здании бассейна, оттеснили полицию и отбили первые атаки солдат. Они оставили дом после того, как была высказана угроза «разрушить здание с помощью артиллерии и минометов и уничтожить его вооруженных защитников»¹. После сдачи здания бассейна прекратили огонь также и шуцбундовцы, стрелявшие со стороны старых саперных казарм. Школа на улице Дистервег и городской хозяйственный двор находились в восточной части города, где рабочие заняли также хлебозавод, городской газовый завод и уличный перекресток возле ресторана «Айзерне ханд» и здания «Лобег». Шуцбундовцы разоружили полицейскую охрану хозяйственного двора и взяли ее в плен. Так же они поступили с воспитанниками пожарного училища.

Позднее в бой вступили солдаты из Линца и Энса, поддержанные артиллерией. Шуцбундовцы оставили без боя хлебозавод, но оказали сильное сопротивление при захвате хозяйственного двора. Лишь после мощного артиллерийского обстрела они отступили к соседним домам, обыски в которых продолжались до 19 час. Потеря хозяйственного двора, который был центром сопротивления рабочих, сильно снизила боеспособность других групп.

Еще до обеда возле ресторана «Айзерне ханд» рабочие сдерживали прицельным огнем отряд курсантов жандармской школы, который пытался оказать помощь хеймверовцам, окруженным в здании Южного вокзала. Когда же взвод хеймверовцев, пытавшийся прорваться, не смог продвинуться вперед, на помощь ему пришли солдаты с горными гаубицами. Шуцбундовцы стреляли из здания «Лобег» и соседних садов до тех пор, пока огонь гаубиц не вынудил уйти стрелков, которые скрытно вели огонь из окон. После этого развернулась «длительная перестрелка, которую активно вели обе стороны», причем в дело вступила артиллерия. Но войска не смогли достичь успеха до тех пор, пока ими не был занят хозяйственный двор.

---

¹ «Der Februaraufbruch 1934...», S. 168—169.

Войсковые части заняли в 19 час. 45 мин. газовый завод и освободили хеймверовцев, находившихся в старом здании Южного вокзала. Артиллерия и тяжелые пулеметы заняли позиции в направлении школы на улице Дистервег. Когда солдаты через полчаса ворвались в школу, шуцбундовцы ее уже оставили. Они отступили также из ресторана «Айзерне ханд». В 24 часа в этой части города уже не было слышно ружейных выстрелов.

На окраине Линца рабочие пивоваренного завода заняли свое предприятие. Позднее им пришли на помощь члены военизированной спортивной организации, затем около полудня — железнодорожники, и во второй половине дня — шуцбундовцы из Эбельсберга. На подъездных путях к заводу были построены баррикады. На Политонплац в 14 час. 30 мин. были застрелены офицер, который выхватил пистолет, когда его автомашина была задержана, и двое находившихся в ней солдат. За это военнопольевой суд 21 февраля приговорил рабочего Булгарик к смертной казни через повешение.

Одиннадцать часов шуцбундовцы вели бои на окраине города, на возвышенности Фрайнберг. Сперва они защищали наблюдательную вышку, а затем забаррикадировались в гостинице «Егермайер». К 16 час. 30 мин. в нее попало около 25 мин. Однако защитники гостиницы сдались лишь около 18 час. 30 мин., причем большинству удалось в темноте бежать.

На новом мосту через Дунай шуцбундовцы успешно отразили попытки солдат овладеть около 11 час. плацдармом на левой стороне реки. Рабочие строили баррикады из бочек для бензина, и даже минометный огонь не смог их вынудить разойтись. Пытавшиеся наступать через мост солдаты пять часов сдерживались пулеметным огнем. К 23 час. шуцбундовцы были вынуждены из-за минометного обстрела оставить баррикаду.

Три не особенно сильных отряда шуцбундовцев и рабочих-коммунистов удерживали в течение всего понедельника предместье Урфар, расположенное на левом берегу Дуная. Один отряд занимал позиции у дамбы возле нового моста, второй — у духовной семинарии Петринум, третий — в Шпатценберге. Солдаты не отваживались на атаку. Военное командование заявило по этому поводу: «Продолжающаяся посылка подкреплений специальными поездами объясняется тем, что в самом Линце под

рукой имелось мало войсковых частей, в то время как им было поставлено большое число боевых задач. Из-за возможности возникновения новых очагов сопротивления необходимо было экономно расходовать наличные силы». Однако командиры шугбундовских отрядов отклонили предложение коммунистов забаррикадировать все дороги, ведущие в Линц, и разобрать железнодорожную колею, поскольку это, мол, принесло бы большой материальный ущерб. Поэтому властям удалось сконцентрировать войсковые подкрепления и в ночь на вторник окружить Урффар. Под прикрытием темноты шугбундовцы снова собрались в Линце. Они еще раз заняли школу на улице Дистервег, собрались на судовой верфи и южной окраине города. Солдаты в течение всего дня преодолевали их сопротивление.

После того как около полуночи командир местного отряда шугбундовцев отдал приказ прекратить борьбу, войска смогли на следующий день занять Урффар.

Критические дни в Штейре

Второй по величине город Верхней Австрии Штейр, по сообщению военных властей, переживал «весьма критические дни». Председатель производственного совета автомобильного и оружейного завода в Штейре, руководитель местного шугбунда Густль Мозер мобилизовал шугбундовские отряды сразу же после сигнала тревоги, поданного Бернашеком. В середине дня, когда шугбундовцы спешили на сборные пункты, завод в Штейре прекратил работу, а к вечеру к нему уже никто не мог пройти, так как начался обстрел. В Штейре лишь незначительному числу шугбундовцев удалось достать спрятанное оружие. Полиция оцепила несколько кварталов, в которых находились склады с оружием. В других пунктах функционеры партии отказывались указать рабочим места, где было спрятано оружие. Первое столкновение произошло на заводе в Штейре, причем жертвой оказался директор предприятия Вильгельм Хербст. Отряд полиции, направлявшийся в середине дня к заводу, при переходе железнодорожной линии был встречен ожесточенным огнем из винтовок. Полицейские были вынуждены повернуть обратно. Шугбундовцы заняли рабочее предместье Энслейтен и подавили местную полицейскую охрану. Энслейтен

расположен по другую сторону реки Энс возле вокзала, на плато, господствующем над всем городом. Другим сборным пунктом рабочих стала в 12 час. 30 мин. Нойштрассе, неподалеку от больницы. Несмотря на недостаточное вооружение, шуцбундовцы через два часа продвинулись отсюда к Цигельофену, чтобы атаковать военные казармы, но были задержаны пулеметным огнем. Все же им удалось закрепиться возле артиллерийских казарм, на возвышенности Дахсберг. Другой отряд взорвал железнодорожный виадук через реку Рамингдах, занял мост и разогнал хеймверовцев. В 8 час. утра были подняты по тревоге солдаты. Они попытались в 12 час. 45 мин. войти в Энслейтен. Но рабочие этого предместья были лучше вооружены: у них имелось примерно 15—20 пулеметов. Там сражался также отряд коммунистов, у которых был пулемет. Солдаты были вынуждены спастись бегством. Прошло три часа, прежде чем удалось снова собрать роту, и она организованно отступила по мосту через реку Энс.

Через час после начала боев войска пустили в ход пушки и минометы. Однако позиции рабочих было нелегко взять. Из города Штейр в Энслейтен вели только узкий проход под полотном железной дороги и крутой переулочек. Склоны плато были открытыми и в те дни совсем обледенели. С помощью ружейного и пулеметного огня рабочим удалось успешно отбить ряд атак на их позиции, продолжавшихся вплоть до глубокой ночи.

Другие группы рабочих пытались в понедельник атаковать солдат с тыла, в противоположной части города — в Штейрдорфе — и взорвать железнодорожную линию Линц — Штейр. Однако к вторнику эти группы были рассеяны.

В ночь на 13 февраля военные получили подкрепления из Энса, а также из Штокерау, поскольку в Нижней Австрии в понедельник отмечались лишь отдельные стычки. В Энслейтене шуцбундовцы ночью по всем правилам укрепили свои позиции. Окна были защищены мешками с песком, в стенах пробиты бойницы для стрелков, оборудованы выдвинутые вперед укрепленные посты для часовых. Шуцбундовцы в течение всей ночи обстреливали мосты и казармы из пулеметов. Артиллерия не могла с ними ничего поделать, так как вследствие темноты она смогла выстрелить лишь шесть раз. В течение ночи к шуцбундовцам присоединилось еще 200 человек. К войсковым же частям подошли отряды хеймверовцев из Ве-

ны и Амштеттена, которым командовал граф Эрнст Рюдигер Штаремберг.

На рассвете позиции рабочих подверглись обстрелу. В 8 час. утра открыла огонь первая полевая гаубица, в 10 час. — вторая. Однако войска не смогли начать атаку, поскольку были предприняты попытки деблокировать Энслейтен. Это пытались сделать, но без успеха, шуцбундовцы и рабочие небольших населенных пунктов возле Штейра-Зирнинга, Нойцойга и Леттена. В это время Энслейтен был уже окружен со всех сторон. В 14 час. солдаты при поддержке гаубиц и минометов начали штурм Энслейтена. В 14 час. 30 мин. они перешли мост через Энс и заняли завод в Штейре, который еще в понедельник был оставлен шуцбундовцами. Под градом шрапнели, гранат и мин многие дома рухнули и похоронили под своими обломками храбрых защитников. После ожесточенного сопротивления рабочие отступили, и солдаты во вторник в 17 час. 45 мин. заняли Энслейтен. Затем поодиночке были прочесаны очаги сопротивления и оцеплен весь жилой квартал.

В этих боях хеймвер не сыграл какой-либо роли, хотя в газетах прославлялись его «геройские действия». Как говорилось в официальном сообщении, в атаке на Энслейтен участвовали только войсковые части. Хеймверовцы вступили в поселок лишь после того, как туда вошли солдаты. Они особенно активно участвовали в обысках, проводившихся в домах, и в грабежах. В официальном сообщении подчеркивалось, что «занятие Энслейтена было весьма трудным делом. Противник располагал большим количеством людей, опытных в военном деле и умеющих обращаться с оружием, весьма искусно укрепился в жилых домах, великолепно распределил свое оружие в целях обороны и хорошо использовал технические средства». Шуцбундовцы не смогли противостоять только артиллерийскому обстрелу.

Кровавая расправа в Хольцлейтене

В Хаусруке (Верхняя Австрия) и в угледобывающем районе Вольфсэгг-Траунталь рабочие стали в понедельник хозяевами положения. В железнодорожном узле Аттанг-Пуххайм они разоружили жандармские посты, заняли вокзал и задержали поезда, затем захватили почтамт и забаррикадировались в Рабочем доме. После 18 час. из

Вельса прибыли на грузовиках солдаты. Они были вынуждены разобрать возле Аттнанга уличную баррикаду из поваленных деревьев, которая не защищалась шуцбундовцами, и заняли потом этот населенный пункт, не встретив сопротивления. Солдаты приказали арестованным рабочим разобрать большие уличные заграждения, возведенные перед Рабочим домом.

В угольном районе Вольфсэгг-Траунталь в 10 час. утра выступили шуцбундовцы из Хольцлейтена — маленького поселка горняков, расположенного возле южного входа в железнодорожный туннель линии Аттнанг — Рид. Сначала это были безработные и пенсионеры. Они достали оружие и арестовали всех хеймверовцев еще до того, как появились рабочие с предприятий. Рабочий дом был подготовлен к обороне.

В ходе огневого боя шуцбундовцы не дали продвинуться солдатам, прибывшим по железной дороге. Часть из них была вынуждена остаться ночевать на станции Хаусрук, другая — у северного входа в туннель.

Во вторник утром рабочие начали атаку, причем им удалось на некоторое время окружить отряд хеймверовцев, засевших в ресторане «Кайзер» в Петтенфюрсте. Однако в середине дня новые подразделения солдат нанесли удар по Рабочему дому в Хольцлейтене и окружили поселок. Рабочие оказывали сопротивление до 16 час., после чего солдаты начали наступление на этот населенный пункт. Шуцбундовцы забаррикадировались на вокзале в одном из железнодорожных вагонов и препятствовали продвижению солдат. Сопротивление рабочих было подавлено самыми зверскими методами, чего не могло скрыть даже официальное сообщение. В нем говорилось: «Повстанцы, укрепившиеся на местности и в жилых домах, были захвачены и разоружены. Затем их погнали непосредственно впереди наших стрелковых цепей [т. е. впереди правительственных подразделений. — А. Р.] в направлении железнодорожной станции Хольцлейтен»¹. Рабочие не

¹ «Der Februaraufbruch 1934...», S. 216. Подобное преступное использование пленных, зарегистрированное и в других местах, нашло одобрение самых высоких инстанций. В изданном в 1935 г. министерством обороны «Опыте оказания помощи при подавлении восстания в 1934 г.» такие методы совершенно недвусмысленно рекомендуются. «Уже одна угроза применить более строгие меры против захваченных повстанцев, — говорится в документе на стр. 16, — может урезонить нарушителей спокойствия».

могли стрелять в своих собственных товарищей по классу и отступили. В 17 час. весь Хольцлейтен был занят войсками.

Победители показали свое подлинное лицо, совершив ужасное, кровавое злодеяние. Во время захвата Рабочего дома шуцбундовцы вывесили белый флаг. Однако наступавшие без прикрытия воинские подразделения понесли потери от ружейного огня, который велся не из Рабочего дома. Солдаты отомстили за это пяти безоружным рабочим, которых они нашли в подвале (трое из них были санитарями). Этих людей объявили виновными, привели на сцену кинозала, поставили спиной к экрану перед двумя шеренгами солдат, которые открыли по ним огонь. Четверо из рабочих — Франц Хольцингер, Иозеф Шмид, Андреас Кропачек и Антон Царабники — получили смертельные ранения, Хаммингеру из Хаусрука пуля попала в позвоночник, в результате чего он был парализован. Стены зала Рабочего дома представляли ужасное зрелище: они были пробиты пулями, покрыты кровью. Было насчитано 54 пробоины. Официозное сообщение пыталось оправдать этот позорный акт тем, будто бы после появления белого флага на Рабочем доме оттуда было произведено «еще несколько выстрелов». Далее говорилось: «Наших бойцов охватило такое ожесточение, что они... взяли здание штурмом. Шуцбундовцы, оборонявшиеся с помощью пистолетов и кинжалов, были расстреляны»¹. Лживость этого заявления была опровергнута свидетелями и найденной фотографией. Поэтому даже ставший позднее канцлером Шупниг был вынужден отмежеваться от этого позорного акта.

В Эбензее, как и во многих других пунктах, социал-демократическая партия не выдвинула каких-либо боевых лозунгов. Несколько мужественных рабочих организовали шесть вооруженных групп, которые заняли боевые позиции. Всеобщая забастовка была здесь успешной. Пытавшийся бежать местный руководитель хеймвера был арестован. Удалось также разоружить отряд хеймверовцев и передать оружие шуцбундовцам. Сотня шуцбундовцев разоружила сотрудников жандармского поста в Эбензее и государственного лесничества. Рабочие повалили телеграфные столбы на участке железной дороги

---

¹ «Der Februaraufruhr 1934...», S. 219.

Гмунден — Штейрермюль и тем самым закрыли колею. Возле Штейрермюля они разобрали рельсы на расстоянии 60 м. Шюцкоровцы бежали на одном из пароходов в Гмунден. Министерство обороны направило в Эбензее батальон солдат из Кицбюэля (Тироль), один батальон шюцкора и полувзвод горных пушек. В четверг в середине дня прибыли войсковые подразделения. Однако шцубундовские отряды, занимавшие позиции вокруг города в горах, в снегу и на морозе, уже разошлись. Жандармерия сообщила о таинственном самоубийстве второго руководителя шцубундовцев Нуссбаумэра, который якобы покончил с собой с помощью служебного револьвера, полученного у жандармов.

В верхнеавстрийском городке Штадль-Паура 50 вооруженных шцубундовцев забаррикадировали шоссе, ведущее в Ройтхам. Во вторник, 13 февраля, против них были направлены солдаты, прибывшие на четырех грузовиках из Вельса. Шцубундовцы заняли мост через реку Траун и построили в Штадль-Пауре две баррикады. Они отклонили предложение о сдаче. Ожесточенное сопротивление шцубундовцев дало командованию бригады основание сделать вывод, что имеющиеся в его распоряжении средства «слишком слабы, чтобы успешно осуществить меры против Штадль-Пауры и лежащих к югу населенных пунктов Лакирхен и Штейрермюль, население которых было сильно распропагандировано социалистами». Поэтому в среду была вызвана на помощь артиллерия, прибывшая около 21 час. После этого рабочие ночью отступили в леса. Когда солдаты в четверг, 15 февраля, в 6 час. утра заняли входы в населенный пункт, они не нашли там противника.

Два дня боев в Граце

В Штирии, где довольно сильно была развита промышленность, бои развернулись в первую очередь в Бруке-на-Муре, в Капфенберге и в Граце — главном городе этой земли.

Еще 12 февраля специальный номер социал-демократической газеты в Граце «Арбайтервилле» опубликовал призыв к всеобщей стачке. Однако ее не удалось провести повсеместно. Забастовал ряд крупных предприятий, одна-

ко трамвай, газовый завод, электростанции и (как и во всей Австрии) железные дороги продолжали работать. Шущбунд также не выступил единодушно. Многие шущбундовские отряды, хотевшие начать борьбу, оказались безоружными. Поэтому лишь в некоторых местах рабочие смогли оказать вооруженное сопротивление полиции, пытавшейся очистить улицы. Власти немедленно заняли кварталы, в которых находились дом социал-демократической партии, ее редакция и типография.

Там, где рабочие в середине дня получили оружие, они ответили контрударами. Один из отрядов шущбундовцев собрался в Фрѐбель-парке, наискосок от полицейского участка на Хакхергассе. Когда примерно в 14 час. они были обнаружены сотрудниками полиции, около 40 шущбундовцев отправились в подвал находившейся неподалеку школы и достали там из тайника две дюжины армейских пистолетов с патронами и несколько ручных гранат. Небольшая группа добровольцев двинулась к полицейскому участку на Хакхергассе, чтобы занять его. Шущбундовцы застали полицейских врасплох, обезоружили их и укрепились в участке. Захваченное оружие — сабли и несколько пистолетов — было завернуто в одеяло и отправлено в школу. Около 15 час. со стороны моста Кальвариенбергбрюкке прибыла автомашина с полицейскими, чтобы освободить захваченных сотрудников участка. Полицейские попали под перекрестный огонь, который был открыт из полицейского участка и окон школы, и понесли тяжелые потери. Прибывшие из полиции дополнительные подкрепления не смогли исправить положение. Пришлось затребовать на помощь войска.

Шущбундовцы пытались также собраться возле главного железнодорожного вокзала и захватить его. Однако эта попытка провалилась из-за превосходства сил противника. Примерно к 18 час. шущбундовцы были вынуждены очистить территорию, но и власти должны были довольствоваться тем, что заняли все мосты па левом берегу реки Мур. Они полностью окружили господствующую над городом высоту Шлоссберг, заняли общественные здания и все жизненно важные предприятия. Рабочие смогли укрепиться лишь в промышленном районе возле товарной станции, где находились обувная фабрика «Хуманик», мостостроительный завод «Вагнер унд Биро», рельсопро-

катный завод, а также в предместье Эггенберг. Как сообщило правительство, в начале второй половины дня «коммунистически настроенные рабочие» разоружили пост жандармерии и заняли его, а также создали очаги сопротивления в здании потребительского кооператива и в ратуше. И в этом случае власти вызвали на помощь солдат. На Хакхергассе первая атака солдат была отбита активным пулеметным и ружейным огнем шугбундовцев, который они вели из окон школы. Израсходовав при этом большую часть своих скудных боеприпасов, рабочие отступили к старому прокатному заводу. Пустая школа была занята солдатами, которые атаковали затем полицейский участок, применив «дымовые пашки с раздражающим веществом», причем газ вдывался через дверь дома. Но и здесь ворвавшиеся полицейские не нашли защитников, исчезнувших под покровом темноты.

Бежавшие шугбундовцы собрались в индустриальном районе города и провели после наступления темноты несколько атак в районе железной дороги. Они пытались установить контакт с соседним местечком Гёстинг, но не смогли этого сделать из-за численного превосходства правительственных войск. Движение по железной дороге не было прервано. Прибывший в 18 час. 30 мин. отряд солдат был обстрелян двумя пулеметами с завода «Вагнер унд Биро». Власти дождались прибытия артиллерии, с помощью которой в час ночи это предприятие было занято солдатами. Перед прокатным заводом военные установили миномет. Однако лишь на следующее утро, в 6 час., им удалось захватить этот объект.

В это время ожесточенные бои разгорелись в предместье Эггенберг. Тамошний священник, магистр Иозеф Грабнер, верный слуга католической церкви, был первым, кто письменно известил военных о тревожном положении. Курсанты жандармской школы, которых первыми бросили против рабочих, уже на пути в Эггенберг подверглись обстрелу из одного барака и понесли большие потери при его штурме. В самом Эггенберге курсанты попали под ураганный огонь двух пулеметов, размещенных в здании местного кооператива. Рота была вынуждена буквально прижаться к земле. После прибытия альпийских стрелков с четырьмя орудиями, сделавшими 20 выстрелов, в 1 час 30 мин. началась атака на здание, которое было захвачено после ожесточенного сопротивления его защитников.

В Эггенберге войска не нашли ни одной винтовки. Помогавшие им хеймверовцы беспрепятственно грабили склады потребительского кооператива.

Тяжелые бои шли во вторник в предместье Гёстинг. Местный бургомистр (социал-демократ) был рано утром арестован, но рабочие освободили его. Шуцбундовцы атаковали жандармский участок, однако не смогли его занять и держали под обстрелом, пока не прибыли солдаты. Шуцбундовцы построили несколько баррикад и захватили стекольную фабрику. Только после сильного обстрела отряд солдат смог заставить рабочих уйти с баррикады. Для штурма стекольной фабрики властям пришлось привлечь к середине дня еще одну роту солдат.

Ночью рабочие заняли неподалеку от Граца возвышенность Хаусберг в Граткорне, но утром во вторник по приказу бургомистра оставили ее. После этого Хаусберг заняли отряды фашистского «отечественного фронта». Возмутительным актом был обстрел захваченных рабочих перед казармой альпийских стрелков в Гёстинге, поскольку якобы один из пленных хотел убежать. При этом один рабочий был убит и несколько ранены. Военная сводка говорила об этом как о «недоразумении».

Брук-на-Муре в руках рабочих

В индустриальном центре Брук-на-Муре руководитель шуцбундовцев города Зепп Линхарт и окружной командир Хуберт Русс мобилизовали свои отряды. В 12 час. дня забастовали работники электростанции, к ним немедленно присоединились железнодорожники, рабочие завода «Фельтен энд Гийом», бумажной фабрики и других предприятий. Брук-на-Муре был единственным городом в Австрии, где во главе сражавшихся рабочих стал руководящий деятель социал-демократической партии. Это был секретарь штирийской организации Коломан Валлиш, бывший партийным деятелем еще во времена Советской республики в Венгрии. Получив сообщение о начале забастовки, Валлиш поспешил, выполняя данное им ранее обещание, из Граца в Брук-на-Муре, где он в течение многих лет был секретарем партийной организации. Валлиш выехал в автомашине с женой Паулой. По дороге он сообщил доверенным лицам близлежащих населенных

пунктов о начале всеобщей стачки и в 13 час. 30 мин. прибыл в Брук-на-Муре. К тому времени рабочие уже взяли власть в городе в свои руки. Когда жандармы, вызванные дирекцией завода «Фельтен энд Гийом» якобы «для защиты тех, кто хочет работать», прибыли на предприятие, оно уже было занято вооруженными шуцбундовцами. Они загнали 26 жандармов в здание дирекции. Затем два отряда шуцбундовцев под командованием Зеппа и Эрвина Линхартов пытались захватить здание жандармской казармы, находившейся на Винерштрассе. Они незаметно подошли вплотную к зданию, однако преждевременный выстрел испортил все дело. Шуцбундовцы были встречены сильным огнем. После активной перестрелки им удалось взорвать ручными гранатами ворота. Группа молодежи атаковала двор казармы. При этом Зепп Линхарт был смертельно ранен, несколько шуцбундовцев получили ранения. После этого рабочие отступили на Хауптплац.

Другим активным участком боев стало высшее лесное училище возле моста Леобнербрюкке, в котором располагались шюцкоровцы. Как сообщило правительство, это училище было атаковано «с ожесточенным упорством» и здесь погибло большинство шуцбундовцев. Положение осажденных стало критическим. Все более настойчиво раздавались призывы к военным прийти на помощь. Электрическое освещение было выключено, и город, по сообщению военных властей, представлял собой «бурлящий очаг мятежа». Железная дорога смогла работать по расписанию только до 17 час. 25 мин., после чего шуцбундовцы воздвигли на рельсах препятствия, а около 20 час. заняли вокзал. Начиная с 20 час. 50 мин. прекратилось все железнодорожное движение.

Рабочие окрестных промышленных городков организовали помощь сражающемуся Бруку-на-Муре. Валлиш посетил ряд населенных пунктов и на грузовиках доставил оттуда в Брук-на-Муре вооруженных шуцбундовцев. С их помощью он занял высоту Шлоссберг, господствующую над городом. Батальон альпийских стрелков, прибывший с двумя горными орудиями, наткнулся при подъезде к городу на уличные заграждения из спиленных телефонных столбов и деревьев. Эти препятствия, а также неоднократные огневые палеты надолго задержали батальон. Тем не менее авангарду солдат под покровом темноты

бегом удалось незаметно пересечь мост через реку Мур в Бруке и достичь площади Минпоритенплац. Когда шуцбундовцы узнали об этом, они внезапно прибыли туда на грузовике, направили на солдат свет фар и осыпали их градом пуль. В результате военные были вынуждены отступить во двор близлежащего отеля «Бауэр». В это время главный отряд солдат вступил в Брук-на-Муре и занял здание, где помещался начальник округа. Несмотря на настойчивые требования майора Фея и государственного секретаря Карвински в первую очередь освободить окруженных жандармов и хеймверовцев, солдаты начали подготовку к штурму Шлоссберга, главного опорного пункта шуцбундовцев. В течение ночи войска получили новые подкрепления из Граца. Во вторник утром, в 4 час. 45 мин., начался артиллерийский и минометный обстрел Шлоссберга. Шуцбундовцы разгадали план противника и хотели нанести удар солдатам с тыла. Еще накануне Валлиш повел несколько сотен шуцбундовцев через остров на реке Мур и далее через перемычку плотины на другой берег реки. Но когда они после труднейшего марша вышли противнику в тыл, положение защитников Шлоссберга стало безнадежным из-за лучшего вооружения солдат и острой нехватки боеприпасов у шуцбундовцев.

После ожесточенного боя, в котором солдаты применили «все средства рукопашной борьбы», шуцбундовцы были вынуждены оставить Шлоссберг. Большинство из них отступило, захватив раненых и оружие, и заняло новую позицию на опушке леса. После жестокого артиллерийского обстрела рабочие прекратили сопротивление и двинулись, преследуемые огнем, в западном направлении, к горе Мадерек. После взятия Шлоссберга военные смогли около 6 час. утра прорвать блокаду жандармской казармы. Тем самым были «автоматически» освобождены и хеймверовцы, находившиеся в лесном училище. Примерно в 5 час. 45 мин. шуцбундовцы оставили вокзал и все железнодорожные учреждения.

Солдаты хотели освободить жандармов, окруженных на заводе «Фельтен энд Гийом», однако им не давали продвинуться два пулемета, установленные на арке восточнее вокзала. Лишь подавив их огонь с помощью орудий и минометов, солдаты смогли занять здание дирекции и освободить окруженных жандармов. Три часа поз-

же находившиеся на арке пулеметы шугбундовцев возобновили огонь. Они стреляли до тех пор, пока прямое попадание снаряда не вывело их из строя. Лишь тогда солдаты смогли двинуться в занятый рабочими фабричный квартал в районе, где реки Мюрц и Мур делают дугу. При этом отдельные шугбундовские группы продолжали вести бои. Тем не менее до среды солдатам удалось очистить фабричный квартал Брука-на-Муре.

Поход отряда Валиша

В то время как в самом Бруке-на-Муре бои постепенно затихали, «военный совет» рабочих решил оставить город, двинуться в направлении Леобена, занять его и Донавиц, а затем пробиться в Грац. Когда этот план из-за превосходства войсковых частей оказался невыполнимым, шугбундовцы начали отход через Хохальм к югославской границе. Плохо вооруженные 400 человек шли через перевал Учграбен, прокладывая тропу по снегу глубиной от полутора до двух метров, при ледяном встречном ветре. Когда они в 11 час. подошли к перевалу Айзенпас — своего рода впадине между Хохангер и Хохальм, — Валиш обратился к шугбундовцам с проникновенными словами, сказав, что те, кто не в состоянии двигаться дальше, могут вернуться обратно. Часть шугбундовцев повернула назад, другие хотели добраться до Фронлейтена, на другой стороне горы Хохальм. Они двинулись через Лауфницграбен. Хотя дорога туда занимала обычно всего лишь четыре или пять часов, сильно измученные люди достигли Фронлейтена лишь поздно вечером. Они не отважились войти в местечко, так как получили ошибочное сообщение, будто Фронлейтеп занят военными и хеймверовцами. В возникшей неразберихе технический руководитель и командир шугбунда округа Хуберт Русс отправился в Фронлейтен. Позднее Русс признал во время суда, что он по телефону связался с постом жандармерии и выдал ему путь движения людей Валиша. Вследствие этого предательства вечером в Фронлейтен прибыли 80 жандармов, которые заняли выход из Лауфницграбена. В награду за это Русс, которого вместе с Валишем судили 19 февраля, не был расстрелян, а приговорен к пожизненной каторге.

Группа Валлиша отошла в горы и перепочевала в амбарах для сена. Ранним утром в среду группу атаковали жандармы, вооруженные пулеметами. Завязалась перестрелка, в ходе которой часть шуцбундовцев была взята в плен. Другие снова собрались, и Валлиш простился с теми, кто из-за истощения не мог идти дальше. Лишь около 50 человек продолжали свой марш с Валлишем. На вершине горы во время бури их атаковали сильные отряды жандармов. Однако шуцбундовцам удалось после ожесточенного боя пробиться к разрушенной альпийской хижине. Последние 12 шуцбундовцев попытались уйти оттуда через перевал Айзенпас, высота которого достигает 1195 м. Однако путь оказался слишком тяжел. Тогда шуцбундовцы решили пробиваться поодиночке. Коломан Валлиш в течение четверга прятался в амбаре с сеном возле одного из уединенных крестьянских домов. В пятницу к нему присоединилась жена Паула. В субботу Валлиш смог установить связь с товарищами в долине, которые хотели организовать его побег в автомашине в Югославию. Однако во время побега его опознал в воскресенье Карл Хенфлинг — шофер, работавший в автомастерских железнодорожного ведомства. Он хотел заработать 5000 шиллингов, назначенных за голову Валлиша, и выдал его жандармам. В тот же день Валлиш был арестован и в понедельник, 19 февраля приговорен военно-полевым судом к смертной казни, которая состоялась в 22 час. 40 мин. Палач — мясник из Вены насмешливо склонился над телом казненного и сказал: «Господин Валлиш, мне доставило большое удовольствие иметь дело с Вами!». Карл Хенфлинг был вознагражден за свое предательство дирекцией предприятия восьмидневным оплаченным отпуском.

В других местах Верхней Штирии

В понедельник, 12 февраля, рабочие многих промышленных центров Верхней Штирии взяли за оружие и завязали тяжелые бои с войсковыми частями. В Капфенберге, вблизи Брука-на-Муре, рабочие в течение всего дня имели перевес, а жандармерия находилась в тяжелом положении. Рабочие арестовали известных хеймверовцев и нацистов. Шуцбундовцы заняли кладбище Санкт-Мар-

тин и обстреливали оттуда из пулеметов жандармский пост. Другой отряд шуцбундовцев, захватив возвышенность Бург над Капфенбергом, держал под пулеметным огнем долину Мюрцталь, участок железной дороги и шоссе. Прибывшие из Бургенланда солдаты применили против этого отряда во вторник в 14 час. 20 мин. минометы, а через час — тяжелые пулеметы. Несмотря на сильный обстрел, шуцбундовцы сопротивлялись в течение часа, и лишь в 16 час. 30 мин. оставили свои позиции. Рабочие неоднократно обстреливали отряды солдат, которым была поставлена задача расчистить железнодорожные пути и сделать их пригодными для эксплуатации. Войска, наступавшие на Капфенберг, попали в 17 час. под прицельный огонь возле опушки леса юго-восточнее часовни Санкт-Матер. После короткой, но активной перестрелки шуцбундовцы рассеялись по густому лесу. Солдаты вступили в Капфенберг, причем находившаяся на Виперштрассе часть батальона была в сумерках обстреляна многочисленными стрелками с крыш домов. Солдаты пытались их обнаружить, но безуспешно.

В Юденбурге в понедельник забастовали рабочие чугунолитейного завода, а шуцбундовцы заняли город. Во второй половине дня солдаты городского гарнизона устранили заграждения на шоссе, захватили электростанцию, которая прекратила подачу тока, и заставили ее персонал включить ток. На помощь был вызван батальон бургенландских фельдъегерей. Он был брошен против шуцбундовцев, окопавшихся на возвышенности Руиненхое, и смог выбить их, только пустив в ход минометы. Во вторник, после атаки превосходящих сил правительственных войск, рабочие были вынуждены отступить. Затем солдаты отправились из Юденбурга в Цельтвег, где сильные отряды шуцбундовцев атаковали жандармский участок и заняли вокзал. После того как войсковые подразделения разобрали баррикады, воздвигнутые на шоссе, ведущем в Цельтвег, солдаты прибыли во второй половине дня в понедельник в этот город и после боя отбросили шуцбундовцев. В Фонсдорфе горняки забастовали во вторник. Шуцбундовцы города пытались, хотя и без успеха, атаковать жандармский участок и занятый властями Рабочий дом. После того как на следующую ночь в 0 час. 30 мин. несколько шуцбундовцев было арестовано, около 60 их товарищей собрались и неоднократно обстреливали

полицейские посты. Однако утром предприятия возобновили работу.

В районе Фойтсберг-Кёфлах забастовали все рабочие. В среду на стекольной фабрике в Фойтсберге собралось около 1000 рабочих, причем многие из них были вооружены. Шуцбундовцы двинулись к жандармскому участку и к месту пребывания хеймверовцев, окружили их и предъявили ультиматум о сдаче, срок которого истекал в 12 час. Они прервали также телефонную связь с Грацем. Власти бросили против шуцбундовцев солдат, поддержанных минометом, после чего рабочие сдали фабрику без каких-либо условий. Угрожая применить оружие, солдаты вынудили бастующих рабочих некоторых предприятий снова начать работу.

В Леобене и его окрестностях рабочие утром в понедельник вооружились и после 20 час. начали первые боевые действия. Из-за превосходства сил противника шуцбундовцы покинули Леобен и направились в Гёсс, где пытались взять штурмом местный жандармский участок. Примерно в 4 час. утра во вторник бои вокруг Леобена затихли. Шуцбундовцы отступили в горы, солдаты их не преследовали.

В Тёрле жандармы были обстреляны ружейным и пулеметным огнем из Рабочего дома в то время, когда они хотели произвести аресты. Жандармы взяли дом штурмом и захватили в плен 25 рабочих. В Димлахе шуцбундовцы закрепились в детском доме. В среду солдаты произвели по дому несколько артиллерийских выстрелов. После прямого попадания снаряда, поразившего их оборонительную позицию, шуцбундовцы отступили. В Санкт-Михаэле примерно 100 рабочих атаковали 14 февраля в 3 час. 00 мин. дом, где находились члены шюцкора. Сильный отряд жандармов, которому был придан полубатальон альпийских стрелков из Каринтии, вынудил шуцбундовцев отступить.

Прибытие войск из Каринтии в Штирию стало возможным лишь потому, что в Книттельфельде — важнейшем железнодорожном узле — царил спокойствие. В понедельник там собрались в месте сбора около 500 шуцбундовцев, во вторник их число достигло 800; однако ни командование шуцбунда, ни секретариат профсоюзов не дали каких-либо указаний, и рабочие разошлись. Значительные и мелкие стычки отмечались во многих небольших населенных пунктах Штирии.

Рабочие Вены напрасно рассчитывали на Нижнюю Австрию, где, начиная от южных ворот Вены и вплоть до Земмеринга, находился густонаселенный индустриальный район, в котором жили десятки тысяч рабочих. Здесь имелись хорошо вооруженные, сильные шуцбундовские отряды. На западе от Вены — всего лишь в часе езды скорым поездом — находится город Санкт-Пёльтен с многочисленными предприятиями. В соседних долинах рек Трайзен, Гёльзен, Ибс и Эрлауф имелись сильные опорные пункты. Если бы там развернулись бои, то правительство было бы вынуждено снять войска из Вены, что облегчило бы положение сражавшихся рабочих. Но как могли шуцбундовцы начать бои, когда нижнеавстрийские вожди социал-демократии были самыми активными участниками переговоров с австро-фашистским правительством и поэтому делали все, чтобы удержать рабочих от выступления.

Руководство шуцбунда возлагало большие надежды на крупные, хорошо вооруженные шуцбундовские отряды в Винер-Нёйштадте и окружавших его индустриальных районах. Но руководитель шуцбунда в Винер-Нёйштадте Иозеф Пюхлер, считавшийся ультрарадикалом, еще 10 февраля был арестован в пьяном виде. Власти опасались, что арест может привести к началу боев, и вызвали на помощь солдат, однако все прошло спокойно. Потому 12 февраля не оказалось никого, кто мог бы отдать приказ о вооружении рабочих. Руководитель нижнеавстрийской организации социал-демократов Пецнек, принадлежавший к правому крылу, дал указание ждать, а сам тем временем отправился в 14 час. к начальнику округа, чтобы начать переговоры. Как и другие правые лидеры социал-демократии, Пецнек был арестован, однако в Нижней Австрии все в общем осталось спокойным. При этом у рабочих отнюдь не было недостатка в готовности к борьбе. Об этом говорят их многочисленные попытки достать оружие и начать выступление. На улицах Винер-Нёйштадта уже в понедельник шли перестрелки, во вторник вечером были совершены отдельные акты саботажа на мостах и линиях электропередач. Однако шуцбундовские отряды, взявшиеся по собственной инициативе за оружие, не получили никакой поддержки со стороны окружного руководства и поэтому вскоре прекратили борьбу. Провал

в этом районе, где шувбунд был особенно силен, не только удручающе подействовал на другие области Нижней Австрии, но и дал правительству возможность направить войсковые части из Нижней Австрии в Вену и другие провинции. Так, например, отряд солдат, который помогал подавить выступление рабочих в Бруке-на-Муре, прибыл маршем из Бургенланда через Нижнюю Австрию. Отряды хеймверовцев из Нижней Австрии принимали участие в боях в Бруке-на-Муре и других городах Штирии. Через район Винер-Нёйштадта шли поезда со снаряжением, которое послало фашистское правительство Венгрии, когда австрийским солдатам не стало хватать боеприпасов.

В понедельник произошло столкновение на рыночной площади в Нейнкирхене, где шувбундовцы сумели вооружиться. Во вторник, после вступления в город солдат, рабочие отступили в окрестные леса и оказывали сопротивление до тех пор, пока огонь орудий не заставил замолчать их пулемет. В Ибстале было несколько боев шувбундовцев с жандармерией и хеймверовцами. Только в округе Санкт-Пёльтен развернулись серьезные боевые действия. В понедельник в городе сразу же забастовали заводы «Фойт» и «Шюллер», в то время как рабочие других предприятий выжидали и собирались лишь к вечеру принять решение о всеобщей стачке. Военные власти предприняли сперва специальные меры «против коммунистически настроенного предместья Фихофен», а затем министерство обороны направило солдат для оказания помощи Штейру. В свою очередь рабочие вооружились вопреки приказу руководства окружной социал-демократической организации. Шувбундовцев возглавил Фердинанд Штрассер, вице-бургомистр и секретарь социал-демократической организации Санкт-Пёльтена. После февральских событий он стал членом Центрального Комитета Коммунистической партии Австрии и был убит нацистами после оккупации страны.

После часа ночи в Санкт-Пёльтене отмечались небольшие стычки на улицах города с хеймверовскими патрулями. Хотя все предприятия начали во вторник работу, шувбундовцы в 21 час 30 мин. заняли на западной окраине города распределительную подстанцию и выключили ток. Вооруженные группы захватили вокзал. В районе вокзала, электростанции и Дома друзей детей произошли вооруженные столкновения. Небольшие группы рабочих

собрались в городских парках, где начались стычки с находившимися там шюцкоровцами. Но у шуцбундовцев не хватало оружия. Так, например, члены военизированной спортивной организации получили лишь 20 ручных гранат. В восточной части города единственный действовавший шуцбундовский отряд атаковал пост, охранявший мост Трайзенбрюкке. Хеймверовцы и жандармы обратились в бегство, после чего отряду удалось проникнуть в центр города, непосредственно к дому начальника округа, где находился большой склад оружия, принадлежавший жандармерии. Однако отряд не имел никакой связи с другими шуцбундовцами. Атакованный сильной группой солдат, он был вынужден отступить.

В Тернице шуцбундовцы собрались в ночь на 13 февраля на окраине города. Однако они были плохо вооружены. Во вторник против них выступили жандармы и солдаты, поддержанные орудием и двумя пулеметами. После того как единственный пулемет шуцбундовцев был выведен из строя прямым попаданием артиллерийского снаряда, они вынуждены были разойтись.

В индустриальных городках долины Трайзенталь рабочие также вооружились и провели несколько боев против отрядов шюцкора. В Вильгельмсбурге началась всеобщая забастовка. Шюцкоровцы бежали, затем собрались в жандармском участке и вызвали на помощь солдат. Во вторник в 9 час. утра шуцбундовцы хотели начать общее наступление. Но руководство отменило его, что не мешало отдельным группам шуцбундовцев продолжать вести оборонительные бои. Они захватили высоты с обеих сторон этого населенного пункта и тем самым блокировали долину Трайзенталь. Рабочие заняли железнодорожную насыпь и прервали телефонную связь.

В Трайзене шуцбундовцы нанесли удар по жандармерии. Они навязали двухчасовой огневой бой солдатам, которые в 13 час. 40 мин. перешли в наступление. После этого властям удалось занять город и всю долину Трайзенталь.

В соседней долине Гельзенталь, в городе Рорбахе, завязалась перестрелка с хеймверовцами. Группа шуцбундовцев отступила в жилой дом своего командира Иоганна Хойса. Хеймверовцы атаковали это здание, в ходе боя командир хеймверовского отряда был убит. После этого шуцбундовцы Иоганн Хойс и Виктор Раухенбергер предстали перед военно-полевым судом Санкт-Пёльтена по об-

винению в убийстве и были приговорены к повешению. Через три часа после заседания суда они были казнены.

Шуцбундовцы городка Эбергассинг (возле Швехата, недалеко от Зиммеринга), где находилась большая фабрика ковров «Хаас и сыновья», сделали попытку оказать помощь сражавшимся венским рабочим. Предполагалось совместно атаковать артиллерийские казармы в Кайзер-Эберсдорфе. Однако шуцбундовцы почти не получили патронов для своих 100 винтовок и были вынуждены отказаться от этого намерения.

В непосредственной близости от Вены, в Ноймёдлинге, около 200 шуцбундовцев вооружились и воздвигли баррикады. В ночь на 13 февраля началась перестрелка с хеймверовцами. В 3 час. 00 мин. 14 февраля прибыли солдаты, расположившиеся в доме католической миссии Санкт-Габриель, где их хорошо накормили. Шуцбундовцы завязали активную перестрелку с солдатами, продолжавшуюся с 6 час. 00 мин. до 13 час. 00 мин. После этого часть шуцбундовцев отступила в Нойдорф, а остальные забаррикадировались в домах и сдались лишь после сильного артиллерийского обстрела.

Положение в других землях (провинциях)

В других землях Австрии вследствие саботажа социал-демократических лидеров рабочие выступили лишь в отдельных пунктах.

В Зальцбурге руководство социал-демократической партии вместо того, чтобы объявить всеобщую стачку и ввести в бой шуцбунд, созвало в Партийном доме конференцию функционеров партии и командиров шуцбундовских отрядов. Полиция получила возможность сразу всех их арестовать. Согласно правительственному сообщению, в Зальцбурге в понедельник господствовало «полное спокойствие» что позволило перебросить солдат в Вену для участия в боях. Во вторник в Халлейне начались забастовки, причем штрейкбрехеры были избиты. Несколько рабочих взорвали мачту электропередачи на участке железной дороги, ведущей в Зальцбург. Вызванные солдаты заняли город и заставили рабочих приступить к работе. 16 февраля шуцбундовцам удалось взорвать рельсы на участке железной дороги Зальцбург — Оберндорф. В ме-

стечке Гросс-Гмайн, находящемся возле границы с Баварией, «спокойствие было несколько нарушено».

В Тироле бои велись лишь в одном населенном пункте — в Вёргле. Поэтому солдат из этой провинции направили в Вену для подкрепления находившихся там воинских частей. В Вёргле, местечке в долине реки Инн, жандармы попытались во вторник в 10 час. утра занять Партийный дом, находившийся в отеле «Розе». Рабочие забаррикадировались в этом доме и открыли ружейный огонь. Они ожидали помощи из соседнего местечка Кирхбихль и угольного рудника в Херинге, рабочие которого начали забастовку. Шущбундовцы заняли еще несколько зданий, господствовавших над вокзалом и восточной окраиной города. К 11 час. правительственные войска снова подошли к Партийному дому, но он уже был оставлен рабочими. Группа шущбундовцев из Кирхбихля заняла целлюлозную фабрику, куда отступили также рабочие из Вёргля. Перестрелка продолжалась около двух часов. Вторая группа шущбундовцев из Херинга и Кирхбихля сконцентрировалась возле высоты Гроттенберг. Против нее власти направили вместо солдат бургомистра Вёргля (социал-демократа) и местного священника. Им удалось уговорить рабочих отступить. Оба населенных пункта были позднее заняты солдатами, причем власти произвели многочисленные аресты.

В Каринтии социал-демократические руководители высказались против борьбы. Заместитель главы земельного правительства социал-демократ Цайницер и бургомистр Клагенфурта инженер Пихлер вышли из партии и призывали рабочих «в интересах свободы и независимости... не предпринимать каких-либо боевых действий против властей или правительства». Поскольку в двух самых больших городах земли — Клагенфурте и Филлахе — царило спокойствие, войска из Каринтии смогли принять участие в подавлении выступления рабочих в Бруке-на-Муре. Лишь в четверг, 15 февраля, рабочие угольного рудника в Санкт-Стефане и бумажно-целлюлозной фабрики во Францахе начали забастовку. 16 февраля прибыли солдаты, и начальник округа Вольфсберг вместе с приехавшим из Клагенфурта правым функционером социал-демократической партии уговорили горняков начать работу в вечернюю смену.

В земле Форарльберг все было спокойно. По сообще-

нию газеты «Форарльбергер ландесцайтунг» от 12 февраля 1934 г., «социал-демократические руководители посетили главу земельного правительства и заявили, что они осуждают происходящие в других частях страны эксцессы и объявляют, что ни один социал-демократ Форарльберга не примет участия в этих преступных действиях».

Итог боев

Уже в первый день боев правительство с помощью радио, специальных выпусков газет, листовок и плакатов бомбардировало население сообщениями о своих победах и запугивало его. Собравшийся в 14 час. совет министров констатировал, что события, «как это доказано, планомерно готовились, причем полную ответственность за них несет социал-демократическая рабочая партия». Поэтому совет министров принял решение «немедленно распустить эту партию». Одновременно было распущено около 1500 других рабочих организаций и союзов, включая профсоюзы. Правительство решило распустить венский муниципальный совет, сместить бургомистра Вены Зейца и назначить вице-канцлера в отставке министра Рихарда Шмица правительственным комиссаром Вены. В столице было объявлено осадное положение: с 20 час. не разрешалось выходить на улицу. Радио повторяло об этом через каждые полчаса. Венская ратуша была занята, и против ожидания социал-демократическое руководство даже не пыталось сопротивляться, а капитулировало, так же как и Социал-демократическая партия Германии. Бургомистр Зейц заявил, что он не примет во внимание приказ о его смещении и подчинится лишь насилию. Зейц оставался в своем кабинете до тех пор, пока на следующее утро его не вывели из комнаты, спустили с лестницы и отправили в тюрьму.

Трусливая капитуляция социал-демократических вождей в значительной мере укрепила уверенность правительства в победе. Большая часть этих людей пыталась даже в день 12 февраля достичь успеха в переговорах с правительством или же с политиками, стоявшими близко к нему. Другие сидели в своих бюро, как будто бы ничего не случилось, и дали себя арестовать, не оказав сопротивления. Некоторые так умело прятались, что не только полиция, но и рабочие не могли их разыскать. В провинции отмечались неоднократные случаи перехода на сторону врага. Уже в понедельник социал-демократи-

ческое «боевое руководство» считало борьбу проигранной. В воспоминаниях Юлиус Дейч рассказывает, как он ночью вместе с Отто Бауэром наблюдал с возвышенности положение в Вене. «До нас доносился треск ружей и пулеметов, — писал он. — В то же время мы видели освещенный Южный вокзал, слышали пыхтение подъезжавших и отъезжавших локомотивов. Нам стало ясно без слов: героизм шуцбундовцев был напрасен»¹. Центральное руководство, которое и так никем не руководило, объявило о своем роспуске и оставило сражавшихся рабочих на произвол судьбы. На рассвете члепы этого руководства пробрались незамеченными мимо полицейских и воинских постов, окружавших Ахорн-хоф. Во вторник, во второй половине дня, Отто Бауэр с помощью чехословацкого посланника д-ра З. Фирлингера и двух журналистов из Судетской области был доставлен в Чехословакию. Юлиус Дейч безуспешно пытался установить связь со сражающимися шуцбундовскими отрядами. Во вторник он покинул Вену и также направился в Чехословакию.

Вечером 13 февраля, несмотря на успехи, правительство было еще далеко не в состоянии подавить выступление рабочих во всей Австрии. Поэтому оно мобилизовало все резервы. Союз промышленников обратился к своим членам с призывом поддержать правительство и принять все меры для продолжения работы предприятий. Статс-секретарь министерства обороны генерал-полковник князь Шёнбург-Хартенштейн обратился к офицерам, вышедшим на пенсию, и солдатам старой австро-венгерской армии с призывом бороться против «красного большевизма» и «банд бессовестных преступников». Явно рассчитывая угодить нацистам, он призывал защищать «древнюю германскую страну от нападения преступной банды». Около 2000 бывших офицеров последовали этому призыву. Позиции правительства значительно укрепило предательство командира шуцбунда венского округа «Запад» Эдуарда Корбеля. Он отказался выдать своим шуцбундовцам оружие и во вторник вечером заявил представителям службы безопасности о «безоговорочной сдаче его округа». Свой шаг Корбель обосновал тем, что он является членом масонской пацифистской организации «Розен-крюйцер» и тем самым противником кровопролития. Удивительно, что социал-демократическое руководство в тече-

---

¹ Julius Deutsch, Ein weiter Weg, S. 215.

ние длительного времени терпело такого шущбундовского командира, тем более что он еще ранее был заподозрен в махинациях с денежными суммами. Но, как известно, любят предательство, но не предателей. Корбель не получил ожидаемой награды от правительства. Более того, в ходе процесса против шущбундовцев он был осужден вместе с ними.

В среду, выступая в 11 час. вечера по радио, Дольфус обещал пощаду всем, кто сложит оружие. Правительство использовало против сражавшихся рабочих самолеты в Зиммеринге, Штадлау и возле Гёте-хофа. В четверг шущбундовцы оставили возвышенность Лаэрберг. Последние выстрелы прозвучали в субботу 17 февраля, когда один из хеймверовских патрулей был обстрелян из Рейман-хофа и открыл ответный огонь. Но и в этом случае стрелявшие рабочие не были найдены.

19 февраля снова открылись школы, 20-го состоялись государственные похороны военных, погибших во время боев. Правительство объявило, что было убито 118 военнослужащих (из них 55 в Вене) и ранено 486 (из них 302 в столице). Что касается потерь среди гражданского населения, то правительство привело значительно преуменьшенные цифры — 196 убитых (из них 127 в Вене) и 319 раненых (из них 158 в столице). В судебные органы, осуществлявшие террор, было передано 2400 дел.

* * *

После окончания февральских боев в Австрии не стало легального социалистического рабочего движения (коммунистическая партия была запрещена еще в 1933 г.). Фашизм торжествовал победу над организацией, которая в течение многих лет считала, что она находится накануне прихода к власти, имела опору в виде «Красной Вены» и, казалось, подавала пример победы социализма с помощью избирательного бюллетеня. Во всем мире друзья и враги задавали вопрос, как стало возможным, чтобы такая сильная организация потерпела столь ужасное поражение, несмотря на героизм десятков тысяч людей. И в наши дни этот вопрос имеет не только исторический, но и весьма жгучий, актуальный интерес. Но на него нельзя дать ответ, анализируя лишь ход борьбы в февральские дни 1934 г. Эти события можно понять лишь на основе изучения истории Первой Австрийской республики.

Предыстория

Февральскую трагедию можно понять лишь в ее взаимосвязи с основанием Первой Австрийской республики и ходом ее развития. Австрийская драма, как выразился один социал-демократический публицист, началась в 1918 г. Конечно, дело не в том, что памятный 1918 г. не имел будто бы своих причин, а в период между 1918 и 1934 гг. якобы не было реальной возможности изменить ход развития событий. Возникновение Первой республики в 1918 г. явилось узловым пунктом, с которого начался процесс, определяющий судьбу австрийского рабочего класса.

Влияние Октябрьской революции

Первая Австрийская республика возникла в период ноябрьской революции 1918 г., которая явилась звеном в цепи мирового революционного процесса, начало которому положила Октябрьская революция 1917 г. Этот процесс продолжается и поныне. Империалистическая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция явились выражением всеобщего кризиса капитализма. Октябрьская революция была первой победоносной социалистической революцией, открывшей новую эпоху всемирной истории — эпоху крушения капитализма, победного шествия социализма и коммунизма во всем мире. Действия и лозунги молодой советской власти нашли отклик во всем мире, пробудили новые революционные силы. Октябрьская социалистическая революция показала, что свержение буржуазии и установ-

ление господства пролетариата перешли из теории в область практики. Устранив крупное землевладение и дав землю крестьянам, советская власть показала путь превращения в жизнь чаяний крестьянских масс в условиях революционного союза рабочих и крестьян. Неограниченное осуществление права наций на самоопределение вплоть до отделения, ликвидация национального угнетения и полное равенство всех народов стали примером повсюду, где угнетенные нации боролись за свою свободу.

Особенно сильное революционизирующее воздействие оказывала мирная политика, проводимая советской властью. Ленинское предложение о мире, направленное «всем, всем, всем», указало измученному, голодному, уставшему от войны человечеству конкретный путь к миру без аннексий и контрибуций.

Все это потрясло самую основу мировой империалистической системы. Во всем мире поднялась волна массовых забастовок, демонстраций, революционных выступлений. В Австро-Венгрии Октябрьская революция получила особенно широкий отклик. Именно в этой стране экономика была полностью истощена, нужда населения стала невыносимой, стремление к миру сделалось особенно сильным, а национальные противоречия потрясали всю государственную систему.

Ноябрьская революция в Австрии была не просто следствием всеобщего кризиса капитализма и воздействия Октябрьской революции в России, она имела свои собственные, внутренние причины. Эта революция произошла в силу объективных закономерностей общественного развития Австрии, в силу экономических, социальных и политических противоречий, необычайно обострившихся во время войны.

Социальные и политические отношения в Австро-Венгрии еще до мировой войны характеризовались обострением непримиримого противоречия между классовым господством финансовой олигархии, действовавшей в союзе с крупными землевладельцами, дворянами и феодальными милитаристами, и интересами народа. В Австро-Венгрии господствовал реакционный политический строй, хотя феодальное господство и национальное угнетение не были столь сильными, как в соседней царской России. При этом австрийский рабочий класс сумел благодаря своей организованности и использованию воздействия первой

русской революции 1905 г. завоевать некоторые гражданские и политические права. Тем не менее в Австро-Венгрии не было ни буржуазной демократии, ни равноправия наций. Тесная связь с прусским юнкерством, господствовавшим в Германии, постоянно усиливала в Австро-Венгрии реакционные тенденции и склонность к агрессии.

Упущенная возможность социалистической революции

Своеобразие австрийской революции 1918 г. определялось тремя обстоятельствами: военным крушением монархии, национально-освободительным движением ее народов и подъемом пролетарского массового движения.

После военного крушения монархии и ноябрьской революции перед Австрией непосредственно встал вопрос, от решения которого зависела ее судьба, — пойдет ли дальнейший ход развития по капиталистическому или же социалистическому пути? Конечно, условия для продолжения революции в социалистическом направлении были в Австрии иными, чем в России. Но это не означало, что они были менее благоприятными, чем там. Особенно благоприятное воздействие могло оказать то, что в Австрии произошло крушение власти буржуазии, которая после этого не имела аппарата насилия и, тем более, не оказывала морального влияния на массы. Конечно, имелись также объективные негативные причины, противодействовавшие пролетарской революции. Однако в мировой истории никогда не было революции, которая совершилась бы только при благоприятных условиях. И опыт говорит, что такая революция произойдет не скоро. Октябрьская революция в России также сталкивалась с рядом трудностей и опасностей, в результате чего многие сомневались в возможности ее успеха.

Марксизм и оппортунизм¹

Ситуация 1918 г. не была использована для того, чтобы направить Австрию по пути к социализму. Главной причиной было отсутствие сильной, целеустремленной,

---

¹ Оппортунизм в рабочем движении — это беспринципная политика классового сотрудничества с буржуазией. — *Прим. автора.*

революционной организации, которая могла повести пролетариат к этой цели, т. е. отсутствие твердой, опытной марксистско-ленинской боевой партии. Социал-демократическая рабочая партия Австрии¹, за которой следовало подавляющее большинство рабочего класса, уже не была такой партией. Она была создана в канун 1889 г. на партийном съезде в Хайнфельде под руководством Виктора Адлера, друга и ученика Фридриха Энгельса — одного из основателей научного социализма. Партия выработала революционную марксистскую программу, под ее руководством австрийское рабочее движение одержало ряд значительных успехов. Но по мере перехода капитализма в империалистическую стадию к началу XX столетия социал-демократическая партия все больше теряла свой революционный характер и начала проводить оппортунистическую политику примирения классов. Пропагандируя мирное вращение в социализм, партия делала все, чтобы воспрепятствовать возникновению революционного социалистического сознания в массах. Благодаря своей четкой организации она подчиняла революционную волю к борьбе самых прогрессивных слоев рабочего класса оппортунистической политике правых вождей.

Отход от интернационализма

Роковым последствием такой политики был отход от пролетарского интернационализма и усиление национализма в австрийском рабочем движении. Еще до начала первой мировой войны это привело к расколу партии и профсоюзов по национальному признаку. Вину за это несут не только националистические сепаратистские элементы в славянском, особенно в чешском, рабочем движении. В той же, а может быть, и большей мере в этом виновато непонимание, проявленное социал-демократами, говорящими на немецком языке, в отношении националь-

---

¹ Эта партия имела следующие названия: Социал-демократическая рабочая партия Австрии, затем Немецкая социал-демократическая рабочая партия в Австрии, с 1919 г. — Социал-демократическая рабочая партия Немецкой Австрии, потом Социал-демократическая рабочая партия Австрии (до 1934 г.), которая была предшественницей нынешней Социалистической партии Австрии. — *Прим. автора.*

ного освободительного движения. За их интернационалистическими словами нередко скрывалась великогерманская политика. Руководство этой части социал-демократии продемонстрировало, что оно заинтересовано в укреплении господствующих позиций австрийцев, говорящих на немецком языке, в противовес другим нациям, населявшим Австро-Венгерскую монархию. Это давало материальные выгоды значительному слою квалифицированных рабочих, мастеров и старших рабочих, которые получали различные льготы уже за одно знание немецкого языка. Дело зашло настолько далеко, что социал-демократы различных наций конкурировали в отдельных избирательных округах друг с другом, а в рейхсрате¹ депутаты социал-демократы голосовали совместно с представителями своей национальной буржуазии друг против друга. В то время как большевистская партия под руководством Ленина, выдвинув лозунг «самоопределения наций», сумела обеспечить интернациональное единство своих рядов, австрийская социал-демократия стремилась в первую очередь сохранить Габсбургскую монархию и смирилась с распадом на отдельные национальные партии. Теоретик австрийской социал-демократической партии Отто Бауэр дал этому теоретическое обоснование, утверждая, будто вследствие различных национальных свойств характера «раскол партии на национальные группы является свойственным ей организационным принципом».

Социал-демократия в годы первой мировой войны

Отход австрийской социал-демократии от революционной политики достиг своего апогея в начале первой мировой войны. Руководство партии не только не организовало какой-либо акции против войны, но и полностью встало на сторону господствующих классов, поддерживая империалистическую войну как оборонительную борьбу немецкой нации против царизма.

Отто Бауэр, который в то время не нес еще непосредственной ответственности за политику партийного руко-

---

¹ Парламентское представительство во времена Австро-Венгерской монархии. — *Прим. автора.*

водства, позднее в своем анализе австрийской революции констатировал ¹: «Она [партия.— *Перев.*] без всяких оговорок встала на сторону центральных держав. Без всяких оговорок она предоставила все свое влияние на массы в распоряжение военного командования» ².

Вожди социал-демократических профсоюзов также оказывали практическую помощь военному руководству. В воззвании профсоюзной комиссии в начале войны рекомендовалось точно соблюдать законодательные положения, причем «организация и развертывание» борьбы за повышение заработной платы должны были «по возможности не проводиться». Еще в ноябре 1916 г. профсоюзные вожди хвалились тем, что они «подчеркивали в течение всего тяжелого периода войны необходимость более высокой производительности труда». Такое поведение представляло собой качественно новую ступень отхода от революционного марксизма и пролетарской классовой борьбы, что Ленин справедливо называл предательством.

Имеется немало голосов, которые не согласны с таким определением, полагая, что предательству присуще субъективное намерение его осуществить. Но в политике, как говорил В. И. Ленин, речь идет не о субъективных желаниях, а об объективных последствиях. И если рабочая партия на практике делает противоположное тому, что она публично восхваляет, и при этом еще продолжает на словах придерживаться старых принципов, причем эта политика противоречит классовым интересам пролетариата и идет на пользу буржуазии, то объективно это и есть предательство.

К счастью для руководства австрийской социал-демократии, оно не было вынуждено публично голосовать за военные кредиты, как это было с братской партией в Германии 4 августа 1914 г. Из-за слабости своей парламентской базы австрийское правительство не решилось собрать рейхсрат, а правило без участия парламента на

---

¹ Приводя довольно много цитат из социал-демократических источников и материалов, мы делаем это не потому, что не имеем в распоряжении других. Напротив, мы считаем, что это саморазоблачение самым эффективным образом показывает вред социал-демократической политики. — *Прим. автора.*

² Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 г., М., 1925, стр. 52.

основе § 14 закона о чрезвычайном положении. Но позиция социал-демократического руководства была разоблачена благодаря пресловутой передовой статье под заголовком: «День немецкой нации», опубликованной в центральном органе партии — газете «Арбайтер цайтунг». В этой статье голосование немецких социал-демократов за военные кредиты восхвалялось следующими восторженными фразами: «Этот день 4 августа мы не забудем. Каким бы ни был непреклонный жребий, всеми помыслами нашей души мы надеемся, что он будет означать победу святого дела немецкого народа. Картина, которую сегодня представлял собой немецкий рейхстаг, воплощавший нацию... войдет в историю как день самого гордого и мощного подъема немецкого духа... поскольку немецкое отечество в опасности и национальная независимость народа под угрозой, социал-демократия выступает в первых рядах на защиту родины, причем «субъекты, лишенные отечества», «красные крысы», как их однажды поносил кайзер, отдают государству все, чем располагают трудящиеся массы».

Австрийская социал-демократия также отдавала кайзеру и господствующим империалистическим кругам все, что имели трудящиеся. Даже престарелого вождя социал-демократической партии Виктора Адлера захлестнула волна этого ура-патриотизма. Он заявил, что в этом случае социал-демократам тоже нужно было бы голосовать за военные кредиты.

Правые социал-демократические руководители оправдывались позднее тем, как писал, например, главный редактор «Арбайтер цайтунг» Фридрих Аустерлиц, что они будто бы выражали то, «что было убеждением, более или менее сознательной волей масс».

Великий вождь международного рабочего движения В. И. Ленин еще во время войны указывал, что «правительство (и буржуазия) будет *обманывать* «народ, население, толпу», сваливая вину на «злокозненность» другой страны... совместима ли с международностью и с социализмом поддержка такого обмана... позволительно ли социалистам участвовать в обмане «народа» буржуазией»¹.

Насколько прав был В. И. Ленин, подтверждают многие заявления самих социал-демократических вождей

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 26, стр. 183.

и историков. Приведем лишь два из них. Юлиус Дейч, например, признавал в книге «История немецко-австрийского рабочего движения» (издание 1922 г.), что большинство партии «не было, конечно, согласно» с милитаристским воодушевлением партийного руководства. Людвиг Брюгель в книге «История австрийской социал-демократии» писал, что эта политика воспринималась «с апатией».

Ответ рабочих

В Австрии трудящиеся массы не могли выражать своего мнения. Безграничный абсолютизм военного руководства подавлял всякую критику в отношении политики господствующих классов и тем самым критику «патриотической политики» руководства социал-демократии. Оппозиционные элементы, если их не сажали в тюрьмы, призывались в армию и направлялись на фронт. Внутри самой социал-демократической партии возможности для дискуссий были в решающей мере ограничены, практически исключены. Единственной формой, с помощью которой недовольные элементы могли выразить свой протест, был выход из партии или из профсоюза. Численность социал-демократической партии, составлявшая 120 000 человек до начала войны, в 1916 г. упала до 40 тыс., а число членов профсоюза — с 2 160 000 (1913—1914 гг.) — до 696 тыс. (1916—1917 гг.). Такой процесс можно было объяснить не только мобилизацией мужчин на фронт, а скорее проявлением своего рода протеста рабочих. Это подтверждается и тем, что даже число женщин — членов профсоюза, несмотря на значительный рост женского труда, сократилось почти наполовину. Хотя социал-демократические партийные и профсоюзные вожди перешли в лагерь буржуазии, классовая борьба рабочих против эксплуатации и угнетения не прекращалась. Существовавшая цензура не пропускала какой-либо информации по этому вопросу¹.

Уже через две недели после начала войны появились первые сообщения о беспорядках на предприятиях. Так,

---

¹ Только в опубликованном сборнике материалов (Rudolf Neck, «Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg 1914 bis 1918, Wien, 1964) подробно документируется волна демонстраций и антигосударственных выступлений в этот период.

рабочие оружейного завода в Штейре не согласились отказать от оплаты за сверхурочные, после чего дирекция потребовала вмешательства военных властей. С этого момента не прекращались боевые выступления рабочего класса против милитаризации предприятий, низкой оплаты труда, недостаточного питания и, конечно, против гибели людей на фронтах. Нелегальная разъяснительная работа могла проводиться лишь отдельными небольшими группами, действовавшими независимо друг от друга. В то время не было прочной организации социалистов — противников войны.

В течение долгого времени в Австрии не было такой оппозиции, как в Германии. Там под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург сразу же после начала войны организованная оппозиция выступила против империалистической бойни и социал-шовинизма, против вождей — социалистов на словах, шовинистов на деле. Лишь в Райхенберге (Богемия) с 1910 г. действовала левая организация под руководством Карла Крейбиха, ставшего позднее одним из основателей Коммунистической партии Чехословакии. Эта организация, работая нелегально, сразу же выступила против войны. Оппозиционную линию занял Союз имени Карла Маркса, работавший в Вене под руководством Фридриха Адлера (сына Виктора Адлера). Но Фридрих Адлер не был последовательным революционером, который мог бы возглавить движение масс против войны. Его протест выражался в различных индивидуальных действиях. В августе 1914 г. он в знак протеста отказался от своих постов в социал-демократической партии. 21 октября 1916 г. Ф. Адлер застрелил австрийского премьер-министра графа Штюргка как представителя абсолютизма, сторонника войны. Фридрих Адлер охарактеризовал свой поступок как демонстрацию против социал-патриотической политики руководства социал-демократической партии, против политики своего отца. Это было смелым действием одиночки, но В. И. Ленин писал по этому поводу: «Адлер принес бы гораздо больше пользы революционному движению, если бы, не боясь раскола, систематически переходил к нелегальной пропаганде и агитации»¹. Все же поступок Фридриха Адлера и особенно его мужественная речь на

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 313.

Полиция и солдаты конвоируют безоружных шуцбундовцев.

Расстрел карательным отрядом шуцбундовцев в Хольцлейтене (Верхняя Австрия)

Энгельберт Дольфус рассматривает в бинокль результаты бомбардировки домов рабочих, совершенной по его приказу.

Квартира рабочего в Доме Гёте после обстрела.

суде содействовали раскрытию истинной роли руководства социал-демократии.

Тем не менее благодаря демагогии социал-демократическим вождям удалось использовать симпатии, которые Фридрих Адлер завоевал своей речью среди уставших от войны масс, для создания своего рода революционного нимба вокруг партии. Хотя социал-демократическая партия заявила, что покушение было поступком ненормального человека, этот акт использовался позднее в качестве рекламы для партии, для создания легенды о революционных традициях австромарксистской политики. Помирившись после окончания войны с партийным руководством, Фридрих Адлер сам в значительной мере содействовал возникновению и распространению этой легенды.

Назревание революции в Австрии

Чем больше длилась война, ухудшалось положение трудящихся и чем яснее становилась неизбежность краха Австро-Венгерской монархии, тем больше с конца 1916 г. усиливаются настроения отрезвления, стремление к миру. Свержение царизма в ходе Февральской революции 1917 г. в России и в первую очередь победоносная Октябрьская социалистическая революция усиливали брожение среди народов Австро-Венгрии. Под давлением настроений в пользу мира социал-демократическое руководство, не порывая связи с австрийским правительством, стало говорить пацифистским, оппозиционным языком. Оно приветствовало даже победу пролетарской революции в России как «начало новой эпохи в освободительной борьбе международного пролетариата». Но теперь руководство партии еще больше стремилось к тому, чтобы не дать австрийским рабочим последовать русскому примеру. Для этого в ход шли любые аргументы. Постоянно повторялось, что «Австрия — это не Россия». «Пролетарии Центральных держав должны вести борьбу в соответствии с условиями, в которых они находятся», — заявил 11 ноября 1917 г. Зейц. Эти прописные истины правые вожди социал-демократии трактовали таким образом, будто в Австрии, по их мнению, никогда не было условий для проведения последовательно революционной политики.

Но уже накануне 1918 г. кризис Австро-Венгерской монархии перешел в острую революционную ситуацию. Она нашла свое наглядное выражение в грандиозной январской стачке 1918 г. и последовавших за ней восстаниях в армии и флоте, а также в выступлениях против монархии народов, подвергавшихся национальному угнетению.

Январская стачка 1918 г.

Когда на мирных переговорах в Брест-Литовске германские и австрийские империалисты попытались навязать молодой советской власти тяжелые условия и тем самым поставили под вопрос заключение мирного договора, австрийские рабочие подняли против этого гневный голос протеста. Уже 13 января в Вене и во многих других городах Австрии прошли бурные собрания рабочих, протестовавших против позиции правительства в Брест-Литовске, против планов аннексий, вынашиваемых империалистами. Последней искрой, вызвавшей взрыв, было опубликованное в этот день распоряжение о сокращении и без того недостаточных норм выдачи муки. Как ответ на это 14 января 1918 г. в индустриальном районе Нейнкирхен — Винер-Нёйштадт стихийно началась забастовка, без согласия партийных и профсоюзных органов. Забастовка с необычайной быстротой охватила австрийскую промышленность и распространилась на Богемию и Венгрию. В ее ходе были созданы по русскому образцу первые в Австрии Советы рабочих. Как вынужден был признать Отто Бауэр, это придало «движению грандиозный революционный характер и пробудило в массах надежду на то, что забастовка приведет непосредственно к революции, к захвату власти и к заключению мира»¹.

Инициатива январской забастовки исходила от небольшой оппозиционной группы, образовавшейся из близких к Фридриху Адлеру левых элементов. Группа назвала себя «левые радикалы» и через Франца Коричонера и Анну Штрёмер установила связь с В. И. Лениным и руководимой им «Циммервальдской левой», пропагандировала их идеи в Австрии. Леворадикалы завоевали влияние на предприятиях Винер-Нёйштадта и его окрестностей, аги-

---

¹ Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 года, стр. 62.

тировали за всеобщую забастовку и в некоторых местах руководили январской стачкой.

Но они не могли взять на себя общее руководство движением масс, поскольку в большинстве случаев это были молодые функционеры партии, известные лишь в своем узком кругу, в основном представители молодежи, студентов и интеллигенции. Кроме того, в ходе выступлений рабочие еще не осознали, что они должны бороться против политики правления социал-демократической партии. Поэтому опытным деятелям социал-демократии и профсоюзов без большого труда удалось взять в свои руки руководство забастовкой. Но для них революционная перспектива была совершенно нежелательной. Напротив, все их стремления были направлены на то, чтобы в сотрудничестве с властями придать забастовке возможно более мирный характер и как можно скорее ее закончить. Их первой заботой было, как говорилось в изданной ими в 1918 г. брошюре «За мир, свободу и права», «овладеть движением, руководить им и защищать его от кривотолков и заблуждений».

Под «заблуждением» руководство социал-демократии понимало усиление размаха борьбы вплоть до революции, которую оно хотело любой ценой избежать. Позднее Отто Бауэр признавал: «Превращения ее [забастовки. — *Перев.*] в революцию мы желать не могли. Поэтому мы должны были позаботиться, чтобы забастовка окончилась...»¹

В борьбе против продолжения забастовки социал-демократическая пропаганда использовала главным образом три аргумента:

1. Пролетариат находится в одиночестве, крестьяне представляют собой контрреволюционную силу.

2. Правительство подавит борьбу с помощью армии.

3. В наихудшем для правительства случае оно призывает германские войска аннексировать Австрию.

Все эти аргументы были опровергнуты историей. Как позднее признал Отто Бауэр, крестьяне в Австрии как никогда раньше были революционно настроены. Что же касается армии, то последующие восстания солдат показали, что войска уже тогда не были надежными. «Борьба рабочего класса за мир встретила сочувствие среди

---

¹ Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 года, стр. 63.

утомленных войной голодающих солдат»¹, — писал Отто Бауэр.

Юлиус Дейч, работавший тогда в военном министерстве, в воспоминаниях признал, что «военная ситуация в Вене была довольно неблагоприятной для правительства». В его распоряжении в столице сперва было не более 3000 боеспособных солдат. Даже в офицерском корпусе из-за национальных противоречий создалось крайне напряженное положение. Наконец, революционный переворот в Австрии не мог сделать ее легкой добычей империалистической Германии, так как сразу же после январской забастовки в Австрии там также разразилась по аналогичным причинам мощная всеобщая стачка. Контрреволюционная, монархическая Германия вряд ли могла тогда выстоять, находясь между революционной Россией и революционной Австрией.

Руководство социал-демократической партии, взяв ход забастовки под свой контроль, воспользовалось первой же удобной возможностью, чтобы задуть это грандиозное движение, ссылаясь на обещания властей осуществить незначительные реформы.

Правительство заверило, что оно не допустит срыва переговоров о мире из-за территориальных вопросов, не будет стремиться к расширению своей территории за счет России и безоговорочно признает право Польши на самоопределение. Кроме того, правительство обещало изменить закон о милитаризации предприятий, осуществить реформу продовольственного снабжения, а также демократизировать систему муниципальных выборов.

На большой конференции доверенных лиц, которая должна была решить вопрос о продолжении забастовки, выступил Карл Зейц. Характерно, что он пытался убедить прекратить забастовку, выразив надежду на развертывание борьбы в будущем, «Я прошу вас, — сказал Зейц, — исходя из этого, считать ответ правительства удовлетворительным. А потом мы встанем с «ружьем к ноге» и проследим за тем, не будет ли отклонений от пути, который мы считаем правильным. Мы будем исполнены решимости в любой момент снова применить самые эффективные средства защиты, если кто-нибудь отважится предпринять что-то, угрожающее миру!»

---

¹ Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 года, стр. 64.

Лозунг «стоять с ружьем к ноге» стал с того времени вплоть до 12 февраля 1934 г. лейтмотивом деятельности австрийской социал-демократии — до тех пор, пока ее не постиг печальный конец. Эта политика была характерной для так называемого «австромарксизма», который, как казалось, стоял где-то между реформизмом и большевизмом. На деле же «австромарксизм» был лишь на словах радикальным и революционным, его политика являлась оппортунистической и реформистской. Истинная сущность политики «австромарксизма» была замаскирована радикальными или революционными фразами.

Теории и лозунги, звучащие на первый взгляд по-революционному, по-марксистски, сочетались с оппортунистической практикой. Австромарксисты на словах признавали революционную классовую борьбу, но в каждом конкретном случае отвергали ее — как слишком опасную, чреватую большими жертвами.

Эту игру с радикальными, «на 90 процентов большевистскими» фразами облегчало то, что левее социал-демократической партии не было сильной компартии, которая могла бы заставить социал-демократов подтвердить слова делами. Широкое использование социал-демократами левых фраз способствовало тому, что компартия вплоть до февраля 1934 г. оставалась немногочисленной.

Поэтому в период январской забастовки фраза насчет «ружья к ноге» и угроза снова применить самые эффективные средства защиты лишь маскировали факт трусливой капитуляции. «На деле господствующие классы не выполнили ни одного из четырех предъявленных им требований», — признавал после второй мировой войны социал-демократический историк Жак Ханнак¹.

Австромарксистская политика социал-демократического руководства была направлена не на подготовку австрийской революции, а на сохранение Габсбургской монархии, причем социал-демократические историки сожалеют о том, что «большие усилия для оздоровления и спасения Габсбургской монархии, которые предприняли теоретики «австромарксизма», не были оценены и игнорировались»².

---

¹ J. Hannak, *Im Sturm eines Jahrhunderts*, Wien, 1952, S. 231.

² Norbert Leser, *Zwischen Reformismus und Bolschewismus*, Wien, 1961, S. 289.

Задушив январскую забастовку, правление социал-демократической партии устранило единственную возможность путем совместных действий рабочих всех национальностей Габсбургской монархии вывести Австрию из империалистической войны и добиться осуществления назревших демократических и социальных преобразований. Несмотря на это, январская забастовка стала прологом грядущей революции в Австрии. В. И. Ленин, с глубоким вниманием следивший за развитием революционного движения во всем мире, приветствовал 24 января 1918 г. это выступление масс. «...мы наблюдали на этих днях,— писал он,— героическую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя, — оно непобедимо»¹.

Январская стачка потерпела поражение не столько из-за недостаточной зрелости объективных условий, сколько в первую очередь из-за отсутствия революционного руководства. В России же такое руководство во главе с Лениным сложилось после 1903 г. в большевистской партии, которая своевременно осуществила организационный разрыв с оппортунистическими элементами.

Немногие оппозиционные группы леворадикалов, образовавшиеся без участия Фридриха Адлера, не могли заменить собой революционную партию. После прекращения январской забастовки они сделали свои выводы в листовке, озаглавленной «Преданы и проданы». «Нам нечего больше ждать от нынешних «представителей рабочих»! — говорилось в ней. — Сомкнемся же в боевые группы... создадим новую организацию для борьбы и освобождения»².

Справедливо опасаясь возникновения новой революционной партии, которая могла бы оказать успешное сопротивление политике сотрудничества руководства социал-демократов с правительством, власти приняли энергичные меры, арестовывая наиболее активных леворадикалов или же отправляли их на фронт. Тем самым они надеялись парализовать это движение до окончания войны. Запланированное на 1-мая 1918 г. основание газеты леворадикалов «Векруф» пришлось отложить.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 279.

² Rudolf Neck, Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg 1914 bis 1918, 2. Band, S. 396.

Непосредственно за январской забастовкой начались восстания солдат, что свидетельствовало о глубоком брожении в армии. В Юденбурге и Фюнфкирхене восстали словенские и сербские войсковые части, в Румбурге — чешские, в Будапеште — венгерские. 22 января забастовали рабочие арсенала военной гавани Пола, причем матросы судов, находившихся на рейде, объявили о своей солидарности с бастующими. 29 января снова забастовали рабочие Моравской Остравы.

Восстание матросов в Которе (Катарро)

1 февраля 1918 г. вспыхнуло самое большое восстание в вооруженных силах — восстание матросов в бухте Котор, в котором участвовало 6000 человек с 40 кораблей. Они вывесили красные флаги и потребовали немедленного заключения мира. Вопреки попыткам некоторых историков представить восстание националистическим движением, самые новые исследования достоверно доказывают социалистический, пролетарский характер этого выступления, хотя, конечно, свою роль сыграл также протест против национального угнетения и дискриминации матросов со стороны большинства офицеров, говоривших по-немецки. «В матросском Совете было воплощено единство австро-венгерской революции, единство национального освобождения народов и их социального освобождения. Революционные матросы из Котора имели в виду всеобщую австро-венгерскую революцию, которая, подобно русской, должна была быть национальной и социалистической»¹.

Требования восставших содержали наряду с конкретными, повседневными требованиями в первую очередь призыв к немедленному заключению мира. В программе требований «Чего мы хотим», разработанной матросским Советом, говорилось: «1. Мероприятия для осуществления немедленного всеобщего мира. 2. Полная политическая независимость от других держав [имелась в виду Германия. — А. Р.]. 3. Мир на основе русского демократического предложения, «без аннексий и т. д.»... 4. Полное

---

¹ «Weg und Ziel», 1962, Juni, S. 522—523.

разоружение (демобилизация) и создание добровольной милиции. 5. Право народов на самоопределение... 8. Демократизация правительства». Вольнонаемные рабочие также поставили на первое место требование о заключении всеобщего мира.

Матросы направили две телеграммы, которые не достигли адресатов, одну — руководителю австрийской социал-демократии В. Адлеру, другую — венгерскому либеральному политику Михаилу Карольи. В последней телеграмме подчеркивалось требование немедленно заключить мир без аннексий, «на социалистической основе». Только потому, что властям удалось полностью замолчать сам факт восстания, к нему не присоединились широкие круги населения. Матросы остались в одиночестве, их выступление было подавлено, а руководители — казнены.

Ослабление организации леворадикалов вследствие принятых правительством мер помогло лидерам социал-демократической партии осуществить руководство большой забастовкой в Вене в июле 1918 г., в которой участвовало около 100 000 рабочих. Снова были избраны рабочие Советы. Но руководители партии заявили, что расширение забастовки не способствует успеху переговоров с предпринимателями. Реннер заверил премьер-министра, что это движение не имеет политического характера. Так была предотвращена назревавшая новая всеобщая стачка.

Крушение Австро-Венгерской монархии

Заняв пацифистскую линию, руководство социал-демократической партии смогло приглушить недовольство масс его военной политикой. При этом лидеры социал-демократии до последнего момента противились распаду монархии. Большинство видных социал-демократов все еще придерживалось идеи «австрийского рейха» и вынашивало различные планы демократического преобразования монархии. Лишь тогда, когда эти планы лопнули как мыльный пузырь из-за военного крушения Австро-Венгрии, социал-демократическая партия под руководством Отто Бауэра поддержала смену Дунайского рейха самостоятельными национальными государствами. Позднее

руководство социал-демократии демагогически ставило себе в заслугу «свержение монархии и основание демократической республики», как об этом говорилось в разработанной Отто Бауэром Линцской программе партии 1926 г.

В действительности австрийская революция была следствием национальных и социальных боев, причем австрийская социал-демократия не только не руководила этими выступлениями, а лишь тормозила их. Успех выступлений был облегчен благодаря военному поражению монархии. Можно согласиться с утверждением, что «Габсбургская монархия погибла не только вследствие имевшихся национальных противоречий, но также из-за социальных противоречий, причем тесная связь национальной проблематики с социальным кризисом представляла собой сильный катализатор процесса распада Австро-Венгрии»¹. Однако отсутствие революционной партии, вооруженной теорией научного социализма, привело к тому, что при крушении Габсбургской монархии не оказалось силы, которая была бы в состоянии связать национальные освободительные движения с пролетарской социалистической революцией — по примеру Октябрьской социалистической революции 1917 г. Причем в начале 1918 г. это еще было возможно.

Такой путь был намечен в воззвании, которое В. И. Ленин вместе с Я. М. Свердловым направил трудящимся Австро-Венгрии. 3 ноября 1918 г. этот документ был напечатан в «Правде». В нем, в частности, говорилось: «Мы глубоко убеждены: когда немецкие, чешские, кроатские, венгерские, словенские рабочие, солдаты и крестьяне возьмут власть в свои руки и довершат дело всего национального освобождения, они заключат братский союз свободных народов и объединенными силами победят капиталистов... Не в союзе своей национальной буржуазии, а в союзе пролетариев всех наций, живущих в Австрии, — залог победы. Чтобы победа эта была окончательной, должны объединиться рабочие всех стран для совместной борьбы против мирового капитала... Мы призываем вас объединиться с русскими рабочими, солдатами и крестьянами.

---

¹ Rudolf Neck, *Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg 1914 bis 1918*, 2 Band, S. IX.

К нашему союзу примкнут рабочие всех стран, и совместными усилиями мы закрепим победу трудящихся масс над обогренным кровью бедняков капиталом... Вы вступили на путь революции, идите по этому пути смело вперед к победе.

Да здравствует свобода народов Австрии: венгров, чехов, словен, русинов!

Да здравствуют Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов в Австро-Венгрии!

Да здравствует их союз между собой и Советами России за объединенную борьбу!»¹.

Однако из-за отсутствия революционной партии этот союз не был создан. Наследниками Габсбургской монархии стали национальные государства, в которых власть взяла буржуазия. Но в той части Австрии, где господствующим был немецкий язык, после выхода остальных наций 12 ноября 1918 г. была провозглашена республика, причем фактическая власть находилась тогда в руках рабочего класса.

*Руководство социал-демократической
партии спасает буржуазию*

Перед Австрией стоял вопрос, от решения которого зависела ее судьба: начнет ли она развиваться на капиталистической или же социалистической основе. Решение этого вопроса зависело в первую очередь от социал-демократических партийных руководителей, за которыми по-прежнему шло подавляющее большинство австрийских рабочих. В Австрии не было тогда силы, которая могла бы с шансами на успех противостоять активной воле рабочего класса. Господствующее положение занимал численно сильный промышленный пролетариат, который в течение десятков лет прошел школу профсоюзной и политической борьбы и располагал мощными организациями, быстро восстановившими потери, понесенные во время первой мировой войны.

Господствовавшие при монархии классы, дворянство и буржуазия, были не только в решающей мере ослаблены, как это было в Германии, но и полностью лишены

---

¹ Декреты Советской власти, т. III, 11 июля — 9 ноября 1918г., М., 1964, стр. 505—506.

власти. Они потеряли всякое доверие трудовых средних слоев города и деревни, которые одинаково тяжело пострадали от войны и заплатили ей ужасную дань своей кровью. Государственный аппарат частично распался, частично был парализован. Юлиус Дейч писал об этом, называя власть рабочего класса «хаосом», следующее: «Нигде не было видно власти, которая могла бы положить конец разразившемуся хаосу». То, что понятие «хаос» не было случайным заскоком Юлиуса Дейча, подтверждается аналогичной позицией Отто Бауэра. Он невольно разоблачил сущность социал-демократической правительственной политики, охарактеризовав в книге «Австрийская революция 1918 года» следующим образом ее задачу: «Теперь надо было воспрепятствовать тому, чтобы вновь завоеванная свобода из-за огрубевших в результате четырехлетней войны масс не выродилась в разнузданное насилие...» Буржуазно-демократический ученый в области права профессор Ганс Кельзен, автор первой республиканской австрийской конституции, заметил по этому поводу с тонкой иронией: «Так говорил раньше о революции «буржуа», и так выглядит революция с правительственной скамьи — даже если на ней сидят революционеры»¹. К этому нечего добавить кроме того, что слово «революционеры» следовало бы также взять в кавычки.

Политическая свобода действий буржуазии была парализована влиянием Октябрьской социалистической революции в России. Даже социал-демократический историк Ж. Ханнак отметил этот факт, не удержавшись, впрочем, от обычных клеветнических выпадов в адрес Октябрьской революции. «Большевистская революция... — писал он, — дала австрийскому пролетариату — и за это мы ей благодарны — в первой фазе Австрийской республики ясное руководство. То было следствием психологического воздействия русской революции на имущие классы, которые, будучи запуганы демоническим размахом русской драмы, вначале почти безвольно следовали тому курсу, какой им предписывал рабочий класс»².

---

¹ Hans Kelsen, Marx oder Lassalle, в: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», 1925, № 11, S. 284.

² Jacques Hannak, Im Sturm eines Jahrhunderts, Wien, 1952, S. 260.

С необычайной быстротой повсеместно создавались рабочие и солдатские Советы, ставшие единственно реальной властью в стране. Ориентировавшийся на социалистическое развитие рабочий класс настаивал на том, чтобы полностью взять политическую власть и приступить к социальным преобразованиям. Однако социал-демократические вожди, верные своей предшествующей политике, не использовали этой возможности, а продолжали идти по пути классового сотрудничества с буржуазией. Главной причиной такой политики была широкая интеграция руководящих кадров социал-демократии в существующую систему. Поэтому эти люди фактически придерживались принципов капиталистической системы и не могли противопоставить буржуазным партиям какую-либо социалистическую альтернативу.

Лидеры социал-демократии с готовностью вошли вместе с представителями буржуазии во вновь сформированное австрийское правительство — Государственный совет. Карл Зейц стал первым председателем этого совета, Карл Реннер — государственным канцлером. Тем самым социал-демократия выполняла не пожелания рабочего класса, чьим первым требованием было взятие всей правительственной власти социал-демократами, а, как признал Реннер в речи в Государственном совете, — просьбу буржуазии. В 1928 г. Карл Зейц сообщил, что в 1918 г. буржуазия прямо обратилась к социал-демократии. «Социал-демократы должны, — умоляли они нас, — спасти то, что еще можно спасти», — писал Зейц¹. Социал-демократические вожди хотели даже, как признал еще в 1919 г. Фридрих Адлер, передать правительственную власть целиком буржуазии. «Мы придерживались мнения, — писал Ф. Адлер, — что при этих условиях нам не оставалось желать другого, как того, чтобы буржуазное правительство само несло ответственность. Но буржуазия в ноябре и позднее находилась в таком положении, что боялась власти и готова была охотно сделать все, чтобы только не брать на себя полностью ответственность в этом государстве. И когда мы давали им это понять, буржуазию охватывал панический страх»².

---

¹ «Der Kampf», 1928, Oktober, S. 518.

² Friedrich Adler, Rede auf der Reichskonferenz der Arbeiter- und Soldatenräte in Wien, Juli 1919.

Социалистическая теория определяет государство как инструмент господства имущих классов. Поэтому, чтобы сделать приемлемой свою политику для широких масс, социал-демократические вожди называли Австрию «народной республикой», которая будто бы возникла на основе «соглашения классов». Реннер прославлял эту республику как «коалицию буржуазии, крестьянства и рабочего класса, имеющую целью вывести нас из катастрофы». Отто Бауэр создал даже теорию «равновесия классовых сил», что будто бы делает необходимым формирование коалиционного правительства, которое он называл «совместным правительством рабочих и крестьян». На деле же, однако, поскольку экономическая власть буржуазии не была затронута, капиталистический строй и тем самым господство капитала остались практически неизменными.

Но не всех рабочих удовлетворило создание буржуазно-демократической республики. Весьма показателен инцидент, который произошел 12 ноября во время церемонии поднятия флага республики перед парламентом. Как сообщала 13 ноября «Винер цайтунг», едва красно-бело-красный флаг начал подниматься, как под ликование и аплодисменты зрителей белая средняя полоса была сорвана и на мачту взвилось красное знамя социализма.

По сообщению газеты «Нойе фрайе прессе», одновременно был поднят еще ряд красных флагов и стяг в несколько метров длиной с надписью: «Да здравствует социалистическая республика!», после чего последовали возгласы «ура!» в честь республики. Этот транспарант принесли рабочие Флоридсдорфа, которые отнюдь не были коммунистами.

Чтобы обосновать свой отказ провозгласить Австрию социалистической республикой, австрийская социал-демократия неоднократно приводила следующий аргумент: «Рабочий класс может взять власть, это бесспорно. Однако вопрос в том, сможет ли он эту власть удержать»¹.

В то время и сейчас социал-демократия отрицательно отвечает на этот вопрос. В качестве основания она ссылалась на имевшуюся якобы опасность того, что революция

---

¹ Julius Braunthal, *Kommunisten und Sozialdemokratie*, Wien, 1920, S. 7.

будет задушена войсками Антанты, пролетариат больших городов умрет с голоду из-за саботажа аграрных районов, правительство рабочих будет свергнуто в ходе контрреволюционной гражданской войны. Разумеется, ни один серьезно мыслящий человек не мог отрицать наличия этих опасностей. Однако во время революции необходимо проявлять смелость, идти на риск. Как сказал французский буржуазный революционер Дантон, для революции требуются три вещи: смелость, смелость и еще раз смелость. Если же трезво проанализировать обстановку, то станет ясно, что трудности тогдашнего момента не являлись непреодолимыми. Как бы ни были велики жертвы и лишения, которых требует борьба за установление социалистического строя, они не составили бы и части того, чего стоила борьба против фашизма в Австрии, во что обошлись аннексия страны нацистской Германией, а затем участие австрийцев во второй мировой войне.

Во всяком случае, шансы на успех социалистической революции в Австрии были благоприятны как никогда. Не было оснований считать, что войска Антанты обязательно вступят в Австрию, хотя, конечно, никто не мог дать абсолютной гарантии против интервенции. Проведение реалистической политики, отказ от националистических заявлений по вопросам границ и т. д. уменьшили бы опасность интервенции. Следует также иметь в виду, что в то время в Италии и Франции проходили мощные революционные выступления, затронувшие и армию.

Опасность аграрной блокады также была не столь велика, как это изображало социал-демократическое руководство. Крестьяне, правда, были верными подданными Габсбургской династии. Однако в аду мировой войны и в период агонии монархии их также охватило революционное брожение, они были готовы идти вместе с рабочим классом. Отто Бауэр признавал: «Война революционизировала не только городской и промышленный пролетариат... Крестьянин вернулся из окопов также весь преисполненный ненавистью к войне и милитаризму, к бюрократии и плутократии... Он думал, как и пролетариат, что политическая революция обязательно принесет переворот в области имущественных отношений»¹.

---

¹ Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 года, стр. 119.

Крестьяне, как и рабочие, требовали наказания военных преступников, лиц, нажившихся на войне, и высших офицеров. Социалистическая революция могла дать крестьянам землю, леса и пастбища, принадлежавшие крупным землевладельцам, обеспечить свержение власти господ и полное самоуправление. Удовлетворив эти требования, рабочий класс нашел бы в лице крестьянства союзника в ходе проведения демократической аграрной реформы, демократизации экономической и политической жизни. Городские средние слои также выдвигали требования, которые можно было последовательно претворить в жизнь только в борьбе против крупной буржуазии и финансовой олигархии.

Таким образом, возникала благоприятная возможность для сплочения всех трудящихся классов и слоев австрийского народа под руководством рабочего класса в борьбе за общие интересы, за установление подлинной рабоче-крестьянской власти, которая должна была повести Австрию по пути к социализму. Все это не дало бы возможности буржуазным партиям толкнуть крестьянство на путь контрреволюционной гражданской войны.

В то время господствующие классы менее всего могли рискнуть развязать гражданскую войну, так как в результате первой мировой войны и крушения монархии они почти лишились власти.

Что же касается аргумента насчет голода, то тогда имелись реальные шансы на то, что австрийская Советская республика не останется изолированной. Как говорилось в упомянутом воззвании В. И. Ленина и Я. М. Свердлова, подвоз продовольствия из соседних стран обеспечил бы снабжение австрийского населения. Но все эти соображения были чужды социал-демократическому партийному руководству, поскольку оно решило оставаться на позициях буржуазно-демократической республики.

*Руководство социал-демократической
партии против рабоче-крестьянской
власти*

Отто Бауэр признавал: «Эта идеология, идеология движения за Советы приобрела значение далеко за пределами промышленного пролетариата: весной 1919 г.

большинство государственных чиновников, частных служащих, лиц, занимающихся умственным трудом, приняли участие в выборах в эти дни в Советы»¹. В руках различных Советов была сконцентрирована вся полнота реальной власти. Но руководство социал-демократии не хотело расширения и укрепления этой власти. Используя Советы в качестве ширмы, лидеры социал-демократии не хотели затронуть социальные позиции финансовой олигархии и крупной буржуазии, дворянства и князей церкви, генералов и высшей бюрократии, не хотели конфисковать состояния военных преступников, лиц, нажившихся на войне, и спекулянтов.

Роковой ошибкой было также включение австрийскими социал-демократами старых государственных институтов в состав республики. Даже само провозглашение республики было проведено не как революционный акт, а как решение заседания депутатов старого рейхсрата, выбранного еще до войны. Это заседание было признано социал-демократами в качестве «временного национального собрания». Большинство депутатов давно уже потеряло доверие своих избирателей, они никого, кроме самих себя, не представляли. Признав эти старые буржуазные партии, которые серьезно скомпрометировали себя, поддерживав кровавую войну, социал-демократия помогла им снова очутиться в седле и накинула петлю на собственную шею. Отто Бауэр признал эту ошибку после того, как политика социал-демократии потерпела очевидное банкротство в феврале 1934 г. Он писал 18 марта 1934 г. в нелегальной «Арбайтер цайтунг»: «В 1918 г. мы предоставили всем классам и всем партиям политическую свободу и политическое равноправие. Однако капиталисты, крупные землевладельцы и попы использовали эту политическую свободу лишь для того, чтобы подрывать демократию и в конечном счете уничтожить ее силой. Они использовали свое влияние на прессу, свои церкви и кафедры для того, чтобы подтачивать демократию; они использовали свои деньги для организации банд фашистских наемников; они использовали свою власть на предприятиях для того, чтобы загонять рабочих в свою армию фашистских наемников; они использовали кризис своего

---

¹ Отто Бауэр, Австрийская революция 1918 года, стр. 119.

собственного капиталистического общественного строя для того, чтобы завлекать сыновей мелких буржуа и крестьян в фашистские банды и превращать безработных пролетариев в своих наемников. Действуя таким образом, они уничтожили демократию».

Многие годы руководство социал-демократической партии хвалилось тем, что оно распустило старую австро-венгерскую армию и заменило ее республиканским фольксвером, который на первых порах состоял почти исключительно из классово сознательных рабочих. Но и военная политика социал-демократии была направлена в первую очередь на то, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию революции. Даже буржуазный историк признает, что «быстрое избрание солдатских Советов... было предупредительным средством против радикального развития событий, которое характеризовалось стихийным созданием так называемых отрядов Красной гвардии явно коммунистического образца»¹. Важнейшей заботой социал-демократического военного министра Юлиуса Дейча было удалить коммунистические элементы из фольксвера. В 1921 г. он с гордостью заявил: «Можно было приступить к удалению ядра революционных коммунистических групп внутри фольксвера, сконцентрированных в 41-м батальоне, и тем самым устранить возможность опасного развития в будущем». Руководители социал-демократии хотели тем самым якобы избежать гражданской войны. Но разве это не было передачей армии в руки сил, стремившихся к гражданской войне и вызвавших события 12 февраля 1934 г.? Как правы оказались коммунисты, говорившие, что создание отдельных изолированных звеньев аппарата власти, руководимых социал-демократами, без завоевания всей государственной власти является опасной иллюзией. На деле оказалось, что буржуазные правительства довольно быстро сумели под лозунгом «деполитизации», используя армейское командование и систематическое проведение наборов рекрутов из слоев населения, враждебных рабочим, политизировать наемную армию в своем духе.

---

¹ Ludwig Jedlicka. Ein Heer im Schatten der Parteien, Graz, 1955, S. 11.

Руководство социал-демократической партии Австрии использовало в качестве дополнительного аргумента против социалистического развития страны теорию о нежизнеспособности Австрии, из которой якобы вытекала необходимость ее присоединения к большому государству с сильной экономикой. В резолюции съезда социал-демократической партии 1 ноября 1918 г. говорилось: «Немецкая Австрия, предоставленная самой себе, не является экономически жизнеспособным образованием». Действительно, распад Австро-Венгрии повлек за собой тяжелые, почти катастрофические последствия для экономики Австрии. Хозяйство страны переживало серьезный кризис. Однако эти трудности не были непреодолимыми. Существование таких небольших государств в тогдашней Европе, как, например, Швейцария, показывает, что жизнеспособность страны зависит не от ее величины. Сама Австрия при весьма тяжелых условиях доказала после 1922 г. свою экономическую жизнеспособность. В 1923 г. были начаты электрификация государственных железных дорог и строительство гидроэлектростанций. Питание населения обеспечивалось в большой мере за счет быстро растущей продукции австрийского сельского хозяйства. Уже в 1927 г. было значительно превышено довоенное производство зерновых, продуктов животноводства и молочных продуктов.

Австрия покрывала в 1937 г. за счет собственного производства примерно 70% потребности в зерновых, на 90% — в мясе и жирах, на 100% — в картофеле, сахаре и молочных продуктах. Государственный бюджет и валютные запасы были в порядке. Захваченные в марте 1938 г. германским Рейхсбанком запасы золота и валюты Австрийского национального банка составили в итоге 410,7 млн. шиллингов (78 000 кг чистого золота). Разумеется, коммунисты в годы Первой Австрийской республики последовательно боролись против того, чтобы экономика оздоравлилась исключительно за счет трудящихся, в первую очередь рабочих.

Развитие Второй Австрийской республики наглядно доказывает полную несостоятельность теории о нежизнеспособности Австрии. Но эта теория служила социал-

демократии своего рода оправданием для проведения антисоциалистической политики. Ведь если Австрия была нежизнеспособной, то социализм в этой стране победить не мог.

Пагубная пропаганда аншлюса

Руководство социал-демократии и не помышляло о создании самостоятельной демократической, социалистической Австрии, противопоставляя ей в качестве альтернативы аншлюс к Германии. Лидеры социал-демократов ссылались при этом на лозунг «великой Германии», выдвинутый в период германской революции 1848 г., который в то время характеризовался Марксом и Энгельсом как национальная цель освободительной борьбы немецкого пролетариата. В те годы осуществление этой цели могло бы содействовать включению австрийцев в состав единой немецкой нации, которая, однако, еще не существовала. Но впоследствии развитие народов обоих государств, говорящих на немецком языке, пошло в различных направлениях.

Поражение великогерманской республиканской идеи 1848—1849 гг., австро-прусская война 1866 г., исключение Австрии из Германии Бисмарка 1871 г., в которой господствовала Пруссия, а также весь последующий ход событий обусловили дальнейшее формирование говорящих по-немецки австрийцев в особую нацию. Эта нация все более обособлялась от немецкой. При этом характерно, что начавшийся процесс национального самосознания говорящих на немецком языке австрийцев в большей степени отвечал интересам подавляющего большинства австрийского народа, чем пропаганда аншлюса. Об этом свидетельствует то, что ни в период монархии, ни во время Первой республики лозунг аншлюса не нашел широкого отклика во всех слоях населения. Даже Юлиус Дейч приводил следующие аргументы против аншлюса: «Немецкая культура распространяет вместе с германским рейхом свое влияние, а правящие круги Германии расширяют сферу своей власти».

В 1918 г. Отто Бауэр не отважился провести народный плебисцит по вопросу об аншлюсе, боясь того, что «сильное меньшинство, а в отдельных землях, может быть, даже и большинство лиц, имеющих право голоса, проголосовало

бы против аншлюса». Однако это не мешало социал-демократическим вождям вести националистическую пропаганду. Карл Реннер заявил, например, 12 ноября 1918 г., обращаясь к «нашему немецкому народу во всех округах»: «Мы все одно племя и нас связывает единая судьба». Фридрих Адлер пытался рассеять подозрения в отношении германского империализма своей не менее националистической формулой: «Не пангерманизм, что означает, что германское — это все то, чего достигает немецкая сабля, а великогерманизм, что означает, что германское — это все то, где звучит немецкий язык!»

Лишь относительно небольшая часть так называемой пангерманской или германофильской интеллигенции, воспитанная в университетах в духе великогерманской идеологии, действовала на основе националистических побуждений. Часть крупной буржуазии была заинтересована в аншлюсе, исходя из особых экономических интересов. Часть австрийского рабочего класса дала себя убедить в том, будто бы к социализму можно было легче прийти, развернув совместную борьбу с великим немецким рабочим движением, которое всегда было примером для австрийского.

Даже социал-демократические историки признают сейчас, что лозунг аншлюса в первую очередь ставил себе целью создать иллюзии у масс. Так, Ханнак пишет: «Народным массам Австрии нужно было предложить что-то, с чем они могли бы связать свои чаяния на будущее. И тогда из мрака современной действительности вырисовывался реальный путь к лучшей жизни»¹.

Пропаганда аншлюса, проводимая социал-демократией, не только противодействовала перерастанию революции в социалистическую, но и оказывала роковое влияние в период всего существования Первой республики. Эта пропаганда препятствовала развитию в австрийском народе сознания собственного национального существования. В период мирового экономического кризиса пропаганда аншлюса сделала австрийский народ более восприимчивым к националистической демагогии нацистов и в конечном итоге содействовала утрате Австрией своей независимости.

---

¹ Jacques Hannak, Karl Renner und seine Zeit, Wien, 1965, S. 350.

Пропаганда аншлюса сразу же оказала крайне неблагоприятное воздействие на весь ход развития молодой австрийской республики. Руководители и народы стран-победительниц и национальных государств, образовавшихся вместо Австро-Венгрии, справедливо оценивали эту пропаганду как попытку германского империализма смягчить последствия своего поражения в первой мировой войне и захватить дополнительно богатую область, на территории которой проживало более 10 млн. человек [включая Судетскую область, на которую Австрия в 1918 г. претендовала. — А. Р.]. Все это давало странам-победительницам добавочные основания для разбойничьих условий продиктованного ими мирного договора в Сен-Жермене.

Основание Коммунистической партии Австрии

Имевшиеся в 1918 г. возможности повести Австрию по социалистическому пути не были использованы, так как пролетариат не имел боевой партии, которая сумела бы объединить народные массы на борьбу за их подлинные интересы. Коммунистическая партия Австрии была основана 3 ноября 1918 года. Однако это произошло слишком поздно для того, чтобы КПА смогла сыграть руководящую и направляющую роль в событиях, связанных с ноябрьской революцией. С исторической точки зрения в Австрии давно уже пришло время для организационного размежевания с оппортунизмом и для создания коммунистической партии. Своей политикой сотрудничества с буржуазией оппортунистические вожди социал-демократии фактически уже раскололи единство рабочего класса. Этот глубокий раскол, который уже длительное время проявлялся в противоречии между классовыми интересами рабочих и политикой социал-демократического партийного руководства, лишь формально прикрывался наличием единой организации.

Русские рабочие под руководством В. И. Ленина решили после 1903 г. подобное противоречие, создав большевистскую партию, которая организационно отделилась от оппортунистов. Опыт первой мировой войны и последовавших за ней революций способствовал длительному, отнюдь не легкому процессу создания таких революционных

партий во всех странах. Эти партии называли себя коммунистическими. Субъективные условия для создания коммунистической партии в Австрии были намного более благоприятные, чем, например, в Германии. Основанию Коммунистической партии Германии предшествовала многолетняя борьба внутри самой социал-демократической партии, крайне обострившаяся в ходе первой мировой войны. В Австрии же такой борьбы не было, и широкие массы не сделали выводов из политики реформизма и оппортунизма.

Поэтому трудящиеся массы не были столь восприимчивы к лозунгам и аргументам второй рабочей партии, как это могло бы быть, если бы дискуссии проходили в рамках самой социал-демократической партии. Молодой Коммунистической партии Австрии не хватало связанных с массами кадровых работников и руководителей. Многие левые возлагали свои надежды на Фридриха Адлера. Но выйдя в 1918 г. из тюрьмы, он отказался взять на себя руководство новой революционной рабочей партией. Ф. Адлер сослался на то, что, возможно, двумя годами раньше, т. е. в 1916 г., основание новой марксистской партии было необходимым. Однако теперь, после крушения Габсбургской монархии в октябре 1918 г., такой акт уже больше не являлся необходимым.

Многие революционные рабочие все еще видели в прежних левых лидерах социал-демократии, таких, как Фридрих Адлер и Отто Бауэр, защитников их интересов, не замечая центристской тактики этих людей. Участвовавшие в основании компартии группы радикально настроенных представителей интеллигенции и вернувшихся из России военнопленных мало были связаны с предприятиями. Молодая Коммунистическая партия Австрии проявляла революционную волю к действию, свою твердую решимость отстаивать дело пролетариата. Но она не имела возможности ознакомиться с марксистско-ленинской стратегией и тактикой. Поэтому не удивительно, что у основателей партии были правооппортунистические пережитки социал-демократической идеологии и в еще большей степени левооппортунистические, сектантские представления, которые мешали завоевывать на свою сторону массы. В те времена коммунисты знали лишь то, что они не должны поступать как социал-демократические вожди, и хотели действовать, «как русские». Однако тогда только

немногие люди в Западной Европе имели правильное представление об истории большевистской партии, о ленинской стратегии и тактике, о почти пятнадцатилетней упорной, терпеливой борьбе большевиков за завоевание большинства рабочего класса.

В. И. Ленин с полным основанием писал в 1920 г. о первых шагах, слабостях и трудностях роста молодой Коммунистической партии Австрии. «В Австрии, — указывал он, — коммунизм пережил тяжелейший период, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, объявив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе лиц (ошибки, неизбежные вначале для каждой революции; у нас таких ошибок был целый ряд)»¹.

«Идеология единства»

Завоевание масс на сторону Коммунистической партии Австрии было в большой степени затруднено распространявшейся после основания социал-демократической партии в Хайнфельде идеологией «единства любой ценой». Эта идеология использовалась и культивировалась центристами. Австрийские рабочие воспитывались в сознании того, что объединение их партии под руководством Виктора Адлера на съезде в Хайнфельде в 1888—1889 гг. из небольших, не имевших влияния групп в мощную массовую организацию смогло обеспечить рабочему классу завоевание значительных успехов. И лишь немногие видели, что «традиции Хайнфельда» постепенно потеряли прогрессивное значение, превратились в свою противоположность. Из-за проводившейся оппортунистическими лидерами социал-демократии политики сотрудничества с буржуазией и габсбургским государством революционное единство рабочего класса было фактически расколото. «Традиции Хайнфельда» привязывали революционных рабочих к их центристским вождям, выдававшим себя за радикалов. Во имя единства с явными реформистами эти люди шли на сотрудничество с буржуазией и поощряли его. Поэтому порочная теория «единство любой ценой» привязывала революционных рабочих к

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 136.

колеснице буржуазии, толкала их на участие в коалиционной политике, а позднее — к одобрению псевдоопозиционной линии социал-демократии в отношении политики реставрации и фашизации, проводимой буржуазией.

Социал-демократические вожди великолепно умели изображать в глазах масс как «раскольников» тех, кто понял подоплеку их действий и был готов сделать организационные выводы. Поэтому получалось, что рабочие массы, даже если они в ходе дискуссий тысячу раз признавали правильность аргументов коммунистов, не отваживались сделать шаг в направлении организационного разрыва с социал-демократической партией, опасаясь, что тем самым они подорвут единство. Не в последнюю очередь именно поэтому австрийской социал-демократии удалось, несмотря на ее порочную политику, добиться того, что компартия осталась численно небольшой.

В. И. Ленин, который первый в современном рабочем движении осознал необходимость организационного разрыва с оппортунизмом и сделал этот шаг, действовал во имя правильно понимаемого единства. Он писал по этому поводу: «Единство — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»¹. Несчастье австрийского рабочего класса состояло в том, что он не понял этой истины.

Тем большими являются заслуги пионеров коммунистического движения в Австрии, которые в необычайно трудных условиях основали компартию и работали для нее. Оглядываясь на пройденный путь, руководитель австрийских коммунистов Иоганн Коплениг с полным основанием писал: «В нашей молодой партии было немало трудностей. Нам противостояла сильная социал-демократическая партия, угрожавшая подавить нас своим численным превосходством, опытом, своей демагогией и обманом масс. Но тысячи коммунистов неустанно работали, строя свою партию, и их не обескураживали неудачи и провалы. В то время было нелегко быть членом коммунистической партии. Над коммунистами издевались, их осмеивали, они рисковали потерять работу и тем самым кусок хлеба. Но мы учились у партии Ленина упорно и терпеливо преодолевать все препятствия, сохранять верность

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 79.

партии и рабочему классу, невзирая на личные интересы»¹.

Молодая Коммунистическая партия Австрии была вынуждена формироваться и организовываться как марксистско-ленинская партия непосредственно в ходе своего развития, в процессе конкретной борьбы за решение стоящих перед ней проблем. Это было чрезвычайно трудной задачей, решение которой потребовало длительного времени. Тем не менее основание Коммунистической партии Австрии явилось важным событием в истории австрийского и международного рабочего движения. Компартия установила связь с победившим рабочим классом России, взяла на вооружение учение марксизма-ленинизма, научилась применять его в соответствии с австрийскими условиями и распространяла это учение среди рабочих.

Неоднократные утверждения буржуазной и социал-демократической историографии, будто КПА никогда не имела влияния на австрийскую политику, совершенно не соответствуют исторической правде. Особенность истории Первой республики состоит в том, что влияние коммунистов на политику было большим, чем это казалось на первый взгляд. Их лозунги были взяты из самой жизни, они были эффективными потому, что выражали интересы и чаяния рабочего класса. Многие рабочие социал-демократы левого направления подхватывали эти лозунги и отстаивали их в своих организациях. Поэтому даже социал-демократические вожди не могли игнорировать эти лозунги. Справедливые опасения социал-демократических лидеров, что рабочие могут перейти к коммунистам, заставляли их предпринимать сложные маневры и зачастую действовать более радикально, чем им самим этого хотелось.

Несмотря на свою численную слабость и недостаточную связь с массами, Коммунистическая партия Австрии нагоняла страх на буржуазию, поскольку коммунисты были окружены славой победоносной Октябрьской революции, авторитет которой в австрийском рабочем движении постоянно рос. Боясь, что австрийские рабочие перейдут на сторону коммунистов, буржуазия старалась особенно не раздражать их своим сопротивлением проведению

---

¹ Цит. по: «40 Jahre Kommunistische Partei Österreichs», Wien, 1958.

социально-политических реформ. Об этом мы скажем подробнее ниже на примере Венгерской советской республики. Однако Коммунистическая партия Австрии не сумела организационно закрепить свое влияние. В то время у руководителей КПА на этот счет господствовало убеждение, будто в силу стихийного революционного воодушевления масс нет необходимости проводить интенсивную, систематическую организационную работу. Эта вера в стихийность, которая проповедуется и в наши дни некоторыми «левыми» группами, оказалась исторически совершенно несостоятельной.

Компартия проявила себя, пропагандируя революционные цели борьбы за социализм, в борьбе против «санации» и стабилизации капитализма за счет трудящихся, против австромарксистской фразы и трусливой капитулянтской политики социал-демократии. Особой заслугой КПА была борьба против идеологии и пропаганды аншлюса. 8-й съезд КПА (12—14 сентября 1925 г.) почти единогласно принял решение против пропаганды аншлюса, заклеив ее «как буржуазно-социал-демократический обманный маневр... с целью скрыть от австрийского пролетариата причины его бедственного положения, отвлечь его от необходимости вести борьбу», «как попытку империализма удовлетворить свои современные континентальные стремления к расширению власти и подготовке войны против Советского Союза»¹. Ранее в резолюции 4 съезда КПА (23—25 января 1921 г.) отмечалось: «Коммунисты борются... против иллюзорного и контрреволюционного лозунга аншлюса». Газета «Арбайтер цайтунг» возмущенно писала 30 января 1921 г.: «Нашлась все же одна немецко-австрийская партия, которая открыто голосует против аншлюса. Это — коммунисты».

Коммунистическая партия Австрии была единственной партией, которая выступила против плана Шобера. Будучи австрийским министром иностранных дел, Шобер с одобрения социал-демократии договорился с министром иностранных дел Германии Курциусом о заключении соглашения о таможенном союзе, представлявшего собой первый шаг к аншлюсу. Компартия показала, что здесь «речь шла о крупных империалистических интересах», и заклеила этот шаг как явную помощь германскому

¹ Цитирую по Иоганну Копленигу в: «Internationale Pressekorrespondenz», 1925, № 132.

империализму. В то же время КПА разоблачила политику социал-демократии, которая «видит в этом таможенном союзе, точно так же как после войны — в аншлюсе, лишь маневр, отвлекающий от борьбы».

Коммунистическая партия Австрии осталась верной этой политике как в самое тяжелое время фашистских преследований, так и в наши дни.

К несчастью для рабочего движения, компартии не удалось преодолеть влияния социал-демократии, взять на себя руководство рабочими массами в борьбе против буржуазии и осуществить тем самым коренной поворот в австрийской политике. Под руководством австромарксистов рабочий класс Австрии пошел по роковому пути отступления перед буржуазной реакцией, который привел его к поражению и победе фашизма, к гибели Австрийской республики.

Австрия между советскими республиками

При основании Австрийской республики была упущена возможность направить страну по социалистическому пути. Но эта возможность была далеко не последней. Революционное движение в 1918 г. не утихало, а, наоборот, принимало все более широкий размах. Революционный послевоенный кризис, охвативший в первую очередь всю Центральную и Юго-Восточную Европу, привел 21 марта 1919 г. к провозглашению Венгерской советской республики. Спустя короткое время, 7 апреля, была провозглашена Баварская советская республика. Находясь между Красным Будапештом и Красным Мюнхеном, Вена могла повлиять на судьбу европейской революции. Союз этих трех стран мог бы дать необычайно мощный импульс развитию событий во всей Европе. Венгерская советская республика нашла большой отклик у крестьян Карпатской Украины и Словакии, где в течение нескольких недель была своя Советская республика, и у народных масс Югославии и рабочих Австрии. Венгерская советская республика, где в правительстве были социал-демократы и коммунисты, немедленно направила воззвание к австрийскому рабочему классу, предлагая заключить союз двух государств. Венгрия могла предложить австрийскому населению свои значительные запасы продо-

вольствия в обмен на продукцию австрийской промышленности. В Австрии же имелись громадные запасы военного снаряжения старой австрийской армии, были большие заводы, производившие оружие и патроны, в то время как венгерская Красная армия испытывала во всем этом недостаток. Союз этих двух стран мог бы сделать их весьма сильными в военном отношении.

Рабочий класс Австрии охватило необычайное волнение. Со всех сторон раздавались призывы к солидарности с советскими республиками. Возглавившая это движение Коммунистическая партия Австрии находилась на подъеме. Она умело и успешно защищала интересы возвратившихся на родину военнопленных, солдат и инвалидов, а также безработных. В мае 1919 г. компартия насчитывала около 40 тыс. членов. Она руководила организациями вернувшихся военнопленных, инвалидов и безработных, имела сильные позиции в фольксвере. Однако КПА была слабо представлена на предприятиях, в профсоюзах, и даже в рабочих Советах имела явное меньшинство. Но компартия выражала настроения передовых рабочих, и присутствие коммунистов в Советах зачастую действовало как своего рода катализатор на принятие радикальных решений. Компартия сразу же начала проводить широкую кампанию солидарности с Венгерской советской республикой. По призыву КПА 40 тыс. рабочих демонстрировали 22 марта на улицах Вены за союз с Советской Венгрией, за свержение капитализма в собственной стране. Компартия организовала нелегальную доставку оружия для венгерской Красной армии. Австрийский коммунист Лео Ротцигель привел отряд в составе 1200 человек в Венгрию в помощь Красной армии.

Но руководство социал-демократической партии уже 21 марта приняло решение всеми силами воспрепятствовать присоединению к Советской Венгрии. Отвечая на воззвание правительства Советской Венгрии, Фридрих Адлер от имени рабочего Совета выразил фактический отказ, сопроводив его следующими радикально звучащими словами: «Вы обратились к нам с призывом последовать вашему примеру. Мы от всего сердца хотели бы сделать это, но в настоящий момент, к сожалению, не можем. В нашей стране нет продовольствия... Поэтому мы стали настоящими рабами Антанты». Тот же номер «Арбайтер цайтунг» утешал австрийских рабочих надеждой на рево-

люцию в других странах. «И если пролетариат стран Антанты сам поднимется против собственной буржуазии,— писала газета,— то в союзе с ним мы разобьем все око-вы!» Подобный метод утешения надеждой на революцию в других странах систематически применялся австромарксистами в любой ситуации.

Руководство социал-демократической партии особенно умело использовало против революции созданные в 1919 г. рабочие Советы, являвшиеся революционным достижением рабочего класса. Вопреки сопротивлению правых лидеров социал-демократии коммунистам удалось добиться включения их представителей в рабочие Советы и их исполнительные органы. Но социал-демократическая партия использовала свое прочное большинство в этих институтах для того, чтобы представить политику партийного руководства как политику, которую одобряет весь рабочий класс и которая якобы выражает общепролетарские интересы, в силу чего, мол, коммунисты должны были ее поддерживать. Как выразился однажды Фридрих Адлер, руководивший рабочими Советами, коммунистов «держали там на цепи», подчинив их «решению пролетарской демократии».

Вместо власти рабочих — социальные реформы

Ограничению влияния коммунистов способствовало и другое средство — широкое социальное законодательство, которое наиболее полно осуществлялось в период, когда в Венгрии была Советская республика. Запуганная буржуазия Австрии была рада иметь возможность откупиться такой ценой от национализации ее собственности и потери власти на длительное время. Она согласилась принять ряд социальных законов, за которые в течение многих лет упорно, но безуспешно боролись рабочие и служащие. Введение восьмичасового рабочего дня, за что выступал еще Учредительный конгресс II Интернационала в 1889 г., оплаченный отпуск для рабочих, законы о производственных советах, об охране женского труда и другие превратили тогдашнюю Австрию в передовую страну в области социального законодательства.

Эти достижения были осуществлены отнюдь не благодаря реформистской политике, как это охотно пы-

тается изобразить социал-демократическая историография. Напротив, они явились результатом революционной борьбы рабочего класса, следствием страха буржуазии перед ростом революционных сил. В свое время это признавала и сама социал-демократическая партия. «Буржуазия видит, что массами овладело стремление к новым революциям и провозглашению диктатуры Советов... поэтому буржуазия под гнетом страха перед диктатурой Советов готова к значительно большим уступкам, чем в другие времена при том же соотношении сил...»¹. Даже буржуазные историки называют, например, введение пособий по безработице «неизбежной необходимостью, особенно с политической точки зрения», в целях «предупреждения социальной анархии», под которой они понимают социальную революцию.

Принятые законы улучшили условия жизни австрийских рабочих, но не затронули самих основ господствующего капиталистического строя. Эти законы не были гарантированы государственной властью рабочих и поэтому в течение дальнейшего развития они систематически выхолащивались.

Кровавые столкновения в святой четверг

Руководимое социал-демократами правительство не останавливалось перед применением грубого насилия против недовольных рабочих под предлогом предотвращения коммунистического путча. Австрийское рабочее движение заплатило кровавую дань не только монархической, клерикально-фашистской и нацистской реакции, но и «силам порядка», которыми руководили социал-демократы. Правительство Штирии, например, возглавлявшееся инспектором безопасности социал-демократом Резелем, отдало приказ применить огнестрельное оружие в Граце 20 и 22 февраля 1919 г. против демонстрации, которую организовали возвратившиеся военнопленные, требовавшие улучшения своего положения. При этом восемь демонстрантов были убиты. Приказ стрелять обосновывали ссылкой на мнимую попытку организовать коммунистический путч, хотя коммунисты и думать не могли о том,

---

¹ «Rätediktatur oder Demokratie?», Wien, 1919, S. 11.

чтобы захватить власть в *одном* городе. Даже Юлиус Дейч признал, что социал-демократическая партия «в поддержании порядка» временами становилась на путь опасного схождения с буржуазией.

В святой четверг, 17 апреля 1919 г., после собраний, состоявшихся в различных местах Вены, бывшие военнопленные, безработные и инвалиды собрались перед парламентом на демонстрацию. Они выдвинули экономические требования: устройство на работу, оказание денежной помощи и повышение нормы выдачи хлеба. Но полиция уже держала наготове специальные отряды во дворе парламента и под его сценой. Демонстрация проходила совершенно спокойно. Была выбрана делегация, которая хотела передать в парламент правительству требования демонстрантов. Но делегаты оказались перед закрытыми воротами, и поэтому толпа не расходилась. Когда наконец появился Реннер и отклонил требования демонстрантов, они стали хором скандировать: «Да здравствует социалистическая республика!» Пешие и конные полицейские набросились на демонстрантов, пытаясь их разогнать. Поскольку те оказали сопротивление, против них были брошены части фольксвера. Дело дошло до стрельбы, в результате чего шесть человек были убиты и около 50 тяжело ранены, в основном демонстранты. Буржуазная и социал-демократическая пресса возмущалась попыткой мнимого коммунистического путча. Однако компартия доказала, что речь шла о «взрыве отчаянья изголодавшихся и обманутых пролетариев». Даже буржуазная газета «Нойе фрайе прессе» вынуждена была 18 апреля признать, что никакого путча не было. Тем не менее ложь насчет «первой коммунистической попытки организовать путч» в святой четверг распространяется и поныне антикоммунистической литературой. Жак Ханнак, например, пишет о «путче в святой четверг», изображая его «преступным мальчишеством»¹.

Но те же историки почти не упоминают о необычайно напряженной политической атмосфере тех дней, когда революционный взрыв был весьма близок. Юлиус Дейч писал по этому поводу: «Если бы коммунистам удалось взять под свое влияние фольксвер настолько, чтобы он

---

¹ Jacques Hannak, Im Sturm eines Jahrhunderts, S. 272.

в решающий момент остался в стороне... тогда наше дело было бы проигранным»¹.

Социал-демократическое руководство в те дни, по-видимому, не имело единого мнения. Юлиус Дейч рассказал кое-что об этом, хотя, конечно, далеко не все. Он писал: «Некоторые были настроены очень пессимистично и считали, что не остается ничего другого, как создать чисто социалистическое правительство, которое, однако, должно было бы сохранить парламент... Высказывалась также мысль создать правительство, в котором находились бы вместе представители рабочих Советов и крестьянских Советов, независимо от того, выступали ли они за социализм или нет. Это крайне мало изменило бы создавшуюся обстановку, которую, по существу, можно было охарактеризовать как коалицию между рабочими и крестьянами»². Коммунистическая партия Австрии была слишком слаба, чтобы использовать имевшуюся возможность для взятия власти рабочими.

Кровавая расправа на Хёрлгассе

Одно из тяжелейших преступлений было совершено полицией 15 июня 1919 г. на Хёрлгассе. В те дни агитация за присоединение к Советской Венгрии достигла наивысшей точки. При этом определенное воздействие оказывали также успехи венгерской Красной армии в борьбе против войск интервентов. Коммунистическая партия Австрии завоевала сильное влияние среди солдат, особенно после того, как коалиционное правительство высказалось за демобилизацию четверти состава фольксвера. Это грозило безработицей тысячам военнослужащих, в первую очередь тем, кто был известен своими левыми взглядами. Компартия возглавила борьбу против сокращения фольксвера, она повседневно организовывала манифестации и демонстрации. Под давлением коммунистов правительство перенесло срок демобилизации с 31 мая на 15 июня. Тогда компартия опубликовала воззвание провести в этот день большую демонстрацию «за установление диктатуры Советов, против голода и эксплуатации, за

---

¹ Julius Deutsch, Ein weiter Weg, S. 97.

² Там же, стр. 86—87.

социальную революцию». В документе говорилось далее: «Каждый военнослужащий фольксвера обязан принять участие в этой демонстрации с оружием в руках».

Руководство компартии полагало, что под нажимом такой открыто объявленной и легально организованной демонстрации с участием вооруженного фольксвера коалиционное правительство потерпит крах и будет удовлетворено желание рабочего класса создать в Австрии правительство Советов. Социал-демократическая партия, однако, снова обвинила коммунистов в подготовке путча. Чтобы смягчить политическую заостренность демонстрации, правительство временно отменило приказ о демобилизации фольксвера. Благодаря этому ему удалось уговорить военнослужащих фольксвера остаться в казармах. Даже 41-й батальон, находившийся под влиянием коммунистов, заявил, что он намерен строго соблюдать приказ оставаться на казарменном положении.

В этой обстановке без участия фольксвера всякая попытка захватить власть была бы с самого начала невозможной. Но коммунисты и не вели какой-либо подготовки в этом направлении — ни организационной, ни военной¹. Речь шла о проведении демонстрации, возможно, довольно бурной, за власть Советов в Австрии, на что коммунистическая партия имела полное право. Однако власти совершили невиданную до того в Австрии провокацию. Вечером 14 июня вооруженные полицейские ворвались в помещение коммунистов на Пульвертурмгассе (IX район) под предлогом ареста четырех руководящих работников и арестовали весь руководящий актив КПА — 130 партийных функционеров. О цели этой полицейской акции Юлиус Дейч писал: «Без руководителей, прибывая небольшими группами из отдельных районов, демонстранты меньше всего были бы способны провести единую крупную акцию»².

В своих воспоминаниях, озаглавленных «Император, политики, люди» (Вена, 1936 г.), начальник венской государственной полиции Франц Брандль утверждал, что эта

---

¹ Предъявленный Шобером план, разработанный якобы венгерской Красной армией и предусматривавший захват ряда важных зданий в Вене, оказался документом военных властей периода первой мировой войны. Это был план подавления восстаний рабочих в Вене! — *Прим. автора.*

² Julius Deutsch, Ein weiter Weg, S. 106.

акция была проведена совместно с директором полиции Иоганном Шобером. При этом социал-демократический министр внутренних дел Эльдерш не был предварительно информирован, но предоставил Брандлю и Шоберу свободу действий против коммунистов. Доля вины Эльдерша за происшедшее кровопролитие, жертвами которого стали рабочие, не становится от этого меньше, тем более что, уже получив сообщение об акции, он не освободил арестованных функционеров компартии.

Итак, 15 июня полиция получила хорошо продуманный предлог для кровавой расправы. Демонстранты остались без руководства. Они направились к полицейской тюрьме, чтобы потребовать освобождения арестованных. На Хёрлгассе демонстранты столкнулись с полицией и сотрудниками городской службы охраны, состоявшей из социал-демократов, которые открыли огонь. Одновременно конная полиция с обнаженными саблями атаковала толпу. В результате на мостовой остались 12 убитых и около 80 тяжелораненых, из которых восемь позднее скончались.

Чтобы снять с себя вину за эту кровавую расправу, вожди социал-демократии выступили с самыми дикими «разоблачениями» компартии. Этот отвлекающий маневр был настолько примитивен, что даже в рядах социал-демократии он вызвал возражения. Во время заседания венского рабочего Совета 22 июня 1919 г. социал-демократическая оппозиция (так называемая «новая левая») выступила против доклада, сделанного Фридрихом Адлером, в котором вина за эту кровавую расправу возлагалась на коммунистов. Оппозиция потребовала «обратить взоры направо» с тем, чтобы «сделать в будущем невозможным повторение такого рода событий».

После 15 июня буржуазию охватило беспокойство. Как пишет историк Вальтер Гольдингер¹, представители великогерманской партии вели переговоры с деятелями Христианско-социальной партии о переводе Национального собрания в Инсбрук. Но их успокоил представитель Форарльберга, член Христианско-социальной партии Финк, исполнявший в Вене обязанности канцлера Реннера (последний был на мирных переговорах в Сен-Жерме-

---

¹ Walter Goldinger, *Geschichte der Republik Österreich*, Wien, 1962, S. 58.

не). Финк заявил, что Отто Бауэр — отнюдь не коммунист, а социал-демократы сами испытывают страх перед диктатурой пролетариата.

Провокация правительства достигла своей цели — сражающаяся Советская Венгрия была предоставлена самой себе. В то время как социал-демократическая партия всячески препятствовала проявлению солидарности с Советской Венгрией, на глазах руководимого ею правительства в Австрии совершенно беспрепятственно действовали венгерские контрреволюционеры. Начальник государственной полиции Франц Брандль¹ признает в мемуарах: «Между этой подлинно контрреволюционной группой и государственной полицией вскоре сами по себе установились доверительные отношения, основывающиеся на борьбе против общего врага — большевизма». Поддержка, оказываемая венгерской реакции, в свою очередь консолидировала реакционные силы в Австрии.

Спустя несколько недель после кровавой расправы па Хёрлгиссе Венгерская советская республика была свергнута 4 августа 1919 г. войсками интервентов. Австрийская буржуазия могла теперь вздохнуть. Опасность установления Советской республики в Австрии миновала, господство буржуазии укрепилось. Практическим выражением пролетарской солидарности стала широкая кампания, организованная Коммунистической партией Австрии против поставок оружия хортистской Венгрии. В этой акции участвовали также широкие слои рабочих — социал-демократов.

Коммунистическое движение в Австрии в то время вступило в полосу тяжелого внутреннего кризиса. Компартия теряла силы в ходе внутрипартийной фракционной борьбы, она утратила значительную часть членов и своего влияния. Лишь после многолетнего спада здоровому ядру в партии и ее молодежной организации под руководством Иоганна Копленига, Франца Хоннера, Фридля Фюрнберга и других деятелей удалось изгнать фракционеров, среди которых были и прямые агенты классового врага. Коммунистическая партия Австрии снова укрепила свои позиции в рабочем движении.

---

¹ Franz Brandl, Kaiser, Politiker, Menschen, Wien, 1936, S. 329.

По сей день социал-демократия гордится тем, что после первой мировой войны она спасла Австрию «от большевизма» и тем самым затормозила революционное движение во всей Европе. В 1958 г. Оскар Поллак издал книгу под заголовком «Путь из тьмы», представляющую собой официальную историю социал-демократической партии. В работе говорится: «То, что они [рабочие Советы.— А. Р.] не стали инструментом коммунистического стремления к власти и роковой политики переворотов — причем в период, когда от их решений зависело столь много,— исключительно заслуга австрийской социал-демократии»¹. На деле же социал-демократическое руководство спасло в 1919 г. господство буржуазии. Убитые на Хёрлгассе были не единственными жертвами политики социал-демократии. В мае 1920 г. во время демонстрации строительных рабочих в Линце военнослужащие фольксвера открыли огонь, причем семь человек были убиты и 20 ранены. В своей речи в Национальном собрании 11 мая Юлиус Дейч не нашел ничего другого, как сказать по этому поводу: «Следует отметить печальный факт, что военнослужащие вынуждены были применить оружие против своих товарищей из народа». Для периода с 1918 по 1920 г. полностью справедливо высказывание, сделанное спустя 31 год венской «Арбайтер пайтунг», которая 2 марта 1951 г. цинично писала: «Австрийская буржуазия... должна ежедневно на коленях благодарить своего бога и молиться за то, чтобы австрийская социал-демократическая партия оставалась сильной».

Имеется немало и буржуазных источников, которые признают эту «заслугу» социал-демократического руководства. Даже сменивший Дольфуса австро-фашистский канцлер Курт Шусниг писал, что «успешный отпор коммунистическим лозунгам и коммунистическому насилию в 1919 г. является выдающейся, неоспоримой заслугой социал-демократии»².

---

¹ Oskar Pollak, *Der Weg aus dem Dunkel*, Wien, 1958, S. 90.

² Kurt Schuschnigg, *Im Kampf gegen Hitler*, Wien, 1969, S. 108.

После того как австрийская социал-демократия сделала свое дело, обеспечив политическое господство буржуазии, капиталисты перешли в экономическое наступление на рабочий класс. Непосредственным следствием падения Венгерской советской республики и уменьшения влияния коммунистов было замедление проведения в жизнь австрийского социального законодательства. Еще более тяжелая участь постигла печально известную «комиссию по социализации», которая должна была предложить своего рода эрзац экспроприации крупной буржуазии и разработать метод безболезненного, мирного перевода капиталистического производства на социалистический путь. Эта комиссия была создана в феврале 1919 г. всеми тремя партиями, входившими в парламент. Председателем комиссии стал Отто Бауэр, его заместителем — представитель Христианско-социальной партии Игнац Зейпель.

Вместо того чтобы решительно и энергично национализировать хотя бы производство средств производства, комиссия занималась бесконечным изучением и составлением проектов, что вполне отвечало намерениям буржуазии. После свержения Венгерской советской республики деятельность комиссии практически потеряла свое значение, и позднее она потихоньку прекратила работу, не добившись какого-либо результата.

Австрийская социал-демократия не могла привести ни одной объективной причины в оправдание того, почему она не национализировала хотя бы самые важные промышленные предприятия, кроме фразы, что, мол, нельзя социализировать долги. На деле же эти предприятия, несмотря на вызванную войной разруху, представляли громадную ценность. После того как «опасность социализации» миновала, буржуазия прекрасно сумела выкачивать из этих предприятий громадные прибыли. В период же мирового экономического кризиса, после 1929 г., огромные долги обанкротившихся банков были «социализированы». Это означало, что государство взяло их на себя и оплатило за счет населения. При этом те же самые социал-демократические вожди, ссылаясь на «интересы экономики», не высказали в данном случае каких-либо возражений. Более того, они одобрили и поддерживали это мероприятие.

Австрийская буржуазия даже и не подумала выразить социал-демократии благодарность за то, что она спасла ее власть. Буржуазия усматривала в республике и ее социал-демократическом руководстве причину своего поражения после первой мировой войны. На этом основании она после 1918 г. поддерживала аншлюс. Она надеялась, особенно после консолидации буржуазного господства в Германии, на то, что ее власть после аншлюса будет надежнее гарантирована. Буржуазия никогда не могла простить социал-демократам того, что ее существование в 1918 г. полностью зависело от них. Наконец, и это была, вероятно, главная причина, буржуазия боялась, что в один прекрасный день трудящиеся массы всерьез воспримут социалистическую и революционную фразеологию своих вождей, а аппарат социал-демократической партии не сможет уже удержать их от революционных действий. Поэтому буржуазия с самого начала старалась укрепить свой собственный аппарат власти и оттеснить социал-демократию на второе место. В лице лидера Христианско-социальной партии прелата Игнаца Зейпеля буржуазия нашла человека, который осуществил этот замысел. Зейпель был своего рода духовным отцом первого, чисто буржуазного правительства, созданного в Австрии в 1920 г., после того как социал-демократы в результате выборов перестали быть самой сильной фракцией в парламенте.

Социал-демократия расценила результат выборов как «объективно обоснованный». Она затушевывала то, что политика партии способствовала такому исходу выборов, и скрывала, что дальнейший ход событий мог дорого стоить пролетариату. Отто Бауэр полагал, что равновесие классов все еще не было нарушено. Но уже Клаузевиц в своих военно-политических сочинениях указывал, что не может быть длительного равновесия враждебных сил, причем та сторона, которая переходит в наступление, находится в выгодном положении. В Австрии в наступление перешла буржуазия.

Многие буржуазные и социал-демократические австрийские историки с сожалением говорят о крушении коалиции 10 июня 1920 г. и считают, что этот день имел тяжелые последствия для всей истории республики. Они полагают, что дальнейшее существование коалиционного

правительства могло бы остановить дальнейшее сползание страны к фашизму. Но эти историки забывают опыт Германии. В этой стране участие социал-демократии в буржуазном правительстве, ее доля вины в продолжавшемся ухудшении положения трудящихся вследствие наступления капиталистов привели к победе гитлеровского фашизма. В Австрии также не было другой альтернативы, как последовательное развертывание классовой борьбы. Однако социал-демократическая партия и после выхода из правительства не вела этой борьбы.

Инфляция

Классовая борьба в Австрии обострилась вокруг вопроса: кто должен оплачивать стоимость проигранной войны? Коммунистическая партия выдвинула лозунг: «Платить должны богатые» — и потребовала, чтобы государственный дефицит был покрыт за счет денег, валюты и ценностей лиц, нажившихся на войне. Правительство же выпускало все больше денежных знаков, что привело к быстро усиливавшейся инфляции. Следствием ее было ежедневное обесценение заработной платы и пособий по безработице, полное лишение мелких вкладчиков и пенсионеров имевшихся у них средств, обнищание мелких предпринимателей. В выигрыше оказалась крупная буржуазия, которая выплачивала кредиты на инвестиции потерявшими стоимость бумажными деньгами, могла покрыть свои долги и нажить громадные прибыли на распродаже ценностей, причем большую часть этих денег поместила в твердой валюте за границей. Покупательная способность рабочих падала от одной заработной платы до другой. Учитывая тяжелое положение австрийских трудящихся, можно сказать, что их великодушная кампания в помощь голодающим в Советской России в 1921 г. была выдающимся примером международной пролетарской солидарности. Инициатором оказания этой помощи была Коммунистическая партия Австрии. Социал-демократическая партия в данном случае не могла остаться в стороне.

Грабительская политика австрийской буржуазии вызвала ожесточение рабочих, что нашло свое наглядное выражение в «голодных бунтах» 1 декабря 1921 г. в Вене.

Коммунистическая партия Австрии оценила эти выступления как «ответ отчаявшихся рабочих масс». Демонстрация рабочих 1 декабря проходила стихийно, без руководства и была направлена против продолжавшегося роста дороговизны. Она сопровождалась актами разрушения и грабежами, совершенными доведенными до отчаяния людьми. Компартия обратилась тогда к социал-демократической партии с призывом превратить стихийное выступление масс в организованную акцию всего австрийского пролетариата против дальнейшего возложения тягот на рабочий класс и его обнищания. Социал-демократические лидеры отклонили этот призыв. Руководство компартии в течение двух месяцев проводило кампанию за освобождение лиц, арестованных 1 декабря. Требования компартии поддерживали многие коллективы предприятий, в том числе находившиеся под влиянием социал-демократов.

Власти ответили на это обысками в домах, конфискацией газеты «Роте фане», арестами коммунистических функционеров и многочисленными обвинениями против них, преследованием политических эмигрантов, проживавших в Вене.

«Женевская санация»

После окончания грабительского наступления буржуазии, когда дальнейшее продолжение политики инфляции грозило подорвать нормальную экономическую жизнь, капиталисты перешли к стабилизации валюты. Снова разгорелась классовая борьба вокруг вопроса, за чей счет должна была осуществляться так называемая санация. Осуществление «санации» за счет трудящихся было делом Зейпеля. 31 мая 1922 г. он стал канцлером, и в последующие годы австрийская политика формировалась под его влиянием.

По данным правительства Зейпеля, для покрытия дефицита государственного бюджета и устранения инфляции было необходимо 500 млн. золотых крон. Компартия доказала на цифрах, что необходимые суммы можно найти за счет обложения налогами австрийских капиталистов и крупных землевладельцев, и потребовала, чтобы расходы по «санации» были возложены на богатых. Зейпель,

однако, предпочел пощадить богатых и получить заем за границей. Чтобы добиться посредничества Лиги наций; Зейпель согласился в соответствии с Женевскими протоколами на широкий контроль над австрийской политикой со стороны генерального комиссара Лиги наций. Поставив во имя своих классовых целей страну под контроль иностранных банкиров, австрийская крупная буржуазия совершила национальное предательство.

Только Коммунистическая партия Австрии вела энергичную, последовательную борьбу против «женевской санации». В одном из воззваний она охарактеризовала Женевские протоколы как «позорный договор», который может принести пролетариату «ужасную безработицу, голод и нищету». Коммунистический Интернационал также стал на сторону народа Австрии, против австрийской буржуазии и иностранного империализма. IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, заседавший в ноябре — декабре 1922 г. в Москве, констатировал в воззвании: «Австрийский пролетариат ведет тяжелую оборонительную борьбу против планов закабаления, вынашиваемых международным капиталом и мировой реакцией, и эта борьба требует величайшего внимания рабочих всех стран». В этом документе содержался призыв к рабочим и работницам Австрии развернуть борьбу против собственной буржуазии. «Вы достаточно сильны для этого, если только захотите, — заявил Коммунистический Интернационал. — Не поддавайтесь запугиванию ваших социал-демократических вождей и начинайте с полной силой борьбу против закабаления. Поймите, что только лишь коммунистическая партия вашей страны указывает вам правильный путь. Боритесь совместно против общей опасности, невзирая на принадлежность к той или иной партии». Рабочие всех стран призывались осознать «долг пролетарской солидарности в отношении австрийского рабочего класса, которому угрожает серьезная опасность... Международному капиталистическому фронту реакции противопоставьте международный фронт революционного пролетариата! Создавайте международный единый фронт пролетариата!»¹

Анализ, данный коммунистами, оказался правильным. Расходы по «санации» были возложены на трудовой

¹ «Protokoll des IV. Kongresses der Kommunistischen Internationale», Hamburg, 1923, S. 800, 803.

народ. Последовали массовые увольнения рабочих и служащих, повысились пошлины и налоги с населения. Рабочий класс снова пришел в движение. Перед социал-демократией еще раз открылась возможность решающим образом изменить курс австрийской политики. Дело в том, что для принятия законов о «санации» требовалось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов в Национальном совете (парламенте). А этого нельзя было достигнуть без голосов социал-демократов. В руководстве социал-демократической партии развернулась острая дискуссия. Отто Бауэр рассказал об этом на съезде партии 15 октября 1922 г. Согласно протоколу, он заявил: «Моим первым чувством было... мы должны этому воспрепятствовать, чего бы это ни стоило. И моей первой мыслью было: пролетариат в нашей стране силен, он располагает различными источниками силы. Разве это не тот случай, когда нужно применить все силы, чтобы при необходимости воспрепятствовать этому с помощью насилия?»

Действительно, социал-демократическая партия до последнего момента вела столь сильную агитацию против Женевских протоколов, что рабочие не сомневались, что они никогда не станут законом. От социал-демократической партии зависело сделать невозможным осуществление «Женевской санации», враждебной народу. Она могла запросто достичь этого, проголосовав в парламенте против протоколов, не говоря уже о парламентской обструкции и внепарламентских боевых выступлениях. Но, как всегда в таких случаях, словесный радикализм социал-демократической партии лишь маскировал ее реформистскую политику. При голосовании о принятии чрезвычайных законов, необходимых для одобрения протоколов, депутаты — социал-демократы воздержались и таким образом сделали возможным ратификацию Женевских протоколов.

Тем самым еще раз на поворотном этапе австрийской политики капитуляция лидеров социал-демократии вывела буржуазию из тупика, стабилизировала ее господство. Последствия этого легли всей тяжестью на плечи трудящихся. Но и сама социал-демократическая партия позднее была вынуждена заплатить высокую цену за пагубность своей политики.

Вывод, сделанный 5-м съездом Коммунистической партии Австрии (март 1922), сохранил свое историческое

значение. «Социал-демократическая партия будто находилась в оппозиции. Выступая на словах, а иногда выдвигая предложения и голосуя как противник буржуазии, социал-демократическая партия на деле соблюдает благожелательный нейтралитет в отношении буржуазного правительства, который зачастую доходит до его неприкрытой поддержки. Социал-демократическая партия одобряла и поддерживала важные мероприятия буржуазного правительства в области финансов и экономической политики, которые возложили на рабочий класс огромное бремя, ведут к его обнищанию. Решающим для характеристики отношения социал-демократической партии к классу капиталистов в Австрии было то, что она с полным сознанием и всей своей энергией старалась удержать рабочий класс от борьбы вместо того, чтобы повести его на борьбу против буржуазии».

Это было прообразом тактики, использованной социал-демократической партией через десять лет, когда она с помощью радикальных фраз удерживала рабочих от сопротивления установлению австрофашистской диктатуры Дольфуса. Естественно, согласие социал-демократов на «Женевскую санацию» не было оценено буржуазией. Она считала этот акт тем, чем он был в действительности, — трусливой капитуляцией. Зейпель понял теперь подлинную цену угроз социал-демократов и мог, ничего не опасаясь, систематически подрывать позиции социал-демократии в Первой республике. Отто Бауэр смиренно констатировал позднее в книге «Австрийская революция 1918 года», что Женевские протоколы «одним ударом изменили соотношение классовых сил». «Женевское санирование» действительно стало поворотным пунктом. Его осуществление создало предпосылки для относительной стабилизации капитализма в Австрии. В середине 1923 г. инфляция была ликвидирована, стабилизирован курс австрийского шиллинга, который был введен вместо кроны, приведен в порядок бюджет. Сельское хозяйство стало давать больше продукции. Выступая под лозунгом рационализации, австрийские промышленники старались значительно повысить производительность труда. Она возросла, например, в угольной промышленности с 0,4 т на одного рабочего в смену в 1918 г. до 0,52 т в 1924 г. и до 0,94 т в 1927 г. Соответствующие цифры добычи железной руды составили 2,10, 2,28 и 3,48 т. Производство стали на

рабочего в год возросло с 178 до 254 т, а затем до 341 т. При этом, однако, в Австрии долгое время существовала безработица. Официальные цифры безработных всегда были недостоверными, потому что к ним следовало прибавить десятки тысяч людей, работавших неполный день, а также лиц, лишенных пособий по безработице. Официальная цифра безработных составила в январе 1927 г. 300 тыс.

Коммунисты мобилизовывали рабочих на создание единого фронта борьбы против последствий «санирования» и против реакции. Они старались создать этот единый фронт снизу, но обратились также к руководству социал-демократической партии с предложением провести 1 Мая по всей стране силами двух рабочих партий Австрии совместную демонстрацию. Эта демонстрация должна была показать боевую волю партий к созданию единого фронта пролетариата, потребовать предоставления полных прав производственным советам, выступить в защиту восьмичасового рабочего дня, за Советскую Россию, против обнищания пролетариата, военной опасности и фашизма. Социал-демократическая партия вообще не ответила на это письмо. Тем не менее компартии удалось добиться, что в некоторых промышленных городах рабочие — коммунисты и социал-демократы — совместно участвовали в первомайских демонстрациях.

В 1926 г. произошла серия банкротств небольших и средних банков, основанных главным образом дельцами из провинций и буржуазными политиками. Пострадали при этом трудящиеся, поскольку владельцы банков израсходовали деньги вкладчиков на различные спекуляции. В конечном итоге вместо многих мелких и средних банков остались лишь четыре крупных. Это были: «Эстеррайхисхе Кредитанштальт фюр Хандель унд Гевербе», принадлежавший банкирскому дому Ротшильдов, «Нидерэстеррайхисхе эсконтгезельшафт», «Винер Банкферайн» с итальянским и германским капиталом, а также «Эстеррайхисхе Боденкредитанштальт» во главе с финансистом Рудольфом Зигхардом, который в период монархии был придворным банкиром Габсбургов.

Австрийская социал-демократия в течение всего времени существования Первой республики изображала буржуазию Австрии слабой и не имеющей влияния. Действительно, она была численно невелика, но зато очень влия-

тельна в экономическом отношении. Благодаря международному переплетению капитала и связанной с ним аристократии буржуазия Австрии была достаточно сильна, чтобы, используя все средства, осуществить свою цель — остаться у власти. По мере укрепления ее экономической власти усиливалась и присущая каждой буржуазии в период империализма тенденция к реакции и отмене демократии. Это доказал еще В. И. Ленин в своем основополагающем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма». Буржуазия стремилась ликвидировать политические и социальные завоевания рабочего класса, пренебрежительно называя их «революционным мусором».

Избранный в 1924 г. генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Австрии Иоганн Коплениг справедливо констатировал в речи 1 Мая 1924 г.: «Наступление капитала в экономической сфере дополняется усилением реакции в политической области». Программа капитала не в последнюю очередь предусматривала устранение влияния рабочего класса на фольксвер, которое было характерным для первых послевоенных лет. После образования первого буржуазного кабинета деятель Христианско-социальной партии военный министр Карл Вогуэн реорганизовал армию и постепенно превратил ее в надежный инструмент правительства, направленный против рабочего класса. Используемые им на первых порах методы были просты и «легальны». После 1924 г. вместо выбывающих из фольксвера военнотружеников рекрутировалось все больше «верных государству людей» из деревень или из среды буржуазной интеллигенции. В офицеры производились не заслуженные солдаты, а кадры старой австро-венгерской армии.

В то же время наряду с использованием легальных и парламентских методов буржуазия начала прибегать к средствам внепарламентской борьбы. Так же как в Германии, Италии и других соседних странах, австрийская буржуазия всячески поддерживала реакционные фашистские вооруженные формирования. Подобные организации различных видов и наименований были созданы в отдельных землях (провинциях) Австрии и развернули там борьбу против рабочего движения.

Зарождение фашистских вооруженных организаций относится к октябрю 1918 г. Венская газета «Нойе Фрайе прессе» сообщала 2, 4 и 5 ноября 1918 г. о создании в Вене, Зальцбурге и Инсбруке отрядов «обороны граждан» для защиты частной собственности, а также об организации полицейской службы на вокзалах Вены силами 500 студентов из буржуазной среды. Статс-секретарь внутренних дел доктор Матайя пытался создать из буржуазных элементов отряды государственной охраны как своего рода противовес фольксверу. В этих реакционных союзах собирались также старые офицеры. В провинциях под самыми различными названиями создавались местные «добровольные» вооруженные формирования. Это были, например, союзы обороны граждан общин и поселенных пунктов в Тироле, союз самообороны в Нижней Австрии, отряды по охране полей и лугов в Верхней Австрии. Позднее они были объединены в союзы защиты родины (хеймвер). Кроме того, имелись монархистские союзы фронтовиков и различные другие мелкие организации. Членами всех этих объединений были мелкобуржуазные и деклассированные элементы, во главе которых стояли аристократы, буржуазные политики, а также потерявшие службу офицеры. Эти люди стали заниматься политикой потому, что не могли найти себе места в гражданской жизни. Хеймвер был для них своего рода эрзацем утраченной власти.

Значение этих союзов не выходило сперва за местные рамки, причем в промышленных центрах они играли весьма незначительную роль. В то время эти организации не могли бы воспрепятствовать демократическому и социалистическому развитию страны. На первых порах они не отмежевывались от буржуазных политических партий, напротив, выступали в качестве их вспомогательных отрядов, без собственной политической программы. Эти союзы были вооружены оружием, оставшимся после первой мировой войны. Австрийский канцлер Шушниц в своей книге «В борьбе против Гитлера» цитировал один архивный документ. В нем говорилось: «Речь шла о пехотном оружии, которое было выдано из запасов, оставшихся после демобилизации, и роздано специальной межсоюзнической военной комиссией различным организациям

гражданской и народной обороны, предприятиям, железнодорожным учреждениям, военным властям и другим. По имеющимся данным, на 30 ноября 1918 г. было распределено, в частности, 1156 пулеметов, 80 345 винтовок, 13 627 карабинов и значительное количество патронов для винтовок»¹.

Позднее эти реакционные военизированные союзы значительно пополнили свои запасы из государственных фондов, действуя легальным путем. Как признавал в своих военно-политических воспоминаниях Юлиус Дейч, он сам этому способствовал. Более того, его военное ведомство направляло военизированным союзам винтовки и патроны. Хеймверовские отряды усиливали свое вооружение и пелегально, хотя не без ведома реакционного государственного аппарата, который терпел подобные действия.

Руководитель хеймвера граф Рюдигер Штаремберг с удовольствием рассказывал в мемуарах, как хеймвер похитил 21 горную гаубицу в Тироле. Юлиус Дейч, напротив, сообщил в 1936 г., что 22 орудия, украденных из государственного арсенала в Крамзахе (Тироль), предназначались для хеймвера². При этом вице-бургомистр Инсбрука социал-демократ Рапольди взял на себя обязательство «немедленно прекратить публикацию газетных статей о хищениях вооружения, причем он действовал в соответствии с патриотическими убеждениями, считая, что такие статьи могли бы нанести австрийскому государству ущерб в отношениях с Антапой!»³.

Другие виды оружия хеймвер захватил в Инсбруке. Около 4000 винтовок и большое число пулеметов хеймверовцы провезли на глазах у властей через границу контрабандой из Баварии.

После кровавого подавления рабочего класса в 1934 г. Юлиус Дейч раскрыл, каким путем хеймверовские отряды вооружались «сразу же после переворота в 1918 г.». «В то время,— писал Дейч,— они заставили о себе много говорить в Тироле, а также в Штирии и Каринтии. Большие государственные склады были ограблены хеймверовцами. Каждый знал преступников. Судам были сообщены

---

¹ Kurt Schuschnigg, Im Kampf gegen Hitler, Wien, 1969, S. 93.

² См.: «Dokumente zum Wiener Schutzbundprozeß», Karlsbad, S. 3.

³ Там же, стр. 5.

их имена, но, несмотря на это, никто из похитителей оружия не был задержан хотя бы на 24 часа. В то же время каждый рабочий, у которого находили оружие, отправлялся на месяцы в тюрьму»¹. Юлиус Дейч «забыл», однако, упомянуть, что все это проходило на глазах у правительства, канцлером в котором был его товарищ по партии Реннер, а он сам — сначала заместителем статс-секретаря, а затем вскоре статс-секретарем по военным делам. Реннер пытался позднее защитить себя, заявляя: «Нижестоящие власти не повиновались, государственных средств принуждения почти не было, а оккупанты [имелись в виду комиссии Антанты. — А. Р.] не относились серьезно к своим делам»².

Как дополнительно сообщил позднее Ю. Дейч, из государственного склада оружия в Хермагоре (Каринтия), например, были похищены для хеймвера весной 1921 г. 12 пушек, 1400 винтовок и 40 пулеметов с патронами.

Глава правительства Штирии, член Христианско-социальной партии Антон Ринтелен, который позднее перешел к нацистам, вспоминает, как он, применяя «нелегальные средства, оправданные высокой идеей», помог штирийскому хеймверу с помощью подложного приказа военного командования Граца получить «...около 17 000 винтовок и соответствующее число патронов к ним, 286 пулеметов, 12 орудий, около 1000 пистолетов... и даже самолеты»³.

Вмешательство извне

С самого начала австрийские реакционные союзы находились под влиянием подобных им организаций в Германии, получали оттуда указания и инструкции. Так, например, в начале 1920 г. в Линц прибыл майор, направленный баварским союзом «Оргеш». Эта организация, во главе которой стоял советник лесничества Эшерих, принимала активное участие в подавлении Баварской советской республики. Ее представитель действовал в Линце в качестве специалиста и советника во время создания отрядов самообороны в Верхней Австрии.

¹ Julius Deutsch, Der Bürgerkrieg in Österreich, 1934, S. 15.

² K. Renner, Österreich von der Ersten zur Zweiten Republik, Wien, 1935, S. 69.

Anton Rintelen, Erinnerungen an Österreichs Weg, München, 1941, S. 129—130.

Из германского рейха прибыл также организатор подобных союзов — майор Вальдемар Пабст, один из главных виновников убийства основателей Коммунистической партии Германии — Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Он действовал в 1920 г. в Тироле, а затем, с 1922 по 1930 г., — в рамках всего хеймвера. Биограф германского министра иностранных дел Густава Штресемана, Аннелизе Тимме, сообщила пикантную деталь: Пабсту платили из фондов германского министерства иностранных дел. Круги германского рейхсвера были также заинтересованы в усилении хеймвера в Австрии. Третьей стороной в этом союзе была белогвардейская Венгрия. Эта связь трех контрреволюционных сил стала настолько тесной, что в 1920 г. планировалось совместное выступление против правительств в Берлине и Вене.

Согласно плану действий, разработанному Людендорфом, хеймверовцы при поддержке засланных отрядов из бригады Эрхардта должны были организовать правый путч, после чего планировалось оккупировать Австрию баварскими и венгерскими войсками. При этом предусматривалось не только самое жестокое подавление австрийского рабочего движения, но и создание исходной базы для военных операций против Чехословакии и Польши. Таким образом, все эти планы были чреваты опасностью новой мировой войны. Лишь после создания в Австрии в 1920 г. чисто буржуазного правительства и провала путча Гитлера и Людендорфа в 1923 г. эти планы были преданы забвению.

Когда во главе хеймвера стал крупный землевладелец Рюдигер фон Штаремберг, то он вложил много собственных и заимствованных средств в вооружение этой своей частной армии, а также получал деньги и оружие от Муссолини и премьер-министра Венгрии Иштвана Бетлена. Обращаясь к Муссолини, Штаремберг охарактеризовал хеймвер как «буржуазную компанию по страхованию от взлома, своего рода милицию для защиты частной собственности буржуазных и крестьянских кругов от возможных посягательств или же от коммунистических атак»¹. Вместе с Гембешем, сменившим Бетлена,

---

¹ E. R. Starhemberg, Memoiren, Wien — München, 1971, S. 77.

Штаремберг доставил контрабандным путем из Италии в Австрию австрийские ружья, захваченные итальянцами в период первой мировой войны.

*Социал-демократия недооценивает
фашистскую опасность*

По мере усиления итальянского фашизма, особенно после того, как он в ноябре 1922 г. пришел к власти, его влияние на хеймверовское движение в Австрии увеличилось. Хеймверовцы Зальцбурга изучали, например, итальянский язык, чтобы, приехав в Италию, иметь возможность наглядно изучить фашистскую систему в действии.

Социал-демократическое руководство затушевывало социальные корни фашизма, изображало его как движение, независимое от класса капиталистов, что вводило рабочий класс в одно из самых опасных заблуждений. Отто Бауэр называл фашизм господством люмпен-пролетариата, а Реннер на съезде социал-демократической партии в 1927 г. сказал: «Фашистской гражданской войны... хотя только отслужившие пособники старой власти, которые снова хотели бы взять ее. Это небольшая группа, которая использует равновесие классов для подавления обоих классов» [подчеркнуто мной. — А. Р.]. Лишь коммунисты разоблачали в глазах рабочих классовый характер фашизма как наиболее зверской террористической диктатуры крайне реакционных, самых шовинистических и империалистических кругов финансового капитала. Фашизм являлся инструментом господствующих классов, он был возвращен ими.

Канцлер Зейпель симпатизировал хеймверовскому движению, видя в нем дополнительное средство для укрепления буржуазной государственной власти, в борьбе против рабочего класса. Зейпель был заклятым врагом демократической республики, поскольку он не видел в ней гарантии против взятия власти рабочим классом. Будучи верным и фанатичным слугой католической церкви, Зейпель не мог простить республике удаления с трона самого мощного союзника церкви — Габсбургской монархии, того, что республика не была в состоянии ограничить антиклерикальную пропаганду. Он считал образцом авторитарное государство итальянского фашизма и потому всеми

средствами поддерживал хеймверовское движение. Именно Зейпель заботился об оказании финансовой помощи хеймверу из средств крупной австрийской буржуазии.

Социал-демократические лидеры удерживали рабочих от эффективных контрдействий. Они не только преуменьшали фашистскую опасность, но в ряде случаев шли на прямое сотрудничество с хеймверовскими организациями. Юлиус Дейч сам опубликовал протоколы переговоров, которые велись с декабря 1925 г. по февраль 1926 г. по вопросу о военном сотрудничестве социал-демократического шутцбунда и хеймвера с военным командованием Тироля на случай возможного нападения итальянских войск¹. На глазах у буржуазного правительства ускоренными темпами шло вооружение фашистов. Крупная буржуазия, испытывавшая сначала некоторое недоверие к фашистам, вскоре убедилась в их пользе. По предложению заместителя главы правительства Штирии д-ра Арера союз промышленников выделил в марте 1921 г. субсидии штирийскому хеймверу в размере 5 млн. крон ежегодно. 2 млн. из них платили промышленники, 2 млн. — банки и 1 млн. — землевладельцы. Бывший канцлер Штрерувиц, деятель Христианско-социальной партии, в книге «Потоп в Австрии» писал, что союз промышленников на своей конференции 1 декабря 1921 г. принял решение о финансовой поддержке хеймвера, добавив при этом: «Промышленники действительно никогда не отрицали того, что выделяли солидные денежные суммы для укрепления хеймверовского движения». Они выдавали хеймверу 1% от выплачиваемой рабочим заработной платы.

*Коммунисты своевременно
предупреждают*

Австрийские коммунисты первыми сигнализировали об опасности фашизма в Австрии. Они призывали рабочих развернуть борьбу против фашистских организаций и разгромить их, пока они еще не набрали силу. Коммунисты предлагали проводить акции протеста против провокаций фашистов. Компартия считала фашистскую

См.: «Dokumente zum Wiener Schutzbundprozeß», S. 13—23.

опасность главной проблемой и призывала социал-демократическую партию совместно бороться против этой угрозы¹.

Борьба Коммунистической партии Австрии получила международную поддержку. Резолюция IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала (ноябрь — декабрь, 1922) предупреждала об опасности фашизма. При этом среди многих стран, в которых существовала эта угроза, была названа также Австрия. Конгресс записал по этому поводу: «Одна из важнейших задач коммунистических партий состоит в том, чтобы организовать сопротивление против международного фашизма, стать во главе всего рабочего класса в борьбе против фашистских банд и энергично применять также и в этой области тактику единого фронта...»²

Хеймверовцы и другие фашистские организации в Австрии были еще очень слабы, чтобы по примеру итальянских фашистов пытаться захватить государственную власть и установить фашистскую диктатуру в стране. Однако они поддерживали наступление капитала, совершая террористические акты и убийства рабочих и их функционеров. Длинный список убитых возглавил 44-летний социал-демократ, член рабочего Совета венского района Хитцинг Франц Бирнеккер, погибший 17 февраля 1923 г. от рук монархистов. Газета «Арбайтер цайтунг» 19 февраля пригрозила по этому поводу: «Бандиты не уйдут от ответственности... Рабочие найдут пути и средства, чтобы снова восстановить порядок. Те, кто с оружием в руках выступает против рабочих, будут разгромлены». Однако убийцы Бирнеккера были приговорены к незначительным срокам тюремного заключения. Во время процесса против них в мае 1923 г. нацисты застрелили молодого железнодорожника из Фаворитена Карла Штиля. И снова венский бургомистр Зейц клятвенно заверял, что Штиль станет последней жертвой. Однако его убийцы были оправданы. 29 сентября того же года в местечке Шпиллерн, неподалеку от Корнёйбурга, фашистами были убиты молодые рабочие Коварик и Виммер, причем убийцы также были оправданы.

---

¹ См.: «Die Rote Fahne», 21. II. 1922; 23. II. 1922; 12. I. 1923; 24. I. 1923; 23. II. 1923.

² «Thesen und Resolutionen des IV Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», Hamburg, 1923, S. 11.

*Основание
«Республиканского шуцбунда»*

В апреле 1923 г. социал-демократическая партия основала «Республиканский шуцбунд», который продолжил традиции органов службы порядка, имевшихся в прежних рабочих Советах.

Надо сказать, что в этой службе порядка работали также и коммунисты, тогда как шуцбунд с самого начала создавался как организация социал-демократической партии. Тем не менее компартия требовала от коммунистов «неприменно участвовать в боевых организациях пролетариата», превратить их в органы борющегося единого фронта.

Шуцбунд был вооруженной организацией. Однако из-за австромарксистского руководства он имел противоречивый характер. С одной стороны, шуцбунд должен был стать источником силы рабочего класса, гарантией его развития. С другой — шуцбунд создавал мнение, что борьба против реакции и фашизма не была делом всего рабочего класса, а задачей специально подготовленных отрядов. С одной стороны, он должен был удерживать буржуазию от применения крайних насильственных мер против рабочего класса, угрожая в противном случае ответить силой. С другой — шуцбунд использовался против революционных, поднявшихся на борьбу рабочих (например, 15 июля 1927 г.). Он был воспитан в духе слепого ожидания приказов сверху, что вело к пагубным последствиям, если учесть капитулянтскую политику австромарксистских лидеров.

*Компартия предлагает создать
единый фронт*

После убийства Бирнеккера компартия выступила за то, чтобы все рабочие организации развернули совместную борьбу против фашистской опасности. В одном из воззваний, обращенном ко всем рабочим и работницам, было, в частности, выставлено требование, чтобы весь рабочий класс через свои организации направил правительству ультиматум с требованием немедленно разоружить и распустить под контролем рабочих все белогвардейские,

реакционные террористические организации, удалить из вооруженных сил офицеров-монархистов и все реакционные элементы.

Коммунисты потребовали реорганизации службы порядка рабочих Советов, которая тогда еще существовала, превращения ее в подлинно революционную боевую организацию, ее вооружения в целях защиты свободы и жизни рабочих. Компартия организовала внушительные манифестации против фашизма. В ответ газета «Арбайтер цайтунг» жирными буквами напечатала на первой полосе решение социал-демократических руководителей о том, что участие в этих демонстрациях несовместимо с долгом социал-демократа.

Коммунистическая партия Австрии снова предложила 28 мая 1923 г. в открытом письме правлению социал-демократической партии создать «комитет действия против угрозы войны и фашизма». «Эту борьбу, — говорилось в обращении, — можно серьезно развернуть лишь в том случае, если будет установлен политический единый фронт». Социал-демократическая партия высокомерно ответила, что она «в состоянии на деле осуществить все политические задачи, которые необходимо решить в борьбе против угрозы войны и фашизма. Поэтому она не нуждается в специальном «комитете» для выполнения этих задач». Уже последующие годы показали, насколько несоответствующими действительности были эти слова.

Социал-демократическая партия возлагала меньше всего надежд на выступления рабочих против фашизма, а в большой мере — на завоевание 51% голосов избирателей на одних из предстоящих выборов в парламент. Это должно было, по ее мнению, обеспечить «мирный путь к власти», к социализму. В брошюре «Путь к власти», появившейся в 1924 г., Отто Бауэр утверждал: «Если нам удастся оторвать от буржуазных партий только 320 тыс. избирателей и привлечь их на свою сторону, то мы будем располагать абсолютным большинством в парламенте. Тогда мы сможем править Австрией. Цифры доказывают, что в течение немногих лет с помощью избирательного бюллетеня мы сможем добиться большинства и тем самым завоевать власть в республике, господство над республикой».

Большим своим козырем в этом деле социал-демократия считала полученное ею большинство в Вене, на осно-

ве которого она надеялась показать, чего могут добиться социалисты. Но коммунисты своевременно предупреждали о том, что все, что сделал венский муниципалитет в социальной области, в области жилищного строительства и культурной работы, не только не являлось «кусочком социализма», но и не было закреплено, пока власть оставалась в руках буржуазии.

Спустя 50 лет, наверное, излишне указывать на утопичность социал-демократического «пути к социализму». Социал-демократии не удалось в годы Первой республики достичь парламентского большинства. Единоличное правление Социалистической партии в годы Второй республики ни на шаг не приблизило осуществление социализма. Напротив, иллюзия насчет 51% голосов мешала рабочим своевременно выступить против фашизма. Но эта иллюзия, естественно, не помогала идти к власти. Напротив, она способствовала движению в ночь австрофашизма, по пути к потере независимости страны, к насильственной аннексии Австрии гитлеровской Германией и, наконец, ко второй мировой войне со всеми ее ужасными последствиями.

Линцская программа

Парламентские иллюзии австрийской социал-демократии нашли свое отражение в Линцской программе партии 1926 г., автором которой был Отто Бауэр. Она отличалась от программ большинства других социал-демократических партий тем, что содержала пункт, согласно которому в случае, если буржуазия «вопреки ожиданию» попыталась бы средствами насилия воспротивиться превращению капиталистического общества в социалистическое, то «рабочий класс был бы вынужден сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры».

Этот пункт программы широко использовался Зейпелем и всей реакцией для того, чтобы приписать социал-демократической партии стремление к диктатуре пролетариата и изобразить Линцскую программу как «признание большевизма». Даже в наши дни реакционная историография пытается снять с Дольфуса и Шушница вину за преступления, совершенные ими 12 февраля, ссылаясь на то, что они, мол, должны были не допустить установления диктатуры пролетариата. На деле же Линцская программа обязывала действовать в рамках обычной

буржуазной парламентской демократии, принимать решения на основе избирательного бюллетеня. В программе подчеркивалось: «Она [социал-демократическая партия. — А. Р.] завоюет государственную власть путем решения, вынесенного всеобщим избирательным правом». В случае возникновения «равновесия сил» социал-демократическая партия высказывалась в этой программе за коалицию с буржуазией.

Конечно, в наши дни превращение Советского Союза в самую сильную мировую державу, создание социалистической мировой системы, растущий размах классовой борьбы в капиталистических государствах и усиление антиимпериалистического движения в развивающихся странах создают предпосылки для возможности мирного пути к социальной революции. Однако путь, указанный в те годы австрийской социал-демократической партией, был чистой иллюзией, тем более что партия ограничивалась лишь использованием чисто парламентских методов борьбы.

К тому же социал-демократия предостерегала от применения насилия, широко расписывала его ужасы с тем, чтобы отбросить даже мысль о возможности к нему прибегнуть. Разве можно считать воспитанием в духе готовности к отпору предупреждение, сделанное Отто Бауэром в одной из его речей: «Насилие означает гражданскую войну... И тот, кто пережил этот ужас, кто видел, как рядом с ним умирали в окопах люди, кто видел на площади разорванные, истекавшие кровью тела, тот должен воздерживаться легкомысленно говорить о насилии».

Ученик Отто Бауэра социал-демократ Отто Лейхтер, работавший редактором, в книге «Австрия, 1934», вышедшей в 1935 г. в Швейцарии под псевдонимом «Пертинакс», писал о выступлении Бауэра: «Он столь наглядно изображал опасности, что в момент, когда нужно было вдохновить широкие массы на восстание, эти речи, исполненные высокой моральной ответственности, которые должны были предупредить кровопролитие, оказались столь эффективными, что многие отшатнулись перед ужасами восстания и гражданской войны и оставили в одиночестве сражавшихся шуцбундовцев...»¹

Фраза о «диктатуре» в Линцской программе не имела ничего общего с марксистским пониманием диктатуры

¹ Pertinax, Österreich, 1934, Zürich, 1935, S. 36—37.

пролетариата. По существу она выражала лишь право на защиту буржуазно-демократической конституции, как это записано прямо или косвенно в конституции любого буржуазного государства.

Упоминание о возможном установлении диктатуры с самого начала было ни к чему не обязывающим реверансом в сторону леворадикальных рабочих, с тем чтобы предотвратить их переход к коммунистам. И Линцская программа успешно достигла этой цели: она привязала сотни тысяч честных, революционно настроенных рабочих к социал-демократической партии Австрии.

Убийство в Шаттендорфе

Отвечая на критику коммунистами Линцской программы, Фридрих Адлер писал в ноябре 1926 г. в теоретическом органе социал-демократической партии журнале «Дер кампф»: «Одной из важнейших предпосылок понимания партийной программы является та, что в Австрии буржуазия уже потеряла свою вооруженную власть [влияние в армии и в полиции. — *Перев.*]». Но прошло немногим более полугода, как события 15 июля 1927 г. показали всю беспочвенность этого утверждения, ставшего аксиомой политики социал-демократической партии. Оправдались предостережения, сделанные Йоганном Копленигом. На венской партийной конференции в 1925 г. он говорил: «Если мы не сможем мобилизовать массы против реакции и фашизма, то появится опасность, что реакция разобьет рабочий класс прежде, чем он начнет борьбу».

События 15 июля 1927 г. начались с того, что бывшие фронтовики-монархисты застрелили 30 января 1927 г. в бургенландском пограничном городке Шаттендорф после демонстрации шудбундовцев сорокалетнего социал-демократа, инвалида войны Матиаса Чмарица и девятилетнего Иозефа Грессинга. Сразу же после этого рабочие заводов ФИАТ во Флоридсдорфе, Сименс-Шуккерта, а также других предприятий начали забастовку. Бургомистр Вены Карл Зейц заклинал: «Это преступление должно быть отмщено!» В день похорон жертв Шаттендорфа, 2 февраля 1927 г., была объявлена 15-минутная всеобщая стачка «в память погибших, реакции в предостережение». Но в Тироле случилось происшествие, небывалое до сих пор в Австрийской республике. Тирольский

хеймвер заявил, что намерен силой оружия воспрепятствовать маршу рабочих в Инсбруке, после чего социал-демократическая партия отменила это выступление. Эта победа придала мощный импульс фашистскому хеймверовскому движению. Социал-демократическая партия, как всегда, призвала своих членов сохранять дисциплину.

Выдача оружия из Арсенала

Еще большее возмущение вызвала попытка военного министра Вогуэна конфисковать 2 марта 1927 г. оружие, которое с 1918 г. находилось в венском Арсенале под контролем рабочих. Тайник, где лежало это оружие, выдал социал-демократ капитан Марек. Будучи командиром венской городской охраны, он был одним из главных виновников кровавой расправы на Хёрльгассе 15 июня 1919 г. Однако рабочие стихийно оказали сопротивление, вооруженные шувбундовцы забаррикадировались в Арсенале. К вечеру 2 марта готовые к борьбе шувбундовцы и несколько рот солдат стали друг против друга. Председатель союза металлистов Домес сообщил полицейскому-президенту о решении начать забастовку рабочих электростанций. Солдаты вынуждены были не солоно хлебавши отступить. Компартия предупредила в изданной 4 марта листовке, что события в Арсенале могут повториться. «Нет ничего опаснее, чем недооценка фашистской угрозы. Но австрийский рабочий класс еще достаточно силен для того, чтобы всерьез покончить с фашистами».

Через три дня повторилась та же ситуация, с тем же результатом. 8 марта 1927 г. Центральный комитет Коммунистической партии Австрии еще раз предложил в открытом письме правлению социал-демократической партии организовать совместную борьбу против реакции, «События в Шаттендорфе и в Арсенале убедительно показывают, — писал ЦК КПА, — что австрийский фашизм намерен нанести удар». Компартия предложила поддержать на выборах список кандидатов — социал-демократов «при сохранении полной самостоятельности в агитации и политической деятельности, не требуя мандатов или других «компенсаций», при условии, если социал-демократическая партия возьмет на себя обязательство развернуть решительную борьбу против фашизма. «Коммунисти-

ческая партия Австрии хочет лишь одного — совместной решительной борьбы трудящихся масс против фашистского наступления буржуазии», — говорилось в открытом письме.

Социал-демократическое руководство снова отклонило предложение компартии, ссылаясь на то, что, мол, «единство рабочего класса» уже и без того осуществлено в рядах социал-демократии. В газете «Арбайтер цайтунг» Отто Бауэр писал, будто социал-демократическая партия «на 90% является большевистской» и поэтому якобы нет никакой необходимости в существовании самостоятельной коммунистической партии в Австрии. Отто Бауэр оспаривал также наличие фашистской угрозы.

Итоги выборов в апреле 1927 г. как будто подтвердили прогнозы Отто Бауэра. Социал-демократическая партия получила дополнительно 228 тыс. голосов (в целом 42,3% всех голосов). Ее политика, казалось, торжествовала. Напротив, компартия, процесс консолидации которой еще не закончился, получила только 16 тыс. голосов. Но, с другой стороны, ослабление Христианско-социальной партии лишь укрепило ее стремление применять внепарламентские методы борьбы.

Одним из первых шагов социал-демократического руководства была выдача из Арсенала оружия, чему до сих пор успешно препятствовали рабочие. Эта капитуляция лицемерно обосновывалась тем, что капитан Марек пригрозил «выдать Антанте остальные известные ему склады оружия». Поэтому «даже члены Христианско-социальной партии были якобы рады договориться с социал-демократами насчет удаления оружия из Арсенала и размещения его в других тайниках»¹. При этом замалчивалось, что оружие теперь находилось в распоряжении правительства — для подавления рабочих. 2 марта армия приняла 12 000 винтовок, затем 17, 18 и 20 мая 1927 г., «без особых трений», еще 20 000 винтовок, 665 пулеметов, 400 000 боевых патронов и 20 000 переделанных карабинов итальянского образца.

Газета «Роте фане» сообщила под крупным заголовком: «Запасы оружия переданы из Арсенала правительству на основе соглашения между социал-демократическими лидерами и Вогуэном». Она писала: «В ночь со вторника на среду находившиеся еще в Арсенале запасы ору-

---

¹ J. H a n n a k, Karl Renner und seine Zeit, S. 377.

жия были взяты и увезены правительственными властями. Выдача оружия — результат соглашения между правительством и социал-демократической партией. Обе стороны обязались хранить молчание. Полностью сознавая свою ответственность, мы сообщаем об этом чудовищном факте рабочему классу, который хотя и оставить в неведении. Речь идет не больше и не меньше, как о добровольной выдаче того остатка военного снаряжения, которое еще не находится в руках врагов рабочего класса... Пожалуй, никогда еще суровое и четкое слово «предательство» не было столь подходящим, как в этом чудовищном случае, когда рабочий класс был выдан на произвол буржуазии».

Вывоз оружия из Арсенала был важным звеном в цепи отступлений и капитуляций, которые материально и морально ослабляли боеспособность рабочих и в конечном итоге привели к поражению в феврале 1934 г. Отто Лейхтер весьма точно охарактеризовал суть этой политики. Он писал: «Эпизод с оружием весной 1927 г. отразил одну из особенностей социал-демократической политики: сперва грозить самым серьезным сопротивлением, но в конечном итоге все же вести переговоры. Затем, при уже изменившейся обстановке, согласиться на большую часть тех пунктов, из-за которых ранее высказывалась угроза оказать решительное сопротивление»¹.

Трагедия 15 июля 1927 г.

Для проведения такой политики нужна была предпосылка — чтобы рабочие строго придерживались дисциплины социал-демократической партии и, безусловно, не принимали всерьез ее радикальные фразы. Но 15 июля 1927 г. руководству социал-демократии не удалось этого добиться.

14 июля суд присяжных оправдал трех фашистских убийц из Шаттендорфа. После этого уже не было силы, которая могла бы удержать венский пролетариат от взрыва негодования. Для него это было не только конкретным поводом, это была капля, переполнившая чашу терпения. Слишком много горечи уже накопилось, слишком много опасений вызывало будущее.

---

¹ Pertinax, Österreich 1934, S. 44.

Но и на этот раз отсутствовала сила, которая могла бы направить возмущение масс по организованному пути. Коммунистическая партия не имела достаточно прочных позиций в массах. Социал-демократическая партия бросила рабочих на произвол судьбы. Когда члены производственного совета электростанции направились около полуночи в правление социал-демократической партии за директивами, там царило полное смятение. Хотя Отто Бауэр находился в редакции газеты «Арбайтер цайтунг», ему посоветовали не принимать делегацию. На этом настаивал Юлиус Браунталь, в то время редактор социал-демократической массовой газеты «Клайне блатт». «Что ты скажешь людям? — говорил Браунталь. — Они возбуждены, и не твое дело их успокаивать. Но, с другой стороны, ты не можешь одобрить, если они в своей ярости захотят выйти за рамки дозволенного. Нельзя брать на себя ответственность за такие вещи». Членов производственного совета принял только главный редактор «Арбайтер цайтунг» Фридрих Аустерлиц, который зачитал им свою передовую статью для следующего номера газеты.

Статья буквально подлила масла в огонь, но не содержала какого-либо призыва. В тот летний вечер партия не хотела дать лозунг на следующий день. «Ничего не случится — таково было мнение...» — писал через семь лет Отто Лейхтер. Шудбунд также не был мобилизован. Руководство социал-демократической партии точно знало, что, действуя таким образом, оно вызовет стихийную, неорганизованную демонстрацию. Отто Бауэр сказал позднее, выступая в парламенте 26 июля 1927 г.: «Первой мыслью было сказать: давайте не будем ждать, пока произойдет стихийная демонстрация, а проведем сами такую демонстрацию, приняв все меры к тому, чтобы не нарушить порядок... Но были серьезные сомнения против проведения такой демонстрации...»

Более позднее обоснование, что, мол, нельзя заставлять массы демонстрировать против приговора суда присяжных, было в корне лживым. Подлинную причину назвал в своих неопубликованных воспоминаниях депутат парламента социал-демократ д-р Вильгельм Элленбоген. Он оценивает как банкротство партии тот факт, что ее руководство сознательно оставило демонстрантов на произвол судьбы, боясь, что такая демонстрация, организованная в рабочий день, может перерасти во всеобщую

стачку, а затем в гражданскую войну. Со стороны ведущих социал-демократов высказывался позднее упрек в адрес руководства партии, поскольку оно лишь хотело показать буржуазии, что без содействия социал-демократии невозможно удерживать массы в узде, в рамках порядка. «Соображение выглядело так: прекрасно, пусть реакционеры разок увидят, что произойдет, если партия не выступит со своим посредничеством...»¹ — писал Ханнак. Однако социал-демократическое руководство недооценивало возмущения масс.

Полиция против демонстрантов

Утром 15 июля рабочие электростанции начали забастовку и направились во внутреннюю часть города. К ним присоединились рабочие других предприятий, и вскоре по Рингу двинулась мощная демонстрация. Неподалеку от парламента, на Шмерлингплац, демонстрация столкнулась с небольшим отрядом полицейских. Рабочие прогнали их. Тогда полицей-президент Шобер направил против мощной демонстрации конную полицию. Полицейские обнажили сабли и атаковали демонстрантов, которые оказали сопротивление. Ранение многих демонстрантов ударами сабель вызвало взрыв ярости масс. Часть демонстрантов достигла Дворца юстиции и построила баррикады из садовых скамеек, заборов, железных решеток и строительных лесов. Оружием рабочим служили лестницы, доски, сучья и камни со строительства трамвайной линии. Газета «Нойе фрайе пресс» сообщила 18 июля: «Руководство перешло к молодым коммунистам, которые с этого момента разжигали толпу, возглавляли ее и своими действиями показывали пример... В конце концов конная полиция была вынуждена покинуть поле боя. Теперь весь район вокруг Дворца юстиции оказался в распоряжении толпы, руководство которой взяла на себя коммунистическая молодежь». Полицейские отступили во Дворец юстиции и оттуда открыли огонь по толпе. Крайне возбужденная толпа, считавшая Дворец юстиции символом классового судопроизводства, взяла его штурмом. Возмущение рабочих возросло еще больше, когда они обнаружили внутри этого дворца портреты и ста-

---

¹ J. H a n n a k, Im Sturm eines Jahrhunderts, S. 343.

туш императора, которые еще не убрали после почти девяти лет существования республики. Хранившиеся в здании дела были преданы огню, а сам Дворец юстиции подожжен. Рабочие атаковали близлежащие полицейские участки. Демонстранты взяли штурмом здание редакции органа Христианско-социальной партии газеты «Рейхс-пост», которая приветствовала оправдание убийц из Шаттендорфа как «само собой разумеющийся приговор».

Горел Дворец юстиции, горели полицейский участок на Лихтенфельштрассе и здание газеты «Рейхспост». Поскольку полиция была бессильна, Шобер собрался обратиться за помощью к военным, но венский бургомистр Зейц не дал на это согласия. Лишь теперь социал-демократическое руководство отдало приказ поднять по тревоге шуцбунд, однако без оружия. Шуцбундовцы были введены в действие, но не против полиции, а против рабочих. С риском для жизни шуцбундовцы спасали полицейских, находившихся в опасности. Вооруженные дубинками, они пытались проложить пожарным дорогу к горящему Дворцу юстиции, которым преграждала путь толпа. Такого в Вене еще никогда не было. В воспоминаниях Вильгельма Элленбогена, цитируемых Н. Лезером, весьма красноречиво говорится о растерянности социал-демократического руководства, о том, что оно, столкнувшись с взрывом народных страстей, испытывало презрение к чувствам масс. «Ярость этого взрыва свалилась на всех нас как неожиданное стихийное событие. Когда я увидел в парламенте — в клубе для социал-демократических депутатов — беснующихся людей, причем некоторые из них с пеной у рта валялись на полу, увидел избитых до крови полицейских и шуцбундовцев, истерически визжавших женщин, которые как безумные бегали взад-вперед, а вне парламента — обезумевшую, возмущенную толпу, которая избивала шуцбундовцев и не хотела слушать весьма популярного бургомистра Зейца, то у меня создалось впечатление, что я свидетель нового массового психоза».

Полицей-президент Шобер получил теперь от канцлера Зейпеля разрешение вооружить полицию винтовками и стрелять в демонстрантов. 600 полицейских были направлены к горящему Дворцу юстиции. Однако пожарные автомашины не смогли попасть к месту пожара вопреки всем усилиям социал-демократических руководителей — Зейца, генерала Кёрнера и Юлиуса Дейча. Несмотря на

то что на одном из пожарных автомобилей стоял сам бургомистр Зейц, они были вынуждены 14 раз возвращаться обратно. На 15-й под защитой отряда шущбупдовцев во главе с Юлиусом Дейчем эти автомашины прорвались наконец к Дворцу юстиции. В этот момент раздались залпы полицейских.

Вооруженные винтовками «манлихер», полицейские наступали двумя группами, одна — со стороны Бартенштайнгассе, другая — со стороны Беллариа. Около двух часов дня прозвучали первые залпы. Выстрелы раздавались то здесь, то там, и безоружную толпу охватила дикая паника. Безудержная стрельба продолжалась до 5 час. Без всякого предупреждения полиция стреляла по каждой группе демонстрантов. Полицейские переходили из одного переулка в другой и убивали людей как кроликов.

24 июля Отто Бауэр следующим образом излагал в парламенте ход событий: «Полиция двигалась по городу и стреляла, убитые и раненые падали на землю. Когда мы прибыли, чтобы спасти то, что еще можно было спасти, на нас накинудись самые спокойные и рассудительные рабочие с единодушным криком: «Дайте нам оружие, чтобы мы могли защищаться!»

*Социал-демократия бросает рабочих
на произвол судьбы*

Теперь, казалось бы, наступил момент выполнить старые обещания. Но руководство социал-демократической партии не хотело борьбы. Правление партии приняло решение не вооружать шущбунд, а отвести его. Тем самым демонстранты были отданы во власть разъяренной полиции. В течение двух дней полицейские расстреливали рабочих на улицах, как диких зверей. На мостовой остались 90 убитых и около тысячи раненых.

Отто Бауэр и его соратник журналист Юлиус Браун-таль оправдывали позднее отступление тем, что вооруженная борьба означала будто бы самоубийство, и Вена «неизбежно разделила бы ужасную судьбу Парижской коммуны». Но даже социал-демократы более молодого поколения отвергали такую аргументацию. Отто Лейхтер спрашивал: «Но разве это действительно было бы самоубийством, если бы рабочие оказали сопротивление

600 стрелявшим полицейским и тем самым быстро положили бы конец этой проклятой стрельбе?... Разве было бы самоубийством начать борьбу тогда, во время наивысшего размаха австрийского рабочего движения, в то время как позднее, в 1934 г. ...партия должна была отважиться на последний, решительный бой?»¹

Даже правый по своим взглядам Ханнак признает, что в тот день «еще можно было добиться победы», хотя тут же прибавляет в страхе, что «это был бы режим диктатуры». Но этот режим мог бы спасти Австрию от гражданской войны в 1934 г., от аннексии и участия во второй мировой войне.

Чтобы снова поставить массы под свой контроль, правление партии объявило 24-часовую всеобщую стачку и не ограниченную по времени забастовку на транспорте, пока правительство не выполнит его требований. Социал-демократия выставила три совершенно недостаточных условия: 1. Не усиливать реакционные мероприятия. 2. Предъявить обвинения лицам, ответственным за кровавую расправу. 3. Создать парламент.

Но даже эти три незначительных требования были полностью отклонены правительством.

Поражение рабочих

Зейпель настаивал, чтобы забастовка на транспорте была прекращена без всяких условий. При этом впервые в истории Австрии против бастовавших был использован хеймвер. Хеймверовцы Тироля заняли железнодорожный вокзал в Инсбруке. Руководство социал-демократической партии снова капитулировало. Забастовка на транспорте была 19 июля прекращена без каких-либо условий, под предлогом того, что «предотвращение новых планов реакции требует созыва парламента, а это будет возможно лишь после окончания забастовки на транспорте». Железнодорожники Инсбрука оказались более мужественными, чем их руководители, и приступили к работе только после отвода хеймверовцев.

Отто Бауэр заявил, что он был горд принести в «жертву престиж», чтобы спасти «страну от гражданской войны». Но это была вовсе не престижная жертва, а тяжелое

¹ Pertinax, Österreich 1934, S. 52.

поражение рабочего класса и серьезная победа реакции, которую она одержала из-за капитулянтской политики, проводимой социал-демократическим руководством. Избранный тогда в первый раз депутатом от Христианско-социальной партии д-р Курт Шупниг с полным правом мог торжествовать, произнося свою первую парламентскую речь. Он сказал, в частности: «Для нас представляет интерес тот факт, что впервые удалось подавить, по крайней мере частично, забастовку железнодорожников».

Руководство социал-демократии тем не менее старалось убедить массы в том, что события 15 июля были успехом его тактики. «Мы не были побеждены в борьбе, напротив, мы уклонились от борьбы», — утверждала 7 августа 1927 г. газета «Арбайтер пайтунг». Желая предотвратить повторение стихийных выступлений рабочих, социал-демократическая партия приняла решение реорганизовать «Республиканский шпубунд». В него стали принимать теперь только социал-демократов, имеющих партийный стаж не менее двух лет. Обращаясь к представителям Христианско-социальной партии, Вильгельм Элленбоген заявил 4 ноября 1927 г. в парламенте: «Всеобщая стачка 16 июля 1927 г., которую вы так сильно ругаете, была одним из средств — и за это вы должны нас благодарить, — направленных на то, чтобы новые взрывы возмущения не привели к кровопролитию. Тем самым вы были также спасены от больших бед». Член парламента социал-демократ Арнольд Эйслер высказался в парламенте еще более определенно. «Мы хотели тогда отвлечь рабочие массы от страстного желания вооружиться».

Всеобщая стачка прошла в Вене и повсеместно в Австрии. В провинции дело не дошло до каких-либо боевых выступлений. Только в Бруке-на-Муре рабочие под руководством секретаря социал-демократической партийной организации Коломана Валлиша взяли на себя заботу о поддержании порядка. Это дало реакции основание для обвинений, будто Валлиш хотел провозгласить в Бруке-на-Муре диктатуру Советов.

Коммунистическая партия уже утром 15 июля распространила листовки, в которых потребовала провести ряд мероприятий в целях борьбы против реакции: созвать конференцию членов производственных советов, объявить всеобщую стачку, выдать оружие рабочим и разоружить все фашистские организации, сместить военного министра

и полицей-президента, а также подчинить венскую полицию муниципальным властям. Вечером вышел экстренный выпуск центрального органа КПА — «Роте фане», в котором были опубликованы эти требования. Газета писала: «Что же следует делать? Одних демонстраций недостаточно. Австрийский рабочий класс достаточно силен, чтобы организовать самооборону. Мобилизуйте всех товарищей на предприятиях! Не поддавайтесь на уговоры, пока не будут полностью удовлетворены следующие требования:

Разоружение и роспуск всех фашистских организаций!

Долой Вогуэна! Долой Шобера!

Фашизм вооружен до зубов. Его поддерживают вооруженный государственный аппарат и опозорившаяся юстиция, он угрожает жизни рабочих. Если рабочий класс вовремя не разгромит фашизм, то он разгромит рабочий класс! Требуйте и добивайтесь вооружения рабочих на предприятиях!

Шуцбунд должен немедленно вступить в действие, но не для защиты полиции, а для защиты рабочих! Только для этого он существует! Зараженная фашистскими настроениями полиция пролила сегодня на улицах Вены кровь рабочих! Убийцы рабочих остались безнаказанными! Если вы хотите победить, то нужно продолжать забастовку и расширить ее, пока не будут полностью осуществлены жизненно важные требования рабочих! Требуйте немедленного созыва конференции представителей всех производственных советов предприятий Вены! Рабочие должны взять в свои руки руководство движением!»

Правление социал-демократической партии и профсоюзная комиссия ответили отказом на требования коммунистов. В опубликованном ими воззвании говорилось: «Провозглашенное коммунистами требование вооружить рабочий класс привело бы в настоящий момент непосредственно к гражданской войне. Гражданская война означала бы: 1) новые ужасные кровавые жертвы; 2) страшную экономическую катастрофу, голод и рост безработицы; 3) в аграрных провинциях, где социал-демократия слаба, пролетариат стал бы жертвой местных вооруженных фашистов; 4) возникла бы величайшая опасность для целостности республики».

Весь ход последующих событий показал несостоятель-

ность этой трусливой аргументации. Гражданской войны не удалось избежать, она позднее была развязана австро-фашизмом, причем в условиях, гораздо более неблагоприятных для рабочего класса.

Месть буржуазии

Победа пробудила у буржуазии жажду мести. Расстрел почти 100 человек был отпразднован как большой успех и рассматривался как героический акт. Зейпель заявил: «Этот успех трудно переоценить, его значение признается всеми верными государству гражданами нашего отечества и, кроме того, влиятельными силами за границей. Этот успех будет достойно оценен историей Австрийской республики; его следует отнести за счет того, что дирекция полиции Вены вновь показала себя в качестве самой прочной опоры государственного порядка».

На полицейских обрушился дождь золотых и серебряных знаков почета за заслуги перед республикой, а также медалей. На требование провести амнистию Зейпель цинически ответил: «Не требуйте от правительства и парламента ничего такого, что выглядит снисхождением, если вспомнить о виновных и их жертвах». И он действовал в этом духе. Полиция продолжала массовые аресты. В течение многих месяцев свирепствовала жаждущая мести юстиция. Была развернута дикая кампания травли против коммунистов, которые смело участвовали в боях и понесли тяжелые жертвы. Даже современные буржуазные историки допускают многочисленные выпады против «коммунистических хулиганов» и т. д., причем социал-демократические авторы не отстают от них. Находившийся в то время в Вене председатель берлинской организации Коммунистической партии Германии, руководитель германской «Красной помощи» Вильгельм Пик, ставший позднее первым президентом ГДР, хотел организовать международную акцию солидарности. 16 июля 1927 г. он был арестован полицией и после нескольких дней заключения выслан из Австрии.

На могилах жертв июльских событий Иоганн Копленг высказался 20 июля в поддержку борьбы рабочих. В своей речи он заявил:

«События, происшедшие в пятницу и субботу, — это результат долго готовившегося реакционного наступления

с целью разгромить австрийский пролетариат. Своим здоровым инстинктом рабочий класс давно уже понял эту опасность... Героическая борьба венских рабочих против правительственной власти была сопротивлением, восстанием против наступавшей фашистской реакции. Мы, коммунисты, безоговорочно поддерживаем выступление 15—16 июля! Мы заявляем о своей солидарности с рабочими, сражающимися на улицах против государственной власти, совершающей убийства... Мы, коммунисты, хотим, чтобы крови проливалось меньше, а не больше. Именно потому мы требовали и требуем сейчас вооружения рабочих. Фашизм наступает. Ободренный июльским поражением рабочего класса, он готовится к новым убийствам. Но австрийский рабочий класс не будет разбит, если он сделает правильные выводы и изменит свой путь.

Не случайно буржуазия всего мира пытается теперь использовать венские события для новой кампании травли против Советского Союза, страны пролетарской революции. Эта травля тесно связана с клеветнической военной кампанией против Советского Союза, которая проводится уже несколько месяцев. Для организации новой войны международной буржуазии необходимо заранее подавить рабочий класс европейских стран.

Уроки событий 15—16 июля имеют большое значение для международного пролетариата. Они являются новым сигналом, зовущим укрепить готовность к борьбе, к революционному отпору фашизму, реакции и военной опасности. ...Австрийский рабочий класс находится в глубоком трауре. Но этот траур — не бессилён и слаб. Из этого траура возникнет мощная сила, которая покарает и накажет врагов. Мертвые братья и сестры закликают нас: если пролетариат хочет жить и победить, он должен разбить своего классового врага. Нужно с революционной четкостью ковать оружие к новым боям. Коммунистическая партия принимает наследство июльского восстания! Мы клянемся отомстить за массовые убийства, развернув подготовку революции для установления господства пролетариата в Австрии».

За издание коммунистической листовки 15 июля, ответственность за которую взял на себя Коплениг, и за его речь на могилах жертв июльских событий он был арестован. По подозрению в «государственной измене» Копле-

нига держали больше двух месяцев в тюрьме при Венском земельном суде. На процессе перед судом присяжных 9 января 1928 г. Коплениг разоблачил реакцию и фашизм, а также капитулянтскую политику социал-демократической партии. Свою большую обвинительную речь он закончил словами: «Мы, коммунисты, заявляем о своей солидарности с выступлением 15 и 16 июля, мы отомстим за погибших, борясь за подготовку революции и установление власти пролетариата в Австрии. 15 июля стало не концом революционного движения, не окончанием борьбы, а исходным пунктом для новых боев, которые приведут к расплате с виновниками событий 15 июля». Процесс окончился оправданием Копленига.

Реакция усиливается

В книге «Между двумя диктатурами» Отто Лейхтер высказал мнение, что «катастрофу 15 июля 1927 г. можно считать началом заката австрийской социал-демократии»¹. И он был прав, поскольку трусливая капитуляция социал-демократических лидеров подорвала веру в их радикальные фразы и угрозы, поощрила буржуазию пойти ва-банк. 15 июля 1927 г. стало одним из поворотных пунктов австрийской истории в период между двумя мировыми войнами. Если бы в этот день проявить больше смелости, то можно было бы с меньшими жертвами, чем, например, в феврале 1934 г., повернуть судьбу Австрийской республики, предотвратить усиление фашизма и реакции и обеспечить Австрии демократическое развитие. Это была одна из решающих возможностей, упущенных из-за капитулянтской политики руководства социал-демократической партии. Это была цена, которую заплатил австрийский пролетариат за свою веру в радикальные фразы социал-демократических вождей, за то, что он беспрекословно воспринимал их уступчивость по отношению к реакции.

Но буржуазия и ее правительство Зейпеля беззащитно использовали создавшиеся возможности для развертывания контрнаступления и усиления фашизации стра-

---

¹ Otto Leichter, Zwischen zwei Diktaturen, Wien, 1968, S. 31.

ны. Получив доказательство того, что социал-демократических лидеров нет основания бояться, Зейпель осторожно готовил решающее наступление, воздерживаясь от слишком острых провокаций против рабочего класса. Реакция расширяла свои позиции в государственном аппарате власти и укрепляла фашистские террористические организации. В первую очередь была «дисциплинирована» венская полиция. Если в марте 1927 г. на выборах доверенных лиц список кандидатов от свободных профсоюзов получил 4016 голосов против 891, поданного за реакционный список, то на следующих выборах за реакционный список проголосовал уже 3931 человек. Но более важное значение имели проведенная в предвидении гражданской войны реорганизация полиции, ее усиленное оснащение новым вооружением — карабинами, пулеметами и даже броневидами (их было 4). Таким образом, полиция превратилась в боевую часть. Военный министр Вогуэн с железной последовательностью искоренял в армии влияние свободных профсоюзов и социал-демократов. В 1927 г. было уволено более 2500 солдат, вступивших в армию в 1918 г. На их место были приняты крестьянские парни, которые предъявили рекомендации католических духовных лиц.

Укрепление хеймвера

Одновременно буржуазия и правительство расширяли и укрепляли хеймвер. Поражение на выборах в 1927 г. усилило стремление Христианско-социальной партии использовать внепарламентские средства борьбы. Главной силой фашистских военизированных союзов сделался хеймвер, который прежде высмеивался руководством социал-демократической партии как жалкий союз безвредных крикунов и политиков, завсегдаев кабаков. Соперничающие фюреры хеймвера были поставлены под единое руководство, созданы новые хеймверовские организации, в том числе в ряде земель, где их раньше почти не было — в южной части Нижней Австрии, в Верхней Австрии и Зальцбурге.

Хеймвер приобрел ярко выраженный политический характер. Он начал разрабатывать по итальянскому и немецкому образцу собственную идеологию. Хеймвер отмежевывался от старых буржуазно-капиталистических

партий, придав себе вид «движения обновления», выступал против парламента и «государства партий».

Несмотря на это, Зейпель поддерживал хеймвер. В докладе, с которым он выступил в Тюбингене, Зейпель сказал: «У нас, в Австрии, имеется сильное народное движение, которое намерено освободить демократию от господства партий. Это народное движение представляет хеймвер. Верно, конечно, что хеймвер требует от своих членов соблюдения военной дисциплины, но он делает это не из чувства милитаризма, а ради дисциплины».

Зейпель, правда, стремился формировать хеймвер в качестве военной и внепарламентской силы антимакистского фронта, не допуская его превращения в партию. Но добиться этого на длительный срок Зейпелю не удалось. Вскоре и Христианско-социальная партия почувствовала конкуренцию хеймвера, которому удалось лишить ее господства в деревнях.

Сближение с фашистскими государствами

Одним из последствий 15 июля было постепенное изменение австрийской внешней политики, которое привело к сближению Австрии с фашистской Италией Муссолини и реваншистской, фашистской Венгрией адмирала Хорти — душителя Венгерской советской республики. Особенно активно пропагандировал эти контакты венгерский премьер-министр Иштван Бетлен, рассчитывая использовать их для получения помощи от Муссолини в целях ревизии мирного договора с Венгрией. Бетлен ожидал, что правое австрийское правительство поддержит эту политику, направленную против Малой Антанты, и в первую очередь против Чехословакии, в правительстве которой находились социал-демократы. Кроме того, здесь были поставлены на карту экономические интересы Венгрии. Бетлен боялся, что левое правительство в Австрии сможет запретить ввоз пшеницы, являвшейся главным предметом экспорта Венгрии. По тем же причинам Бетлен противился расширению германского влияния в Центральной Европе. Именно потому он не поддержал план путча, который вынашивался штирийским хеймвером. Предполагалось разгромить «Республиканский шугбунд»

и после занятия общественных зданий и важнейших предприятий по обслуживанию населения в Вене провозгласить военную диктатуру. Но план настойчиво требовал заключения таможенного союза Австрии с германским рейхом, что не устраивало Бетлена.

Интересы Венгрии, отклонявшей аншлюс, совпадали в то время с интересами Италии, которая также хотела воспрепятствовать возможному росту германского влияния в районе Дуная. Дело в том, что Италия сама вынашивала честолюбивые планы стать первой державой в этом районе путем создания управляемого из Рима блока государств с опорными пунктами в Вене и Будапеште в качестве противовеса Малой Антанте.

В позиции Бетлена Муссолини видел гарантию против аншлюса Австрии к Германии, которого он не хотел. Поэтому зондаж Бетлена в Риме нашел благосклонный прием. Италия и Венгрия пришли к соглашению предпринять совместные усилия. Стремясь установить в Австрии фашистский режим, Муссолини и Бетлен видели свое главное оружие, кроме экономического давления, в поддержке хеймвера. Венгерский историк Лайош Керекеш на основе венгерских архивов тщательно исследовал активную деятельность венгерских и итальянских фашистов в Австрии. После пасхальных праздников в 1928 г. значительные размеры приняла поддержка ими части хеймвера, возглавляемой Штейдле, которой противостояло крыло Пфримера, настроенное в духе национал-социализма. Переговоры представителей венгерского правительства с Штейдле привели к удовлетворительному результату, и Бетлен помог ему установить связь с Муссолини.

Бетлен посетил в апреле 1928 г. инкогнито Муссолини в Милане и сказал ему, согласно протоколу: «Цель должна состоять в том, чтобы в Австрии с помощью хеймвера правое правительство взяло власть у нынешнего правительства...» Для этого нужно было бы поддержать хеймвер, предоставив ему 3 млн. шиллингов и оружие. Муссолини, правда, лицемерно заявил, что фашизм не является предметом экспорта, но ответил: «Я готов предоставить через Вас австрийским правым организациям миллион лир сразу или же по частям и передать им на границе необходимое оружие...»

Руководитель хеймвера Штейдле потребовал в меморандуме Бетлену от 23 мая 1928 г. сумму в 1 494 000 лир, из них — 524 000 лир немедленно, 18 000 винтовок и 300 патронов на каждую, а также 190 пулеметов. После этого, сказал он, хеймвер «будет, без сомнения, в состоянии использовать любой повод, чтобы устранить недостатки нашей нынешней государственной конституции». За это хеймвер бросил на произвол судьбы австрийское меньшинство, проживавшее в Южном Тироле. Штейдле дал обязательство, что новое правительство «письменно обещает не поднимать вопрос о Южном Тироле ни официально, ни перед общественностью и не допускать ведения соответствующей пропаганды». 23 августа Штейдле лично получил от венгерского посредника первый взнос — два чека, один на 500 000, другой на 1 120 000 лир, т. е. больше, чем требовал хеймвер¹.

По настоянию Зейпеля, австрийская крупная промышленность поддерживала хеймвер деньгами. Промышленники и хеймвер имели одинаковую ближайшую цель — уничтожить право рабочих на уличные выступления и изгнать из предприятий свободные профсоюзы.

Хюттенбергский пакт

Первое наступление началось на концерне «Альпине-Монтан», который имел свои предприятия в Штирии и Каринтии и господствовал в австрийской тяжелой промышленности. Тесно связанная с германским Объединением стали, дирекция концерна начала «чистку» предприятий от рабочих — членов коммунистической и социал-демократической партий и свободных профсоюзов. Вместо них на работу принимали хеймверовцев. В этом дирекция усматривала возможность создания собственного хеймверовского профсоюза под демагогическим названием «Свободный профсоюз». Этому примеру последовали и другие предприятия. Но рабочие в ответ на устройство хеймверовцев на предприятия выступили с забастовками и демонстрациями протеста. В Хюттенберге (Каринтия) 550 горняков начали 10 мая 1928 г. стихийную забастовку

---

¹ См.: Lajos Kerekes, *Abenddämmerung einer Demokratie. Mussolini, Gömbös und die Heimwehr*, Wien — Frankfurt — Zürich, 1966, S. 9—21.

против увольнения членов свободных профсоюзов и замены их хеймверовцами. К ним присоединились другие предприятия «Альпине-Монтан». Но уже 25 мая руководители профсоюза металлистов и профсоюза горняков капитулировали и заключили с концерном «Альпине-Монтан» и Объединением предпринимателей сталелитейных заводов так называемый Хюттенбергский пакт.

В этом пакте они признали равноправие «независимых» фашистских профсоюзов и «право предпринимателей на свободный прием на работу». Тем самым за предпринимателями было признано право принимать на работу людей, помимо государственных бирж труда. Рабочие, правда, единодушным голосованием отклонили этот договор и в течение еще двух недель бастовали «диким образом», т. е. без поддержки профсоюзных руководителей. Однако в конце концов рабочие вынуждены были признать себя побежденными.

Точно так же действовала профсоюзная бюрократия в Штокерау, бросив на произвол судьбы рабочих фирмы «Хайд», забастовавших против найма фашистов. Эта забастовка проходила под руководством коммунистов. Следствием этих событий было то, что в некоторых промышленных центрах рабочие, боясь стать безработными, выходили из свободных профсоюзов и должны были вступать в хеймверовские профсоюзы. В конце мая 1928 г. в Донавице из 4000 рабочих 1600 состояло в хеймвере, а в Хюттенберге хеймверовский профсоюз завоевал большинство.

Одновременно с этим хеймвер продолжал планомерно «завоевывать улицу». Если раньше фашисты не осмеливались проводить демонстрации в рабочих кварталах, то теперь каждое воскресенье они собирали все свои силы в том или другом промышленном центре, чтобы тем самым сломить волю рабочих к сопротивлению. Руководство социал-демократической партии «во имя демократии» безучастно следило за этими действиями, вместо того чтобы с самого начала выступить против них. Лидеры партии ограничивались тем, что указывали рабочим на предстоящее завоевание власти с помощью избирательного бюллетеня. Предупреждения коммунистов оставались без внимания.

Провокация в Винер-Нёйштадте

Вскоре хеймверовцы почувствовали себя настолько сильными, чтобы организовать 7 октября 1928 г. провокационный марш 13 000 хеймверовцев в Винер-Нёйштадте, «красном предместье Вены», в котором господствовали социал-демократы. Компартия призвала рабочих сорвать эту провокацию, предложила провести в Винер-Нёйштадте антифашистскую манифестацию и воспрепятствовать маршу хеймверовцев. Правительство запретило коммунистическую манифестацию и начало преследования коммунистов. Из шести номеров «Роте фане», вышедших до хеймверовского марша, пять были конфискованы. Многие коммунисты и революционные рабочие подверглись аресту.

На этот раз руководство социал-демократии, учитывая возбуждение рабочих, не могло остаться безучастным наблюдателем. Оно призвало провести в Винер-Нёйштадте рабочую манифестацию — в тот же день, час и на том же месте, что и хеймверовцы. Лидеры социал-демократов надеялись, что глава земельного правительства ввиду возможного столкновения запретит обе манифестации. Но правительство не уступило, хотя социал-демократы, которые вели переговоры, все настойчивее предлагали осуществить «внутреннее разоружение»¹. Но Зейпель настаивал на том, что рабочие должны потерять «свою монополию на улицу». Он не давал лидерам социал-демократии запугать себя угрозами и не соглашался на их предложение о «внутреннем разоружении». Зейпель дал указание военному министру Вогуэну использовать солдат для защиты демонстрации хеймверовцев. Он разрешил также начальнику штаба хеймвера майору Пабсту разместить на несколько дней свою штаб-квартиру в дирекции венской полиции, чтобы, находясь там, подготовить выступление хеймвера и управлять им.

Руководство социал-демократической партии безуспешно апеллировало к «чувству ответственности» правительства. И на этот раз настойчивость буржуазии одержала победу над капитулянтской политикой руководства со-

---

¹ Здесь имеется в виду предложение социал-демократов о роспуске шугбунда при условии отпуска хеймвера. — *Прим. перев.*

циал-демократии, которое в конце концов согласилось на проведение хеймверовской манифестации. На основе этого соглашения 13 000 фашистов в полном вооружении под защитой половины австрийской армии получили возможность пройти маршем мимо «красной ратуши» в Винер-Нёйштадте. Шутцбунду было разрешено провести свою манифестацию лишь после марша хеймверовцев. Руководство социал-демократической партии изображало все это как свою победу. Но вот как писал уже цитировавшийся нами Штрерувиц, ставший впоследствии канцлером: «Марш в Винер-Нёйштадте был большим риском. Зейпель и Вогуэн пошли на него. В этот день победительницей была армия».

Штейдле объявил о проведении новых провокаций. «Винер-Нёйштадт,— сказал он,— это не конечный пункт, а лишь обнадеживающий этап нашей борьбы». 14 октября в Линце состоялся парад хеймвера, но без контрдемонстрации. За ним последовал ряд прорывов хеймверовцев в австрийские рабочие центры, в первую очередь вокруг Вены, а 24 февраля 1929 г. даже в венский рабочий район Мейдлинг.

Коммунистической партии удалось создать во многих пунктах Нижней Австрии комитеты единства действий против фашистских провокаций. Стремление к единству было настолько сильным, что правление социал-демократической партии было вынуждено выступить с предупреждением против сотрудничества с коммунистами¹.

1929 г.: кампания за изменение конституции

1929 г. ознаменовался активными выступлениями хеймвера с требованием изменить конституцию, принятую в 1920 г. Целью этой кампании было укрепление авторитета правительства в противовес парламенту, вплоть до предоставления правительству и президенту диктаторских полномочий. Одновременно предполагалось урезать финансовую самостоятельность Вены, которая давала возможность муниципалитету столицы проводить жилищное строительство и социальную политику за счет собственных налоговых поступлений.

---

¹ «Arbeiter-Zeitung», 4. X. 1928.

Эти требования хеймвера совпадали с требованиями канцлера Зейделя. Но поскольку реформу конституции нельзя было осуществить легальным путем без согласия социал-демократической фракции в парламенте, то правительство и хеймвер усилили нажим на рабочих. 3 февраля 1929 г. хеймверовцы напали на Рабочий дом в Глогнице (Нижняя Австрия). 14 февраля был запрещен рабочий стрелковый союз. В социал-демократическом партийном доме в Вене на улице Рехте Винцайле полиция в поисках оружия провела обыск. При этом она конфисковала 300 винтовок и 50 000 патронов. Правление социал-демократической партии собралось на заседание, чтобы дать оценку этой явной провокации, но не приняло решений провести какие-либо ответные действия. Руководство социал-демократии снова капитулировало. Ободренный этим Зейдель настаивал, чтобы хеймвер проявлял большую активность на улицах. Из опубликованных Л. Керекешом венгерских архивных документов следует, что в ночь на 23 марта 1929 г. Зейдель имел четырехчасовую беседу с Штейдле. Ссылаясь на опыт последних демонстраций, он предлагал, чтобы хеймвер, действуя по образу итальянских фашистов, выступал более активно. Зейдель заявил, что он через прессу уже подготовил надлежащим образом общественное мнение. Будучи прелатом, он, естественно, может руководить этими действиями только из-за кулис, но считает, что дело нельзя откладывать позднее, чем до осени. Однако 3 апреля 1929 г. Зейдель неожиданно ушел в отставку, после чего было образовано правительство крупного промышленника Штрерувица. Хеймвер усиливал наступление, рабочие оказывали ему сопротивление. Правительство Штрерувица обещало не мешать действиям хеймвера. Австрия, казалось, была «на пороге» гражданской войны.

За планами подготовки хеймверовских путчей снова стояли Италия и Венгрия. Муссолини продолжал поставлять оружие и обещал дать 1 420 000 лир взамен обязательства, подписанного Штейдле, Пфриммером и Пабстом. В нем говорилось: «Руководство всеми австрийскими союзами самозащиты берет на себя обязательство провести решающую акцию по изменению австрийской конституции самое позднее между 15 февраля и 15 марта 1930 г. Руководство будет, однако, всеми силами стремиться про-

вести эту акцию уже осенью этого года» [1929 г.— А. Р.]¹.

Коммунистическая партия разоблачала связи фашистского хеймвера с австрийскими промышленниками и иностранными фашистскими кругами, она опубликовала факты, в то время еще многим неизвестные. Компартия показала, что на манифестации, проведенной в Баварии германской организацией «Стальной шлем», участвовала тысяча австрийских хеймверовцев. В свою очередь на демонстрацию хеймверовцев в Инсбруке из Германии прибыло 20 000 членов «Стального шлема». «Сотрудничество между немецкими и австрийскими фашистами представляет собой источник громадной опасности для рабочего класса Австрии и Германии. Это сотрудничество является фактором, усиливающим опасность войны»², — говорилось в одном из сообщений.

Провокация хеймверовцев в Санкт-Лоренцене

Одной из самых больших провокаций хеймвера был обстрел рабочей манифестации в верхнештирийском городке Санкт-Лоренцене 18 августа 1929 г. Хеймверовцы хотели воспрепятствовать выступлению Коломана Валлиша, которого они особенно ненавидели. Члены хеймвера заняли городскую площадь, а когда рабочие оказали сопротивление, начальник штаба штирийского хеймвера Раутер отдал приказ стрелять. Показательно, что этот Раутер позднее был включен в состав руководства гитлеровского рейха, а после окончания второй мировой войны казнен голландцами как военный преступник. В 17 час., согласно приказу, хеймверовцы открыли огонь. В результате был убит на месте каменщик из Трагёса, строительный рабочий из Киндберга умер позднее от ран. Погиб также один санитар-шугбундовец. Многие рабочие получили тяжелые ранения. Значительное число хеймверовцев было ранено после того, как рабочие перешли в контратаку. Но классовое правосудие осудило лишь шугбундовского командира и еще одного шугбундовца.

---

¹ L. Kereses, Abenddämmerung einer Demokratie.

² «Inprekorr», 7. VI. 1929.

Эти события вызвали невероятное возбуждение рабочих. Коммунистическая партия Австрии призвала развернуть борьбу за уничтожение фашизма с тем, чтобы события в Санкт-Лоренцене никогда больше не повторились. Она потребовала провести всеобщую стачку и вооружить рабочих. «Роте фане» писала: «Вперед, в контратаку против кровавого фашизма!» Во многих городах Верхней Штирии рабочие вышли на улицы, в Вене под руководством производственных советов были организованы стачки протеста. Социал-демократическая партия утешала рабочих созывом в Вене конференции доверенных лиц. Однако на этой конференции руководство партии протащило решение перенести начало борьбы на «решающий день», а само между тем вело переговоры с Штрерувицем.

Санкт-Лоренцен стал новой вехой на пути развития антифашистской борьбы, в ходе которой проявились инициатива и мужество коммунистической партии. Выступления коммунистов стали таким фактором, с которым должны были считаться как реакция, так и ее помощники. Но компартия была все еще слаба для того, чтобы вырвать рабочих из-под влияния социал-демократических вождей и самой возглавить борьбу против фашизма. Однако коммунисты благодаря своей агитации стали серьезным препятствием на пути к установлению фашистской диктатуры.

После столкновения в Санкт-Лоренцене хеймверовцы стали более настойчиво призывать к изменению конституции и грозили походом на Вену. Их лозунг о создании «сильного правительства» находил все больший отклик у буржуазных партий. На 29 сентября хеймвер запланировал марши в Нижней Австрии — в городах Мёдлинг, Штокерау, Цветль и Пёхларн. Хеймвер собирал силы по всей Австрии. В беседе с венгерским военным атташе в Вене Вогуэн назвал день маршей хеймвера «днем проверки». 21 сентября хеймвер получил от Муссолини первую часть денежной суммы, за которой последовала в середине октября вторая в размере 512 240 лир. Через 24 часа после этого правительство Штрерувица ушло в отставку, поскольку буржуазные партии все еще боялись установления хеймверовской диктатуры. Правительство возглавил Шобер, бывший 15 июля 1927 г. полицей-президентом. Его целью было добиться изменения конституции.

Казалось, хеймвер был уже близок к осуществлению своей цели. Шобер немедленно установил контакт с хеймвером и публично поддержал его требование об изменении конституции. Со своей стороны главари хеймвера Штейдле и Пфриммер заявили, что они твердо поддерживают правительство Шобера, поскольку это их правительство. Если кто-либо не будет подчиняться правительству, то хеймвер выступит с оружием. Муссолини также был готов первым признать хеймверовское правительство и оказать ему экономическую помощь. Однако общая ситуация сложилась неблагоприятно для создания открыто фашистского правительства. Смелая контратака рабочих в Санкт-Лоренцене продемонстрировала, с чем пришлось бы столкнуться такому правительству. В то же время в области экономической политики все больше начинал сказываться наступающий мировой экономический кризис.

Характерный для эпохи империализма процесс концентрации капитала и возникновения финансового капитала шел ускоренными темпами и в Австрии. После преодоления первых послевоенных кризисов промышленники должны были взять большие банковские кредиты для проведения рационализации на своих предприятиях. В обстановке нового застоя в сфере сбыта внутри страны промышленники не смогли выплатить эти кредиты и банки стали участниками этих предприятий. В результате самостоятельные промышленники превратились в генеральных директоров, находящихся на службе банков и в то же время стали акционерами этих банков.

Социал-демократические теоретики в области экономики говорили по этому поводу о «люмпен-капитализме», который будто бы слаб и неопасен. Эта теория лишь усыпляла бдительность рабочего класса. Ведь в действительности концентрация капитала усиливала самые реакционные круги буржуазии, которые поддерживали фашизм, содействовала их планам установления диктатуры, направленной против рабочего класса. Особую опасность представляло проникновение германского монополистического капитала в Австрию, тесно связанное с процессом концентрации. Однако, боясь возникновения гражданской войны в Австрии, иностранные капиталисты вывозили из

страны свои капиталовложения, а австрийские вкладчики забирали накопления. Банк «Боденкредитанштальт» потерпел банкротство, и 6 октября 1929 г. им завладел банк Ротшильда. Годом позднее Шобер открыто признал, что в октябре представители дирекции Национального банка и директора всех частных банков посетили его и потребовали, чтобы в интересах экономики проекты изменения конституции были сняты с повестки дня. Во внешнеполитической сфере фашистская диктатура еще не могла рассчитывать на хороший прием. В Германии социал-демократия снова вошла в правительственную коалицию, в Англии правила рабочая партия. Поэтому Шобер отклонил предложение отказаться от принципа законности, более того, он вступил в переговоры с социал-демократами.

Социал-демократия забыла, что она говорила о Шобере после 15 июля 1927 г. Она приветствовала его как «меньшее зло» и выдвинула для участия в переговорах о реформе конституции своего самого искусного тактика Роберта Даннеберга.

В период кампании за реформу конституции Шобер оказался в известном противоречии с Муссолини и Бетленом, которые безуспешно пытались 11 и 12 апреля 1930 г. «побудить его к действию» совместно с хеймвером. Муссолини советовал Шоберу «не разоружать хеймвер, пока он не достигнет всего, пока в первую очередь не будет очищена Вена, в противном случае это означало бы быстрый конец его власти». Венгерский премьер-министр Бетлен подстрекал хеймверовцев выступить против переговоров. Он поручил им сообщить, что все их движение ничего не стоит, пока Зейцы, Брайтнеры¹ и другие еще живы. Муссолини, однако, не был согласен с Бетленом, он считал, что хеймвер мог бы легально прийти к власти, и отговаривал от путча.

В то же время часть австрийского крупного капитала поддерживала хеймвер против Шобера. Так, президент банка «Кредитанштальт» барон Луис Ротшильд заверил 18 ноября 1930 г. Штейдле, что его банкирский дом мог бы гарантировать стабильность шиллинга и бесперебойный ход экономической жизни, если бы запланированное хеймвером взятие власти было осуществлено быстро и без

---

¹ Гуто Брайтнер—референт по финансам венского муниципалитета. — *Прим. перев.*

большого кровопролития. Однако Шоберу удалось перетянуть на свою сторону большинство ведущих лидеров союза промышленников. Шобер дал понять хеймверу, что тот может рассчитывать на дальнейшую финансовую поддержку лишь в том случае, если не будет мешать его переговорам. Шобер заверил также Муссолини, что будет проводить дружественную Италии политику. Он убедил Муссолини в том, что его законное правительство принесет больше пользы интересам Италии в районе Дуная. Благодаря этому Шобер получил поддержку Муссолини.

Реформа конституции

Социал-демократия, давшая раньше правительству Штрерувица согласие на ограничение прав квартиросъемщиков, чтобы якобы продемонстрировать работоспособность парламента, проявила уступчивость и по вопросу о конституции. В результате переговоров было, наконец, разработано изменение конституции, принятое 7 декабря 1929 г. парламентом благодаря голосам социал-демократов. Изменение конституции не удовлетворяло максимальных требований фашистов, однако оно явилось значительным шагом по пути ликвидации буржуазной демократии и создало легальную основу для дальнейшего наступления на экономические, социальные и политические права рабочего класса. Изменение конституции укрепило позиции правительства по сравнению с парламентом, расширило полномочия президента, предоставило ему право распоряжаться армией. Конституция предусматривала также в принципе создание по фашистскому образцу Совета сословий и Совета земель. Однако этот пункт не вступил в силу.

Социал-демократия хвалилась тем, будто она сломала «ядовитые зубы» в проекте изменения конституции и отразила атаку хеймвера. Отто Бауэр назвал реформу конституции «битвой на Марне», проигранной фашизмом.

Действительно, буржуазия не была довольна изменением конституции, и фашистское наступление продолжало развиваться, а руководство социал-демократии серьезно не противодействовало этому.

Напротив, в апреле 1930 г. оно допустило принятие закона об ограничении прав рабочих на предприятиях и прав профсоюзов, так называемый закон против терро-

ра. Отто Бауэр справедливо назвал его «чрезвычайным законом против рабочего класса». Характерно, что данный закон, хотя и в измененной форме, существует в Австрии и поныне. Социал-демократическое руководство, испытывавшее страх перед фашистским контрнаступлением, ограничивалось лишь громкими фразами. На следующий день после принятия «закона против террора», 6 апреля 1930 г., «Арбайтер цайтунг» писала: «Вчера блок буржуазных партий принял чрезвычайный закон. Тем самым позорно нарушен демократический принцип равноправия, а республика обесчещена принятием одностороннего закона, направленного против создателей и верных сторонников республики». Однако социал-демократические вожди не поддерживали рабочих, которые организовали манифестации протеста и забастовки. Полиция старалась заглушить голос коммунистов, преследовала их. После создания правительства Шобера «Роте фане» конфисковалась 19 раз, коммунистические газеты на предприятиях — 14 раз. Было конфисковано также 20 листовок и выдвинуты обвинения в государственной измене против 18 лиц.

В ходе кампании за реформу конституции Коммунистическая партия Австрии сделала все, что могла, для мобилизации рабочих. Она подчеркнула актуальность и масштаб фашистской угрозы, выдвигала конкретные лозунги антифашистской борьбы. Там, где коммунисты были достаточно сильны, они проводили демонстрации рабочих и манифестации. В апреле 1929 г. компартия выступила с инициативой и организовала широкий антифашистский конгресс, в котором приняли участие многие рабочие — социал-демократы и беспартийные. Из 245 делегатов конгресса 165 были с предприятий, 69 были членами социал-демократической партии.

С основным докладом выступил И. Коплениг. Он отстаивал там лозунги компартии: бороться против фашистов непосредственно на улицах и на предприятиях; экономическая борьба — главный рычаг антифашистской борьбы. Однако компартии не удалось, несмотря на рост возмущения рабочих, вырвать широкие массы из-под влияния социал-демократического руководства и повести их непосредственно на борьбу. На этот раз причиной была не только организационная слабость партии. В порядке самокритики компартия признала позднее, что причиной

была также слишком заостренная оценка положения в Австрии, которую она дала в августе 1929 г., т. е. примерно через пять месяцев после антифашистского конгресса. Компартия оценивала тогда положение как «непосредственную революционную ситуацию», содержащую уже «элементы гражданской войны». Вместо того чтобы направить все силы на установление антифашистского единого фронта, на создание самых широких антифашистских органов этого фронта под лозунгом защиты демократических прав, компартия поставила рабочих перед альтернативой, заявив, что в ходе этой борьбы решится вопрос — диктатура фашизма или диктатура пролетариата.

По мере приближения решения вопроса изменения конституции формулировки компартии становились все более острыми. Правительство Шобера сперва называлось «правительством фашистского действия», а в сентябре 1929 г. характеризовалось даже как правительство фашистской диктатуры. Вместо лозунга «Создавайте антифашистские комитеты!» был выдвинут лозунг «Выбирайте рабочие Советы!» Однако оказалось, что рабочие массы, хотя и видели, что социал-демократия выступала за внесенные Шобером авторитарные изменения конституции, а компартия стала организатором антифашистской борьбы, не воспринимали эти слишком заостренные лозунги коммунистов. Рабочие были готовы бороться против фашизма, но они далеко еще не были готовы бороться за Советы и диктатуру пролетариата. Через некоторое время Коммунистическая партия Австрии с помощью Коммунистического Интернационала пересмотрела эти явно переалистические, сектантские лозунги. Но такие перегибы частично были виной тому, что компартии не удалось использовать весьма важное саморазоблачение социал-демократии, чтобы пробить серьезную брешь в стене, которую многократно воздвигало социал-демократическое руководство между компартией и массами рабочих — социал-демократов.

Корнёйбургская клятва

Хеймвер был разочарован компромиссом по вопросу о реформе конституции и все больше отходил от старых буржуазных партий, стараясь по образцу итальянского фашизма стать самостоятельной фашистской партией.

Фюрер хеймвера Штейдле поставил перед хеймвером вопрос: «Намерен ли он, как и до сих пор, быть лишь орудием политических партий, или же он намерен высказаться за фашистскую систему?» И сам ответил: «Теперьешнее парламентское государство неспособно успешно померяться силами с таким врагом, как австромарксизм... Мы — это ударные отряды революции, патриоты, которые диктатуре разрушения противопоставляют диктатуру созидания. В период серьезной опасности господствовать могут лишь отдельные личности... Мы хотим закончить французскую революцию на немецкой земле, в случае необходимости путем осуществления немецкой революции».

18 мая 1930 г. Штейдле зачитал после манифестации хеймвера так называемую Корнёйбургскую клятву, в которой говорилось: «Мы хотим взять власть в государстве... Мы должны обязательно подчинить нашей конечной цели требования партий, так как мы хотим служить единству немецкого народа. Мы отвергаем западный демократический парламентаризм и государство партий. Вместо него мы хотим установить самоуправление сословий.

...Мы хотим на профессионально-сословной основе осуществить самоуправление в экономике. Мы преодолеем классовую борьбу... Пусть каждый товарищ чувствует себя носителем нового немецкого государственного самосознания и поддерживает его...»

Штейдле стремился навязать эту программу другим руководителям хеймвера и всему хеймверовскому движению. Штаремберг, который в своей речи в Линце 21 июня охарактеризовал первоначально Корнёйбургскую клятву как «довольно неясную и высокопарную», присоединился затем к ней.

Характерным для идеологии хеймверовского фашизма было сочетание идей итальянского фашизма с великогерманским шовинизмом. О вере в Австрию ничего не говорилось, напротив, речь шла о служении «общности всего немецкого народа».

Несмотря на открытое признание фашизма в Корнёйбургской клятве, клуб депутатов Христианско-социальной партии распорядился зачитать официальное заявление о том, что партия и впредь будет симпатизировать хеймверовскому движению.

В силу напряженной экономической ситуации и внеш-

неполитического нажима со стороны Малой Антанты — союза Югославии, Румынии и Чехословакии, претензии хеймвера стали правительству поперек пути. Стараясь получить иностранные займы, Шобер хотел для успокоения финансовых кругов достигнуть «внутреннего разоружения». Он вызвал к себе хеймверовских лидеров и провел с ними переговоры об издании закона, по которому все организации самообороны должны были быть распущены. Хотя Шобер заверял хеймверовцев, что он не собирается «в отношении их осуществлять на практике этот закон с железной строгостью», лидеры хеймвера отказались дать на это свое согласие и разорвали отношения с Шобером. В ответ Шобер велел немедленно выдворить майора Пабста из Австрии и поддержал кандидатуру Штаремберга на пост главного руководителя хеймвера. Штаремберг был приглашен к Муссолини, который посоветовал ему поддержать Шобера. Последнему удалось в январе и феврале 1930 г. убедить сперва Венгрию, а затем, во время визита в Рим, и лично дуче, что он исполнен решимости последовательно оттеснять на задний план социалистов в Австрии. Однако, заявил Шобер, ему нужно иметь для этого лишь некоторое время и экономическую поддержку извне, в первую очередь займы. После этого Италия заключила с Австрией 6 февраля 1930 г. договор о дружбе, о согласительной и арбитражной процедуре. В сентябре 1930 г. Штарембергу удалось, получив большинство в один голос, стать главным руководителем хеймвера. В мемуарах он пишет, что был избран «единственным фюрером австрийского хеймверовского движения». После этого Шобер дал указание союзу промышленников выдавать деньги только Штарембергу.

Первые хеймверовские министры

Вскоре после этого из-за разногласий в буржуазном лагере представители Христианско-социальной партии вынудили Шобера уйти в отставку. Канцлером стал «сильный человек» Христианско-социальной партии Вогуэн, министром иностранных дел — Зейпель. Вогуэн включил Штаремберга в правительство в качестве министра внутренних дел. Министром юстиции стал другой хеймве-

ровец, нотариус Франц Хюбер, родственник нацистского фюрера Геринга. Впервые хеймвер вошел в правительство. По мнению хеймвера, кабинету следовало провести государственный переворот и установить фашистскую диктатуру. В мемуарах Штаремберга на этот счет говорится: «Я открыто признаю, что вошел в кабинет с намерением осуществить государственный переворот... причем я имел совершенно лояльные намерения совершить этот акт вместе с Вогуэном и его армией. Однако это намерение... оказалось в корне несбыточным... Мне противостоял фронт бюрократизма...»¹. Вогуэн не пошел на эту авантюру и назначил проведение новых выборов.

Между тем у хеймверовского фашизма появилась серьезная конкуренция в лице национал-социалистской партии. По мере экономического проникновения германского империализма в Австрию усиливалась агитация, проводимая в стране его агентурой — национал-социалистской партией. Штаремберг, участвовавший в 1923 г. в гитлеровском путче в Мюнхене, вел переговоры с нацистами о выдвижении общего списка кандидатов на выборах в 1923 г.

Немецкие нацисты предложили Штарембергу примерно 500 000 шиллингов ежемесячно на его «движение самообороны» и 2 млн. шиллингов в «общий избирательный фонд», из них 500 000 шиллингов в его личное распоряжение. Однако переговоры окончились безрезультатно. Нацисты выступили со своим собственным списком. В свою очередь Муссолини передал «более крупную сумму в избирательный фонд хеймвера»².

Кроме того, Италия согласилась, чтобы часть переведенных, но еще не выданных денежных сумм была использована для проведения выборов. Хеймвер не оставлял ни у кого сомнений насчет того, что он не намерен выпустить из своих рук правительственную власть, несмотря на результаты выборов. В хеймверовской прокламации говорилось: «Если хеймвер взялся сегодня за правительственный руль, то он сделал это не для поддержки Христианско-социальной партии, а для того, чтобы с железной решимостью удерживать этот руль и не допустить,

---

¹ Ernst Rüdiger Starhemberg, Memoiren, Wien — München, 1971, S. 81—82, 84—85.

² Ernst Rüdiger Starhemberg, Memoiren, S. 94, 98.

чтобы он был снят красным большинством». Штаремберг заявил 29 октября: «Теперь мы здесь и не выпустим бразды правления, как бы ни прошли выборы». 4 ноября 1930 г. вернулся высланный ранее из Австрии начальник штаба хеймвера Пабст.

Состоявшиеся 9 ноября новые выборы ознаменовались тяжелым поражением Христианско-социальной партии и принесли значительный успех «блоку национальной свободы»¹, которым руководил Шобер. Число голосов, поданных за социал-демократов, осталось почти на прежнем уровне (41,13% вместо 42,3%). Хеймверовцы получили восемь мандатов. Коммунисты впервые добились увеличения числа поданных за них голосов. Они получили 20 879 голосов, т. е. на 29% больше, чем на парламентских выборах в 1927 г.

После того как стали известны результаты выборов, Штаремберг еще раз пытался уговорить Вогуэна рискнуть осуществить путч. Но Вогуэну это казалось слишком опасным, поскольку он не мог даже твердо рассчитывать на всех членов Христианско-социальной партии. Кроме того, венская полиция твердо поддерживала Шобера, о котором было известно, что он против путча. В этой обстановке правительство сообщило об отставке.

Хеймвер попал в тяжелый кризис, продолжавшийся весь 1931 г. В декабре 1930 г. хеймвер Нижней Австрии, которым руководил политический деятель Христианско-социальной партии Юлиус Рааб, отказался от Корнёйбургской клятвы. Венский хеймвер во главе с майором Феем больше не признавал руководство Штаремберга. Курт Шущниг основал соперничающую с хеймвером организацию «Остмеркише штурмшарен», явно монархистского направления. Ландбунд начал создавать собственные «отряды крестьянской обороны», для которых была характерна великогерманская идеология, что вскоре привело их в лагерь национал-социализма. Штаремберг ушел в отставку в пользу Пфримера, поскольку его собственное финансовое положение пошатнулось. Социал-демократические газеты снова ликовали по поводу побе-

---

¹ В этот блок входили представители Великогерманской партии и ландбунда. Ландбунд представлял собой союз, который ориентировался в основном на кулацкие слои сельского населения, имел тесные связи с национал-социалистами и хеймверовцами. — *Прим. перев.*

ды, одержанной над фашизмом с помощью избирательного бюллетеня. Они продолжали свою вредную политику преуменьшения фашистской опасности. Журнал «Фертрауэнсман» писал в декабре 1930 г.: «Каким жалким выглядит напыщенное хеймверовское движение по сравнению с мощью социал-демократии... И оно хочет силой оружия подчинить себе страну!» А через три года произошло то, над чем так смеялись!

Путч Пфримера в сентябре 1931 г.

Коммунистическая партия Австрии предостерегала от иллюзий и призывала к бдительности. Она указывала на все более усиливающийся процесс слияния государственного аппарата с фашистами и предупреждала об обманчивости надежд на законность. Ведь результаты выборов, после которых социал-демократия в общем укрепила свои позиции, ничего не изменили в сдвиге соотношения сил в пользу реакции. А последняя давно уже не придерживалась законности, причем после 15 июля 1927 г. не стала бояться методов борьбы, применяемых социал-демократией. Реакция выжидала лишь благоприятной возможности, чтобы сбросить маску парламентско-демократической законности.

Насколько обоснованными были предупреждения коммунистов, наглядно показывает эпизод с хеймверовским путчем 13 сентября 1931 г. В этот день фюрер хеймвера Штирии адвокат Пфример собрал своих хеймверовцев, после чего они заняли вокзалы, здания, где размещались начальники округов, жандармерия и другие учреждения. Правительственные власти нигде не приняли мер против хеймверовцев. Бургомистры — социал-демократы были арестованы, буржуазные депутаты доставлены из своих квартир. Пфример издал прокламацию, в которой утверждалось, будто народ Австрии в час величайших испытаний... призвал его для своего спасения в качестве верховного хранителя его прав. «В конституционном патенте» Пфример объявил, что взял на себя в качестве «фюрера государства» законодательную и исполнительную власть в стране и в землях, отменил суды присяжных и ввел осадное положение.

Предпринятая Пфримером попытка осуществить путч не была, как это часто изображается, внезапной бре-

довой идеей одиночки. В действительности на одном из проведенных перед этим совещаний вожakov хеймвера дискутировался вопрос, каким образом следует покончить с парламентской системой, и в принципе было решено организовать мятеж. Правда, дата не была определена, поскольку Штаремберг ждал подходящего повода. Пфример выступил, надеясь, что другие лидеры хеймвера последуют его примеру. Однако они бросили его на произвол судьбы.

Рабочий класс дал отпор, во многих местах путчисты были разогнаны. Из внешнеполитических соображений правительство также было вынуждено, наконец, выступить против путчистов. Пфримеру пришлось трубить отбой, он бежал в Югославию, а его подчиненные были арестованы. Штаремберг также в течение одного дня находился под арестом.

Но путчисты остались совершенно безнаказанными. Военные так медленно осуществляли свой марш против хеймверовцев, что те смогли снова запрячь в тайники все свои запасы оружия. Штаремберг позднее вспоминал, что он позвонил Вогуэну и сказал ему: «Я прошу тебя при всех обстоятельствах воспрепятствовать тому, чтобы армия выступила против хеймвера, так как в этом случае неизбежно произошли бы местные столкновения... Ответ: Я не могу ничего обещать, но смотрите, лучше убирайтесь!.. Колонны солдат, которые двигались на грузовиках, внезапно столкнулись с необходимостью серьезной починки моторов или же с другими трудностями. В результате хеймвер получил время, чтобы скрыться»¹. Солдатам, например, потребовалось три часа, чтобы преодолеть 50 км от Граца до Брука-на-Муре!

Судебное дело против фюреров хеймвера было прекращено. Пфример возвратился из Югославии, предстал перед судом присяжных и в декабре 1931 г. был оправдан. Руководство социал-демократической партии, вспомнив события 15 июня 1927 г., немедленно призвало рабочих не дать вовлечь себя «в какие-либо безрассудные действия, в бурные проявления возмущения и бесполезные демонстрации». «Мы не будем зря растрачивать наши силы, — говорилось далее, — а соберем их в кулак в расчете на решающий час».

---

¹ Ernst Rüdiger Starhemberg, Memoiren, S. 110.

Рабочие Австрии еще раз были готовы дать путчистам надлежащий отпор. Снова появилась возможность покончить со всей хеймверовской нечистью. В Леобене рабочие-коммунисты и рабочие — социал-демократы действовали вместе, чтобы изгнать фашистов. Но этот шанс также остался неиспользованным. «Тем самым была упущена, вероятно, решающая возможность нанести сокрушительный удар по фашизму», — писал в 1934 г. Отто Лейхтер¹. Вооружение фашистов продолжалось, а руководство социал-демократии ограничивалось тем, что высмеивало хеймвер и преуменьшало фашистскую опасность. Наряду с этим подозрительно восхвалялись собственные силы и решимость к борьбе.

Голос компартии снова предупреждал австрийский пролетариат о фашистской опасности, призывал организовать подлинно боевые выступления. 1932 г. был годом роста активности и успехов австрийских коммунистов. Им удалось мобилизовать широкие массы трудящихся против усиления фашистской угрозы и фашистского террора, а также против продолжавшегося снижения заработной платы и сокращения социальных прав. Под руководством компартии в ряде промышленных районов состоялись конгрессы единства, в которых участвовали тысячи делегатов, причем, кроме коммунистов, среди них было много беспартийных и социал-демократов. Разработанная компартией «Программа обеспечения работой» содержала важнейшие требования, рассчитанные на преодоление тяжелых последствий экономического кризиса, сказывавшихся на рабочих. Компартия разработала также конкретные программы требований для важнейших слоев населения — женщин, молодежи, крестьян и безработных.

Свою главную задачу компартия видела в установлении боевого единого фронта пролетариата. Вопреки всем клеветническим измышлениям компартия выдвигала лишь одно условие — наличие честного желания бороться. Под руководством коммунистов организация «Антифашистское действие» мобилизовывала рабочих независимо от их политической принадлежности на борьбу против всех форм проявления фашизма. Так, в антифашистской манифестации против запланированного визита Гитлера в Вену приняли участие 10 000 демонстрантов.

---

¹ Pertinax, Österreich, 1934, S. 139.

Избирательную кампанию в 1932 г. компартия проводила под лозунгами борьбы против «санации», организованной Ротшильдом, против фашистской опасности. На выборах в ландтаги и общинные советы, которые проходили в апреле 1932 г. на $\frac{2}{3}$ территории Австрии, коммунисты получили 40 000 голосов. Компартия стала оказывать идеологическое влияние на левую оппозицию, возникшую внутри социал-демократической партии, особенно среди молодежи, хотя она по-прежнему подчинялась руководству партии. Всего этого, однако, было недостаточно, поскольку подавляющее большинство рабочего класса находилось в фарватере социал-демократического руководства.

Усиление национал-социализма

Под влиянием быстрого усиления национал-социализма в Германии в Австрии также начала складываться новая ситуация. Совершенно незначительная до этого нацистская партия достигла на уже упоминавшихся выборах в 1932 г. значительного успеха. Она провела 15 человек в венский муниципалитет и трех депутатов в бундесрат. Успех нацистов был в значительной мере достигнут за счет немецко-национальных партий¹, однако Христианско-социальная партия также почувствовала угрозу своим позициям. Характерно, что нацисты получили сильный прирост голосов в избирательных участках, находившихся в казармах. Среди избранных нацистских депутатов двое были офицерами действительной службы.

Между национал-социалистами и сторонниками австрофашизма разгорелась отчаянная борьба. Нацисты требовали роспуска парламента, назначения новых парламентских выборов и участия в новом правительстве. Христианско-социальная партия, которая опасалась тяжелого поражения на выборах в парламент, всеми силами воспротивилась этим требованиям. Социал-демократическая партия присоединилась к требованию о проведении новых выборов. Ее вожди надеялись, что нацисты провалятся на парламентском поприще и, следовательно

---

¹ Имеются в виду Великогерманская партия и ландбунд. — *Прим. перев.*

но, перестанут быть опасными. Как будто бы в то время парламентская деятельность имела решающее значение!

Обе эти фракции фашизма были едины в одном — в стремлении подавить австрийское рабочее движение. Но их разделяли обоюдное соперничество, а также серьезные различия в вопросах внешней политики. Национал-социалисты были не кем иным, как агентурой германского империализма в Австрии, составной частью немецкой национал-социалистской партии. Они оплачивались германской тяжелой промышленностью, их политика диктовалась из штаба, находившегося в Мюнхене. Нацистские организации управлялись немецкими фашистскими инструкторами и инспекторами.

Нацисты выражали страстное стремление германского империализма к аннексиям, готовность к аншлюсу той части крупной австрийской буржуазии, которая либо тесно была связана с германским финансовым капиталом, либо зависела от него. При этом нацисты использовали выгодную для них великогерманскую агитацию, проводившуюся после 1918 г. всеми австрийскими партиями, за исключением коммунистической. Эта агитация велась в обязательном порядке даже в школах. Нацистскими кадрами были недовольные интеллигенты, люди, потерпевшие крушение в жизни.

В отличие от нацистов австрийские фашисты представляли ту часть предпринимателей, которая боялась конкуренции германского капитала и во внешнеполитической области ориентировалась на итальянский фашизм. Они не были австрийскими патриотами, заботившимися о подлинной независимости Австрии, как они сами об этом громогласно заявляли в то время и какими их старается изобразить сегодня симпатизирующая австрийским фашистам историография. Австрийские фашисты не в меньшей степени, чем нацисты, отстаивали тезис, будто австрийцы являются частью немецкой нации. Они считали Австрию вторым *немецким* государством (это выражение принадлежит Зейпелю), пропагандировали «немецкую миссию Австрии», вообще говоря, старались не отстать от нацистов в своем немецком ура-патриотизме.

Капиталистические заправки, стоявшие за австрийским фашизмом, были против аншлюса, по крайней мере

в то время, лишь вследствие своих экономических интересов. Они предпочитали «независимость» Австрии, которая должна была основываться на зависимости страны от фашистской Италии, следившей в то время с недоверием за проникновением Германии в район Дуная. Другие идеологические различия между этими двумя разновидностями фашизма, как, например, ориентация австрийских фашистов на католическую церковь и ее социальное учение, имели в конечном счете второстепенное значение.

Нет смысла давать более подробный анализ идеологии австрийского фашизма хотя бы потому, что австрийские фашисты сами не имели четких представлений. Единственное, что было у них вполне определенным,— это стремление силой ликвидировать влияние рабочего класса, разгромить его организации, устранить парламент и буржуазную демократию и установить фашистскую диктатуру. В качестве теоретического обоснования австрийский фашизм использовал папскую энциклику «Квадрагесимо анно» 1931 г., в которой наряду с благочестивыми пожеланиями классового примирения труда и капитала пропагандировалось сословное государство с авторитарным руководством. Но ссылка на эту энциклику, на «христианско-немецкое сословное государство» и т. д., была не чем иным, как идеологическим приукрашиванием диктатуры, что наглядно доказала практика с 1933 по 1938 г.

На деле же дольфусы, шушниги, штаремберги, фей и им подобные под маской «австрийского патриотизма» подчиняли все свои цели классовым интересам буржуазии, дрожавшей за свою власть. Их показная любовь к отечеству лишь маскировала невероятную ненависть к рабочему классу.

Нацисты щедро финансировались национал-социалистской партией Германии, а также австрийской тяжелой промышленностью. В тот период проникновение немецкого капитала в Австрию достигло высшей точки. В политической области это нашло выражение в проекте австро-германского таможенного союза, который был разработан в ходе переговоров Шобера с министром иностранных дел Германии. Этот план создания таможенного союза представлял собой попытку экономически укрепившегося немецкого империализма восстановить

потерянные им в период первой мировой войны позиции.

Проект встретил ожесточенное сопротивление империалистов Антанты и Малой Антанты, что выразилось также в экономическом давлении на Австрию, который значительно обострил экономический кризис. Поэтому от плана создания таможенного союза пришлось отказаться. Однако германский империализм не оставил своих стремлений к экспансии. Поддержка им нацистской партии в Австрии была одним из средств для достижения этой цели. Поэтому концерн «Альпине-Монтан», который практически подчинялся в то время крупнейшему немецкому сталеному концерну, финансировал нацистскую партию, выдавая ей большие денежные суммы, не прекращая при этом выдачу субсидий хеймверу.

Экономический кризис в Австрии

Тяжелый экономический кризис в котором находилась Австрия, способствовал росту нацизма. С одной стороны, ускорился процесс концентрации капитала, число крупных банков сократилось до трех, в текстильной промышленности шло массовое разорение крупных и мелких фирм. Возникли монополистические картели в спичечной, бумажной и сахарной отраслях промышленности. В конечном итоге в Австрии фактически не стало ни одной отрасли народного хозяйства, в которой бы не господствовал один или несколько картелей. В 1931 г. банк Рогшильда располагал 60% всего австрийского акционерного капитала и контролировал $\frac{3}{4}$ крупных и средних предприятий. С другой стороны, эта концентрация капитала вела к свертыванию производства, поскольку в ходе укрупнения банк одни предприятия объединял, а другие закрывал. При этом теряли работу все жители многих поселков и горных долин. Закрывались фабрики и заводы, изготовлявшие машины, локомотивы и вагоны. Выпуск продукции самого крупного и современного предприятия — автозавода в Штейре — был сведен к минимуму.

Безработица стала постоянным явлением. В каждой рабочей семье был по меньшей мере один безработный. Во многих же семьях не было ни одного работающего. От

безработицы и отсутствия перспектив найти работу особенно страдала подрастающая молодежь. Весной 1932 г., по оценке Отто Бауэра, все австрийское молодое поколение было безработным. В конце 1932 г. 40 000 безработных находились в возрасте до 21 года.

Капитал беспощадно использовал возникшую возможность для наступления на заработную плату трудящихся. В то же время безработица и снижение заработной платы ограничили сбыт внутри страны. Импорт упал с 3,3 млрд. шиллингов в 1929 г. до 1,4 млрд. шиллингов в 1932 г. и составил 42% уровня 1929 г. Экспорт снизился за тот же период с 2,2 млрд. шиллингов до 764 млн. шиллингов, т. е. составил всего 30% уровня 1929 г. Кроме того, произошло изменение состава экспорта в сторону большего вывоза дешевого сырья и полуфабрикатов по сравнению с готовыми товарами, имеющими относительно высокую стоимость.

В мае 1932 г. оказался на грани банкротства банк Ротшильда, который надорвался, поглотив ранее банк «Боденкредитанштальт». Чтобы спасти банк Ротшильда от краха, вмешалось государство. «Санация Ротшильда» возложила новые тяготы на австрийских трудящихся и грозила превзойти экономические возможности страны. При сильно сократившемся объеме экономики денежное обращение повысилось на 20%, в то время как запасы золота и валюты сократились до одной трети. Удалось, правда, получить новые иностранные кредиты, так называемый Лозаннский заем. Однако за это пришлось согласиться на новые серьезные ограничения австрийского суверенитета. Австрия была вынуждена отдать в залог свои железные дороги и провести довольно значительные увольнения среди железнодорожников и государственных служащих.

В этой обстановке агитация нацистов имела успех, особенно среди молодежи, мелкобуржуазных кругов и безработных. Невыносимое бедственное положение широких слоев австрийского населения способствовало тому, что нацисты приобретали новых сторонников.

Большая часть населения страдала от недоедания, смертность среди грудных детей достигла опасных размеров. Безработные составляли самую обездоленную в социальном отношении часть австрийского населения. Их

и без того тяжелое положение постоянно ухудшалось. Безработица часто сопровождалась отсутствием жилья. Для безработных социально-политические достижения Первой республики имели ничтожное значение, они были мало заинтересованы в существующем строе. Поэтому до них хорошо доходили демагогические нападки нацистов на «господствующую систему».

Коммунистическая партия старалась сплотить безработных на борьбу за их жизненные интересы и добилась некоторых успехов в этом направлении. Она смогла организовать комитеты безработных и провести «голодные марши». Благодаря нажиму на муниципальные управления коммунистам удалось добиться некоторых льгот для безработных. Однако в целом их положение оставалось безнадежным.

Крестьяне также страдали от кризиса сбыта. Они не могли выплатить проценты по долгам и налоги. Большое количество крестьянского скота, целые крестьянские дворы продавались в принудительном порядке с аукциона. Во время наложения ареста на имущество дело доходило до прямых стычек между крестьянами и солдатами.

Однако главным резервуаром нацистов была пангермански настроенная часть студенчества и интеллигенции, которая преобладала в этих прослойках. Стремление примкнуть к национал-социалистам еще больше усилилось в этих кругах, так же как и среди мелкой буржуазии, вследствие экономического кризиса, неуверенности в настоящем и будущем дне.

Нацисты начали проводить террористические акции против рабочих, стали нападать на их собрания. В то же время они усилили агитацию против правительства.

Правительство Дольфуса

В парламенте правительство испытывало все большие трудности и вынуждено было уйти в отставку. 20 мая 1932 г. главой восемнадцатого буржуазного кабинета Первой республики стал Энгельберт Дольфус, бывший секретарь крестьянской палаты Нижней Австрии, министр сельского и лесного хозяйства, мало известный до

этого как политик. Дольфус стал канцлером, опираясь на депутатов Христианско-социальной партии и хеймвера, получив большинство лишь в один голос. Этот энергичный человек из числа молодых руководителей Христианско-социальной партии, у которого малый физический рост (всего 1,53 см) компенсировался энергией и самоуверенностью, был исполнен решимости никоим образом не сдавать своих позиций, ослабить нацистов и ввести в Австрии авторитарный, антисоциалистический режим. До сих пор спорят, пришел ли он к власти, уже имея твердый план «обосновать и осуществить отделение правительства от парламента». Вся политика Дольфуса свидетельствует о его твердом намерении установить в Австрии авторитарный режим, хотя, возможно, вначале ему не был ясен конкретный путь к этой цели. На первых порах он и самые реакционные круги буржуазии не имели четкого представления, на кого им больше опираться: на Гитлера или на Муссолини.

Дольфус все больше убеждался, что на пути к авторитарному государству со стороны социал-демократического руководства ему следует ожидать весьма острую оппозицию на словах, но не серьезное сопротивление, несмотря на очевидную готовность рабочих к борьбе. Его ободрял пример капитулянтской политики германской социал-демократии, хотя австрийские социал-демократы высмеивали и презирали ее, высокопарно заявляя, что в Австрии не может произойти того, что случилось в Германии. Выступая на съезде социал-демократической партии в 1932 г., Отто Бауэр коснулся капитуляции 20 июля 1932 г. прусского правительства, возглавлявшегося социал-демократами, и заявил: «О, я знаю, если бы наши господствующие классы были уверены, что австрийские и венские рабочие останутся такими же спокойными, как немецкий рабочий класс 20 июля, то они послали бы, возможно, в венскую ратушу одного лейтенанта и трех солдат (веселое оживление в зале). Но они, я полагаю, еще подумают (снова веселое оживление и аплодисменты)».

Мы хотели бы процитировать здесь коммунистическую оценку социал-демократического пути, который привел к февралю 1934 г.: «После этого заявления Отто Бауэра, вызвавшего веселое оживление, остается рассказать лишь драматическую историю 1933 г., того года, который на

всем протяжении был одним-единственным днем 20 июля, и того года, который кончился февралем 1934 г.» ¹.

Громкие фразы лидеров социал-демократической партии лишь прикрывали ее капитуляцию. Об этом один из социал-демократов сказал: «На партийном съезде в 1932 году не было недостатка в заверениях насчет готовности рабочего класса к борьбе. Однако проводимая партией в действительности политика постоянного отступления опровергала эти заверения, делала их пустыми и неэффективными» ².

Дольфус и хеймвер

Движущей силой готовящегося фашистского переворота были хеймверовцы. Получая помощь из Италии и Венгрии, под водительством Штаремберга они развили активную деятельность. Штаремберг побывал в феврале 1932 г. в Берлине, где встречался с Гитлером и откровенно высказался в пользу великогерманизма. Однако после этого он заручился поддержкой Муссолини; посетив его 9 июня 1932 г. Штаремберг потребовал 150 000 винтовок и от 200 до 250 пулеметов «для успешного путча хеймвера ранней осенью», так как боялся возможной коалиции Христианско-социальной и социал-демократической партий. Штаремберг поехал также к Хорти и получил у него одобрение своих планов. Хеймвер был намерен проголосовать против получения Лозаннского займа и подготовил два плана путча против Дольфуса. Однако при посредничестве Зейпеля между Дольфусом и Штарембергом состоялась беседа, о содержании которой ничего не известно. Но, очевидно, беседа содействовала тому, что хеймверовцы проголосовали в конце концов за Лозаннский заем.

Когда в октябре 1932 г. венгерским премьер-министром стал Дьюла Гембеш, Италия и Венгрия начали оказывать поддержку Дольфусу. Муссолини и Гембеш с 9 по 12 ноября провели в Риме переговоры и приняли решение оказывать Дольфусу всяческую помощь в ходе проводимых им фашистских преобразований внутри страны. Они выработали новый план фашизации Австрии исходя из

---

¹ «Österreich — Brandherd Europas», Zürich, 1934, S. 44.

² «Werk und Widerhall...», S. 460.

«общей венгерской и итальянской заинтересованности в том, чтобы помочь крайне правым элементам в Австрии прийти к власти».

Италия еще теснее привязала Венгрию и Австрию к своей политике, обеспечив им на конференции в Стресе преференциальные пошлины.

Первые чрезвычайные декреты

На партийном съезде в 1932 г. Отто Бауэр отметил, что «в данный момент мы сталкиваемся с совершенно другим вопросом... с необходимостью сохранить остров демократических свобод». Но в то время уже нельзя было отстоять эти демократические свободы лишь одними парламентскими средствами. Как подчеркивали коммунисты, для этого нужно было мобилизовать рабочий класс, применить внепарламентские профсоюзные и военные средства борьбы. Этой точки зрения придерживались также многие представители левой оппозиции в социал-демократической партии. Однако они не в состоянии были добиться пересмотра тактики партии.

Кете Лейхтер (казненная в 1942 г. нацистами) заявила, согласно протоколу съезда: «Мы должны констатировать, что обеспечить на деле действенность демократии может лишь такая политика, которая является сознательной политикой силы и постоянно готова применить все средства борьбы, в том числе и революционные средства». Исходя из этой точки зрения левые критиковали капитулянтскую политику правления партии.

Фридрих Штрассер из Санкт-Пёльтена, ставший после 1934 г. членом ЦК КПА, позднее также убитый нацистами, заявил: «В течение многих лет мы говорили о готовности пролетариата к отпору. Но мы не обеспечиваем этой готовности, обрекая безработных на нищету, отчаяние и полную деморализацию».

Но левые в то время не были достаточно последовательными, чтобы сделать из своей критики организационные выводы. Они не имели четкой позиции и по такому важному вопросу, как единый фронт с коммунистами. Правда, некоторые из левых установили связи с Коммунистической партией Австрии. Однако правление партии

смогло в конечном итоге протащить свою старую политику.

Социал-демократические лидеры сделали своим руководящим принципом шумные апелляции к «праву». Насколько мало им это могло помочь, доказал сам Дольфус, который тем временем разработал набор средств, чтобы править без парламента, формально не отменяя конституции. Он прибегнул к закону военного времени об особых полномочиях (1917 г.). Этот закон давал императорскому правительству полномочия издавать в целях снабжения населения продовольствием чрезвычайные декреты, причем без участия парламента.

Социал-демократическая пропаганда пыталась позднее создать впечатление, будто этот закон где-то тайлся, «забытый и не использовавшийся». В действительности же на опасность этого закона указывалось еще во время обсуждения первой конституции. Интересно, что человек, который обратил на это внимание Реннера, хотя и безуспешно, был представителем Христианско-социальной партии. В 1929 г. чрезвычайная общеавстрийская конференция социал-демократической партии одобрила изменение конституции, однако при условии, что «будет достигнуто соглашение... насчет отмены закона военного времени об особых полномочиях». Но руководство социал-демократии отказалось позднее и от этого требования.

Первый чрезвычайный декрет, изданный 3 октября 1932 г. министром юстиции Шушнигом, был с хитрой расчетливостью направлен против дирекции обанкротившегося банка «Кредитанштальт» и обязывал ее компенсировать нанесенный ущерб. Это требование, несмотря на то, что оно по форме противоречило конституции, нашло всеобщее одобрение. Примененный таким путем один раз закон военного времени об особых полномочиях стал служить маскировкой процесса фашизации.

Хеймвер и нацисты усилили террористическую деятельность против рабочих. Там, где рабочие оказывали сопротивление, были убитые и раненые, как, например, в Леобене и Граце в начале сентября 1932 г. После того как хеймвер провел в Вене свой «день», нацисты также отважились организовать подобное мероприятие 2 октября 1932 г., причем тоже в Вене. В нем приняли участие Геринг и фюрер СА Рем, прибывшие из Германии.

Коммунисты организовали в венских рабочих районах демонстрации против нацистов, хотя социал-демократическое руководство удерживало своих сторонников от участия в них.

16 октября нацисты напали на Рабочий дом в Зиммеринге. Рабочие дали им отпор, причем два нациста и один полицейский были убиты. Полиция встала на сторону фашистов и арестовала 16 шувбундовцев. Коммунисты потребовали в выпущенной ими листовке: «Ни одного фашистского марша в рабочих районах! Долой нацистские казармы! Гоните коричневых убийц из рабочих районов! Боритесь за освобождение рабочих из Зиммеринга!»

Коммунистические призывы провести забастовку протеста находили весьма широкий отклик. Поэтому социал-демократическим партийным лидерам пришлось предпринять огромные усилия, чтобы на Зиммерингской конференции членов производственных советов и доверенных лиц добиться решения, отклонявшего эту забастовку, при том весьма малым перевесом голосов.

Дольфус включил в свое правительство фюрера венского хеймвера Эмиля Фея и поручил ему руководство всей системой безопасности. Лидеры социал-демократической партии снова призывали рабочих стоять «с ружьем к ноге».

30 января 1933 г. канцлером Германии стал Гитлер. Отсутствие сопротивления со стороны немецкого рабочего класса дало Дольфусу и Фею новый стимул в их подготовке к гражданской войне и способствовало новому подъему нацистского движения в Австрии.

Правительство подавляет забастовку железнодорожников

Правительство показало свою твердость во время забастовки железнодорожников. Ссылаясь на отсутствие денег в кассе, вызванное экономическим кризисом, дирекция государственных железных дорог отдала распоряжение выплачивать заработную плату в три срока. Речь шла не только об ухудшении материального положения, что вызвало гнев у железнодорожников. Не менее важным было то обстоятельство, что это распоряжение было сде-

лено через голову доверенных лиц и означало введение авторитарного режима на железных дорогах. Характерно, что при этом дирекция ссылалась на договор о Лозаннском займе.

Железнодорожники принадлежали к профсоюзной элите австрийского рабочего класса и не собирались стерпеть без сопротивления такое нарушение своих прав. Первого марта 1933 г. по призыву профсоюзных организаций — как свободных профсоюзов, так и великогерманских и даже христианско-социальных — железнодорожники начали двухчасовую забастовку протеста. Но правительство ответило — впервые в истории Австрии — резкими репрессивными мерами. Оно дало указание солдатам и жандармерии занять вокзалы, арестовать руководителей профсоюзов железнодорожников, пригрозило бастующим судом и тем самым достигло прекращения забастовки без каких-либо условий. Против наиболее активных железнодорожников были широко применены административные меры. Служащие низших категорий поплатились четырехпроцентным снижением заработной платы, средних категорий — предупреждением об увольнении, а внештатные служащие были немедленно уволены.

В ходе борьбы железнодорожники оказались предоставлены самим себе, сила их профсоюзных организаций была сломлена. Мы уже упоминали о том, какое роковое действие оказало поражение железнодорожников на события 12 февраля 1933 г. Они уже не рискнули провести забастовку, и фашистское правительство имело в своем распоряжении железные дороги и неограниченно использовало их против сражавшихся рабочих.

Устранение парламента

Забастовка железнодорожников имела своего рода парламентское продолжение, которое совершенно неожиданно должно было стать исходным пунктом для устранения парламента. Дольфус давно планировал это, но не отваживался сделать.

4 марта 1933 г. в парламенте обсуждались меры наказания железнодорожников. При этом как социал-демократы, так и представители Великогерманской партии внесли

вотум недоверия правительству Дольфуса. Для Христианско-социальной партии это было проверкой на раскол, поскольку не все ее депутаты хотели одобрить репрессивные мероприятия против железнодорожников. В течение трех дней и ночей партийный аппарат обрабатывал этих депутатов, прежде чем парламентская фракция в последний момент перед началом заседания обязалась действовать единодушно.

В ходе заседания предложение социал-демократов было отклонено 91 голосом против 70, а предложение Великогерманской партии прошло, причем за него голосовали 81 человек против 80. После этого, однако, выяснилось, что один депутат — социал-демократ подал по ошибке два бюллетеня со своим именем против правительства, в то время как его сосед не опустил бюллетеня. Хотя эта ошибка не изменила исход голосования, фракция Христианско-социальной партии потребовала, чтобы голосование было объявлено недействительным. Председатель парламента социал-демократ К. Реннер отклонил это требование как противоречащее порядку ведения заседания.

Рабочие — социал-демократы давно выражали недовольство тем, что не хватало лишь голоса Реннера, который в качестве председателя парламента не имел права голосовать, чтобы правительство осталось в меньшинстве. Социал-демократическое руководство решило теперь не упустить случая и устранить этот досадный недостаток. Тогдашний парламентский секретарь социал-демократической фракции, позднее президент Второй республики, Адольф Шерф вспоминал, что Отто Бауэр и Зейц поручили ему побудить Реннера уйти в отставку. Вместе с Даннебергом Шерф направился к Реннеру, чтобы передать ему это предложение. После того как Реннер принял предложение и ушел в отставку, его преемник Рамек (Христианско-социальная партия) хотел повторить голосование. Однако социал-демократы, боясь, что по меньшей мере один депутат от Великогерманской партии изменит свою позицию, не допустили повторения голосования. Зейц, считавшийся лучшим знатоком парламентских порядков, воскликнул патетически: «Этого не может сделать даже сам господь бог!»

Тогда Рамек также сложил с себя обязанности председателя. То же самое сделал и третий председатель парла-

мента, представитель Великогерманской партии. Тем самым создавалась не предусмотренная порядком работы ситуация, когда парламент остался без председателя. В парламенте началась невероятная сумятица. В нормальной обстановке этот инцидент можно было бы легко разрешить путем соглашения трех парламентских партий или же путем вмешательства президента республики. Когда Реннер по поручению клуба депутатов — социал-демократов обратился к президенту Микласу с предложением выполнять свои прежние функции, тот выразил готовность разрешить ему это.

Но социал-демократическое партийное руководство было слишком трусливым, чтобы опубликовать заявление Микласа в печати и тем самым поймать его на слове. Социал-демократический клуб депутатов отклонил предложение о публикации. Напротив, Дольфус решил последовательно использовать благоприятную ситуацию, которая ему как будто с неба свалилась. Президент Миклас — деятель Христианско-социальной партии, отклонил теперь просьбу Реннера. А ведь избрание Микласа в 1928 г. стало возможным лишь благодаря тому, что социал-демократическая партия дала указание опускать белые избирательные бюллетени, якобы для того, чтобы воспрепятствовать избранию Зейпеля.

Единственной реальной возможностью отстоять парламентскую демократию в Австрии была бы мобилизация рабочего класса. Но лидеры австрийской социал-демократии, как левый Отто Бауэр, так и правый Карл Реннер, считали положение не опасным. В течение трех весьма важных дней они ничего не сделали для мобилизации масс. Отто Лейхтер настойчиво предлагал Бауэру, чтобы Реннер, как президент парламента, еще в ту же ночь созвал новое заседание. Но Бауэр ответил: «Положение еще не столь опасно, выход найдется»¹. В то же время лидер нижнеавстрийских социал-демократов О. Хельмер уже 6 марта начал переговоры с Дольфусом.

Дольфус ожидал результатов немецких выборов 5 марта 1933 г., которые проходили в обстановке террора против коммунистов, развязанного после поджога рейхстага. Когда он увидел, что заметного сопротивления гитле-

---

¹ Otto Leichter, Otto Bauer — Trägödie oder Triumph, Wien, 1970, S. 379.

ровской диктатуре не предвидится, он не стал медлить с государственным переворотом, тем более, что находился в благоприятной внешнеполитической обстановке, когда по соседству с Австрией — в Германии, Италии, Югославии и Венгрии — у власти стояли авторитарные правительства.

Дольфус действует решительно

В ночь с 7 на 8 марта Дольфус предложил президенту отставку своего кабинета, чтобы на основе закона военного времени об особых полномочиях снова назначить себя. В обращении «К австрийскому народу» Дольфус заявил, будто парламент сам себя распустил и что имеется лишь единственная конституционная инстанция — правительство республики. Парламентский кризис отнюдь не должен означать государственного кризиса. Поэтому в связи с создавшимся чрезвычайным положением правительство будет продолжать управлять страной без парламента, на основе закона военного времени об особых полномочиях. Парламентский клуб депутатов от Христианско-социальной партии одобрил 7 марта 1933 г. планы Дольфуса и принял решение, что правление страной должно осуществляться в течение определенного времени авторитарным образом, пока не будут произведены изменения в конституции и порядке работы парламента.

Первым актом нового правительства Дольфуса был чрезвычайный декрет, запрещающий все собрания и введший предварительную цензуру. Снова наступил решающий момент, когда рабочий класс мог бы преградить путь, ведущий к фашистской диктатуре. В этой борьбе он мог бы рассчитывать на поддержку самых широких непролетарских кругов, так как устранение парламента и репрессии вызвали глубокое возмущение населения, вплоть до крестьянских слоев и части буржуазии.

В тот же день, 8 марта, Дольфус предпринял еще один ход: он вызвал к себе секретаря правления социал-демократической партии Даннеберга и предложил ему пересмотреть до конца марта порядок работы парламента, превратив бундесрат в камеру сословий, а затем снова

созвать парламент. Взамен Дольфус потребовал от социал-демократов передышки. Социал-демократическое руководство, по-видимому, охотно дало Дольфусу себя обмануть.

На заседании правления партии, состоявшемся 7 марта, где обсуждались возможные контрмеры, старый Вильгельм Элленбоген выступил за то, чтобы использовать самые острые средства борьбы. В его воспоминаниях говорится: «На заседании правления партии я заявил, что правительство высказало свое намерение всеми средствами подавить рабочий класс, отнять у него последние права и установить явно фашистское господство насилия. Сейчас, как никогда, настал момент рискнуть пойти на самые крайние меры и объявить всеобщую стачку.

Отто Бауэр... воспротивился моему предложению, и оно, после оживленного обсуждения, было отклонено»¹. На этот раз за предложение начать борьбу выступили и руководители профсоюзов, поставив законный вопрос: если не теперь, то когда же? Практически решение партийного правления означало полную капитуляцию.

Социал-демократическое руководство цеплялось за шаткую надежду мирного решения вопроса. Сильней всего это проявилось в речи Отто Бауэра на венском собрании доверенных лиц 10 марта 1933 г., на котором присутствовало 2000 функционеров партии. В этой речи наряду с громкими угрозами все время подчеркивалась готовность к отступлению. Ученик и друг Отто Бауэра Лейхтер назвал эту речь «самой выдающейся, самой страстной и сильной, которую он когда-либо произносил». Но годилась ли на деле эта речь для того, чтобы пробудить у рабочих волю к борьбе, их решительность? Разве можно считать идейной мобилизацией, воодушевлением к борьбе не на жизнь, а на смерть следующие слова Отто Бауэра: «Мы знаем, что мощная борьба за конституцию нанесла бы глубокие раны народному хозяйству страны. Мы знаем, что когда дело дойдет до решающей борьбы, то будут жертвы, за которые мы сможем ответить матерям нашей страны лишь в том случае, если сделаем до этого все возможное для мирного решения на основе свободы народа»². И разве социал-демократическая партия и ее

---

¹ «Werk und Widerhall...», S. 473.

² «Die Wahrheit über den Februar 1934», Wien, o. J., S. 8—9.

политика действительно уберегли матерей Австрии от слез? Разве матерям Австрии не было еще более горько, когда их сыновья гибли не в победном бою, а были обречены на поражение?

Трагический фарс 15 марта

Руководители социал-демократической партии судорожно искали выхода, чтобы не дать рабочим начать борьбу. Они уговорили вице-президента парламента, представителя Великогерманской партии, взять обратно свое заявление об отставке и собрать 15 марта заседание парламента.

Без преувеличения можно сказать, что внимание не только Австрии, но и всей международной общественности было приковано к этому дню 15 марта. Коммунистическая партия Австрии 14 марта направила социал-демократической партии предложение об установлении единого фронта. Изложив всю серьезность ситуации, компартия указала на решающее значение момента, от которого зависело, установится ли в Австрии на длительное время фашизм или нет. Рабочий класс еще имеет силы для того, чтобы с помощью всеобщей стачки и применения всех других подходящих средств борьбы вынудить правительство отменить чрезвычайные декреты. Тем самым был бы положен конец всему этому кошмару. Компартия заявила о своей готовности вместе с рабочими — социал-демократами развернуть борьбу. В заключение в письме говорилось: «Современная обстановка настоятельно требует создания боевого пролетарского единого фронта. Буржуазия открыто установила жестокую фашистскую диктатуру в Германии. В Австрии буржуазия с помощью Дольфуса также делает решающий шаг к установлению фашистской диктатуры... Дальнейшее бездейтельное выжидание и отступление привели бы к тяжелому поражению австрийского рабочего класса... Перед лицом этих фактов мы призываем правление социал-демократической партии и рабочих — социал-демократов установить единый пролетарский фронт борьбы... Своим контрнаступлением австрийский рабочий класс может показать блестящий пример, имеющий международное значение... Слово за правлением социал-демократической

партии Австрии. Рабочие — социал-демократы, примайте решение!»

Социал-демократическая партия не ответила на это открытое письмо. ЦК Коммунистической партии Австрии послал через 14 дней еще одно письмо правлению социал-демократической партии, в котором подчеркивалось: «Каждый час промедления отпора пролетариата означает капитуляцию перед фашизмом». Лишь после этого социал-демократическая партия дала ответ в газете «Арбайтер цайтунг» от 5 апреля. В нем говорилось, что партия выступает «за единство действий», но считает, что руководство «может быть только в руках социал-демократии и свободных профсоюзов... Если рабочие-коммунисты, действуя солидарно и дисциплинированно, станут участвовать в боях, которые ведут массы рабочих — социал-демократов, то мы всегда будем это приветствовать». Но несчастье состояло в том, что руководство социал-демократии не предпринимало никаких действий, а систематически уклонялось от борьбы.

Так было и 15 марта 1933 г. Руководство социал-демократической партии призвало рабочих быть готовыми начать всеобщую стачку в случае, если бы правительство решило помешать созыву парламента. Дольфус, однако, не дал себя запугать. Он объявил созыв парламента незаконной акцией и пригрозил воспрепятствовать этому силой оружия. Правление партии приняло 13 марта решение о том, что такая попытка равносильна сигналу к всеобщей стачке. С обеих сторон последовал град угрожающих заявлений и статей. Социал-демократическая партия мобилизовала шувбунд. Гражданская война, которая должна была решить вопрос, будет ли в Австрии демократия или фашистская диктатура, на этот раз казалась неизбежной. Вся страна затаила дыхание, глаза всех были направлены на парламента, где в 3 часа дня должен был собраться Национальный совет.

На предприятиях, улицах, в местах сбора шувбундовцев стояли рабочие, готовые к действию, и ждали сигнала. Впоследствии уже никогда не было возможности провести такую мобилизацию масс. Но сигнал не был дан, так как социал-демократическое руководство в самый последний момент отступило перед решительностью правительства Дольфуса. Вместо драмы в парламенте в течение 15 мин. был разыгран фарс.

Когда пришло сообщение, что правительство направило полицейских, чтобы занять до 15 час. зал заседаний парламента, то находившиеся в здании депутаты — социал-демократы и представители Великогерманской партии уже в 14 час. поспешили в это помещение. Депутаты от Христианско-социальной партии и хеймвера бойкотировали заседание, которое, как говорилось в сообщении полиции, было «не объявленным в соответствии с порядком работы парламента собранием в здании Национального совета».

Вице-президент парламента, член Великогерманской партии Штраффнер выступил с коротким обращением: «Так как полиция не впустила других депутатов,— сказал он,— а мы все представляем большинство, правомочное принимать решения, то я объявляю заседание открытым. В каждом отдельном случае, когда полиция будет незаконно мешать членам парламента исполнять их конституционные обязанности, я буду возбуждать уголовное преследование. Господа депутаты будут письменно уведомлены о дате следующего заседания парламента. Считаю на этом заседание закрытым». Немедленно после этого полиция очистила зал.

Этот фарс понадобился руководству социал-демократической партии, чтобы заявить: парламента все же заседал, демократия была спасена. Решение правления от 13 марта было предано забвению, боеготовность масс отменили. Газета «Арбайтер дайтунг» проявила бестактность, допуская мрачные шутки наподобие следующей: «Хотя в парламенте были лишь оппозиционные депутаты, можно было слышать много благодарностей в адрес правительства Дольфуса за то, что оно своими курьезными идеями содействовало развлечению в это серьезное время». На правительство Дольфуса вся эта комедия не произвела впечатления. Парламент уже не существовал.

Газета «Роте фане», находившаяся под строгой цензурой и поэтому выражавшаяся весьма осторожно, как говорил В. И. Ленин, «проклятым рабским языком», писала: «Ну, хорошо, правительство и полицию перехитрили и все-таки провели заседание. Но это, в лучшем случае, была лишь демонстрация. Но что же изменилось в фактическом положении дел?» Рабочие также не верили махинациям руководства социал-демократической партии. В массах распространялось глубокое разочарование по поводу позорной капитуляции.

Характерными для настроения рабочих и функционеров среднего звена социал-демократической партии являются записки вдовы Коломана Валлиша из Брука-на-Муре. Паула Валлиш писала: «Наши рабочие подготовились к борьбе... Они ждали три дня и три ночи. Я не могу умолчать, рабочие были ужасно разочарованы, когда Коломан вернулся из Вены и сообщил, что снова делаются попытки начать переговоры и боеготовность шувбунда отменяется. Среди возмущенных шувбундовцев начался подлинный мятеж, и мой муж должен был снова пустить в ход все свое искусство убеждать, чтобы успокоить возмущенных рабочих. Разочарованные, потерявшие мужество шувбундовцы разошлись. Коломан был также разочарован. Он даже думал о самоубийстве»¹.

Дадим слово еще одному социал-демократу. О. Лейхтер писал: «Но значение 15 марта было в действительности еще большим. Этот день не только подтвердил смерть парламента, он был также тяжелым шоком для широких рабочих масс. Не было такого места во всей Австрии, где рабочие, готовые на все, не ждали бы, что вожди их позовут, те самые вожди, чьи слова они воспринимали совершенно по-иному, чем немецкие рабочие лозунги своих руководителей. Рабочие сидели в своих квартирах и ждали пароля к действию. Шувбундовцы ждали в местах сбора. Они явились туда все (потом уже этого не было) и в полной готовности к жертвам ждали сигнала выступить за свободу. В самых отдаленных уголках Австрии рабочие прислушивались. Велосипедисты и мотоциклисты сидели на своих машинах — ведь каждый момент мог поступить приказ поехать в холодный предвесенний день, чтобы передать сигнал товарищам в далекой горной долине, которые также ждали. Это была армия, и она ждала. И еще до 3 час. дня всю страну облетело сообщение: все обошлось хорошо — парламент заседал. В первый момент было, возможно, удовлетворение мирной победой. Затем наступило глубокое разочарование, отчаянье у большей части молодежи, у других — недоверие и, наконец, деморализация у тех, кого лишь чрезвычайная обстановка воодушевила с готовностью пойти на жертвы. Это 15 марта и последующие дни нанесли первый

---

¹ P. Wallisch, Ein Held stirbt, 2 Auflage, Graz, 1946, S. 213, 214.

тяжелый удар по готовности к борьбе, которая после 7 марта чрезвычайно активизировала весь рабочий класс Австрии»¹.

Последствия 15 марта 1933 г.

В течение десятилетий после февральских событий социал-демократические политики и историки в самых мрачных красках изображали перспективы на победу 15 марта 1933 г. В уже упоминавшейся официозной истории социал-демократической партии, например, говорилось: «Дольфус поставил тем самым социал-демократию перед ужасной альтернативой: уступить ему и допустить гибель демократии или же взяться за оружие. При этом возможность победить была крайне мала»². Но более молодые историки — социал-демократы, хотя и правого направления, вынуждены признать правоту коммунистов, которые призывали к борьбе. Эти историки признают, что 15 марта имелась наиболее благоприятная возможность для начала последовательной борьбы в защиту демократии. Так, Н. Лезер пишет в уже цитировавшейся книге, что перспективы борьбы были «совсем неплохие». «Готовность масс к борьбе,— говорит он,— была еще не сломлена, еще не было чувства усталости и бессилия, которое появилось позже. Дольфус отнюдь не был уверен в торжестве своего дела, а Миклас колебался, как тростинка на ветру»³.

Коммунистическая партия направила «Открытое письмо социал-демократическим рабочим и правлению социал-демократической партии», которое было опубликовано на видном месте в газете «Роте фане» 15 марта 1933 г. Компартия предложила «отбить в рядах пролетарского единого фронта атаки на права рабочего класса» и добиться отмены чрезвычайных декретов «путем применения самых острых средств профсоюзной борьбы». Далее в письме говорилось: «Если правление социал-демократической партии заявит о своем согласии с нашими предложениями, то компартия предложит, чтобы в период совместных действий воздерживаться от каких-либо взаимных напа-

---

¹ O. Leichter, Österreich 1934, S. 186.

² «Der Weg aus dem Dunkel», S. 108.

³ «Werk und Widerhall...», S. 465.

док...» На это письмо в течение нескольких недель не было ответа. Наконец в апреле оно было отклонено.

Социал-демократическая партия объявила рабочим, что призыв к борьбе последует лишь в случае «генеральной атаки» со стороны правительства. Сама же она старалась начать переговоры с Дольфусом. Последний, продолжая со всей последовательностью проводить фашизацию Австрии, был достаточно хитер, чтобы не разрушать надежд руководителей социал-демократической партии. А они полагали, что Дольфус отведет им в своем новом «сословном государстве» соответствующую роль, по меньшей мере в качестве легальной оппозиции. Дольфус даже поощрял их к продолжению переговоров. В многочисленных частных беседах он давал понять, что старается использовать период отсутствия парламента для того, чтобы разработать новую конституцию, после чего парламент будет выполнять свои функции. И этого было достаточно для руководства социал-демократической партии, чтобы продолжать держать в узде рабочий класс. Дольфус же довольствовался тем, что изо дня в день совершал действия, на первый взгляд незначительные, но которые систематически ухудшали позиции рабочего класса.

Переговоры Дольфуса с нацистами

Дольфус пользовался полной поддержкой венгерского премьер-министра Гембеша, который был ему благодарен за попытку доставить контрабандным путем через австрийскую территорию итальянское оружие в Венгрию. Однако это мероприятие потерпело провал из-за бдительности австрийских железнодорожников. Они не пропустили в Венгрию один из транспортов оружия, направленный якобы па оружейный завод в Хиртенберге. Эта «хинтербергская афера» еще больше усилила ненависть трех фашистских фюреров к классово сознательным рабочим Австрии.

Гембеш одобрил совершенный Дольфусом государственный переворот и выступил в его поддержку перед Муссолини. В то же время Гембеш настаивал на установлении взаимопонимания с нацистами, Муссолини, со своей стороны, требовал от Дольфуса, чтобы тот предпринимал дальнейшие шаги против левых. В свою очередь

Дольфус рассказал венгерскому министру иностранных дел, посетившему его на обратном пути из Италии, о будущих планах, наглядно раскрыв свою двойную игру.

Дольфус заявил, что его «важнейшая цель» состоит в том, чтобы «при всех обстоятельствах поставить социал-демократов на колени. Сильнейшее оружие в этой борьбе — это боязнь социал-демократов, что он может заключить союз с их заклятыми врагами, с национал-социалистами». Он намерен использовать эту боязнь, чтобы осуществить фашистскую реформу конституции, после чего намерен ввести в правительство одного или двух нацистов. «Но пока еще реформа конституции не завершена, он не может с ними договориться, поскольку в этом случае он выпустил бы из рук свое самое сильное оружие против левых. Если же этот план не удастся, то он был бы вынужден, не имея возможности бороться на двух фронтах, попытаться найти компромисс с национал-социалистами»¹.

Дольфус дал поручение своим друзьям по партии — Шушнигу, Ринтелену и Бурешу — вести прямые переговоры с нацистами. Дольфус и Штаремберг надеялись тогда, что Гитлер, в знак признания их борьбы против рабочего класса, согласится с тем, что они останутся как его заместники во «втором немецком государстве». Но Гитлер и не думал так. Австрийские национал-социалисты были согласны занять предложенные им министерские посты, однако в качестве предварительного условия требовали объявления новых выборов. Но Дольфус не мог на это пойти, боясь потерять свое большинство, составлявшее один голос. Поэтому переговоры на первых порах окончились провалом.

Удар за ударом по рабочим

Несмотря на партийную дисциплину, рабочие не могли терпеливо сносить все удары. В Бруке-на-Муре шугбундовцы силой оружия воспротивились обыску, организованному жандармерией и хеймвером. Правительство использовало это как повод, чтобы запретить 31 марта 1933 г. «Республиканский шугбунд».

---

¹ L. Kerekes, Abenddämmerung einer Demokratie, S. 137.

Фашистское правительство считалось с тем, что роспуск шуцбунда мог привести к вооруженным столкновениям. На этот случай оно разработало специальный «план действий по тревоге», тот самый план, который был осуществлен в феврале 1934 г. Особое значение правительство придавало моторизации полиции, автомобильный парк которой был увеличен. На улицах были установлены телефонные аппараты для передачи донесений, важные полицейские учреждения получили собственные агрегаты для выработки электрического тока.

Действительно, после запрета шуцбунда состоялись стихийные уличные демонстрации. Однако Отто Бауэр заявил: «Решение нам еще предстоит принять!» Правительство смогло снова запрятать в сейф свой «план действий по тревоге». Социал-демократическое партийное руководство восприняло запрет без какого-либо сопротивления. Шуцбунд был замаскирован под организацию службы порядка в партии. При этом Зейц разыграл комедию, отдав приказ о роспуске венского хеймвера. Однако шеф венского хеймвера, майор Фей, будучи министром внутренних дел, немедленно отменил это распоряжение под издевательский смех фашистов.

Вскоре правительство объявило, что хеймвер становится вспомогательной полицией. Оно продолжало систематически издавать один за другим чрезвычайные декреты, направленные против рабочего класса. При этом главный удар нацеливался по-прежнему против коммунистов. Так, в начале февраля 1933 г. «Роте фане» в течение пяти дней была три раза конфискована. Газета должна была с чувством горечи отметить, что даже «Арбайтер цайтунг» не поместила об этом ни строчки. Правительство запретило распространение «Арбайтер цайтунг». В ответ на это рабочие типографий всех газетных предприятий неожиданно провели 25 марта стихийную забастовку.

Однако впервые в истории газетных забастовок вопреки воле бастующих вышел «нормальный» номер одной из газет. Венский хеймвер гордился тем, что он с помощью своих и привлеченных работников смог выпустить газету «Эстеррайхише хайматшюц цайтунг». При этом социал-демократическая партия даже не отважилась лишить типографию этой газеты электрического тока. Когда же правительство проявило на словах готовность к переговорам, руководство социал-демократической партии

и профсоюзов прекратило забастовку, чтобы этим «не повредить» переговорам. Рабочие типографий, оставленные на произвол судьбы, больше уже не бастовали. 13 февраля 1934 г. вышли все австрийские газеты, за исключением запрещенной «Арбайтер цайтунг».

Правительство выпустило указ о запрещении забастовок на всех жизненно важных предприятиях. Ободренный победой, Дольфус отважился на провокацию, на которую не решались даже во времена монархии — он запретил празднование 1 Мая. Но социал-демократическое руководство проглотило и это. Оно довольствовалось тем, что организовало «гуляния», прогулки возле улиц, огражденных колючей проволокой. «Роте фане», подвергавшаяся сильной цензуре, призвала в статье «Первое Мая принадлежит нам» к совместным демонстрациям в этот день. Перед 1 Мая во всей Австрии были арестованы многие сотни функционеров компартии. Несмотря на это, солдатам и полиции не удалось воспрепятствовать коммунистическим первомайским демонстрациям в рабочих кварталах.

Но Дольфус и Фей готовили новые удары. 14 мая 1933 г. хеймвер организовал встречу возле венского дворца Шёнбрунн, во время которой прошли маршем 40 000 человек в сопровождении эскадрильи самолетов и хеймверовского автомобильного корпуса. Дольфус уже открыто заявил, что «этот парламент не может быть и не будет возрожден в его теперешней форме». Чтобы создать себе базу в массах, Дольфус основал в мае «Отечественный фронт», чтобы собрать в него всех австрийцев, верных правительству.

С помощью экономического и политического нажима в этот «фронт» загонялись в первую очередь государственные служащие, а также лица, работавшие на предприятиях, зависящих от государственных поставок. Члены этой организации должны были публично носить выпущенный значок «Отечественного фронта». Он был похож на половину свастики и представлял собой крест, все концы которого имели форму «Т».

По примеру «третьего рейха» основание «Отечественного фронта» послужило подготовкой к роспуску всех партий. 11 апреля было решено создать вспомогательные войска, а 22 мая была сформирована вспомогательная полиция. В составе этой полиции государство вооружило

первые отряды хеймвера. Затем 1 июля последовало создание «добровольного шюцкора» из отрядов хеймверовцев, организации «Остмеркише штурмшарен» и других союзов, входивших в этот «фронт».

Запрет Коммунистической партии Австрии

Правительство запретило «Союз рабочей обороны», руководимый коммунистами, и большую надпартийную организацию «Роте хильфе» («Красная помощь»). Эта организация оказывала материальную поддержку и правовую помощь тысячам рабочих, преследуемых реакцией. 26 мая 1933 г. был издан чрезвычайный декрет о запрете Коммунистической партии Австрии «из-за неоднократно установленной нелегальной деятельности, враждебной государству». Правительство боялось, что коммунисты благодаря их активности и доходчивым лозунгам завоеют влияние и будут способствовать радикализации рабочих — социал-демократов. Оппозиционные группы в социал-демократической партии все настойчивее требовали установления единого фронта с коммунистами, во многих местах уже имелись созданные к празднику 1 Мая совместные комитеты. Правительство хотело воспрепятствовать дальнейшим успехам компартии. Наряду с запретом компартии реакция в Австрии запретила также и все рабочие организации.

Разумеется, запрет мог лишь затруднить деятельность коммунистов, но не воспрепятствовать ей. Уже задолго до этого партия находилась на полулегальном положении из-за продолжавшихся конфискаций ее газет, листовок и брошюр, из-за запрета ее публичных и партийных собраний, ареста активистов и функционеров. Но и находясь в подполье, компартия с воодушевлением продолжала свою работу, несмотря на возросшие трудности и опасности. Газета компартии «Роте фане» еще несколько месяцев могла выходить легально в качестве частной газеты. 22 июля и эту газету запретили, после чего она снова появилась в середине августа, но уже нелегально.

После запрета компартия направила социал-демократической партии несколько предложений об установлении единого фронта с целью совместной борьбы против всех

уже объявленных и готовившихся запретов. Однако руководство социал-демократической партии умышленно прошло мимо предложений, так как по-прежнему рассчитывало на мнимую готовность правительства к переговорам. Классово сознательные рабочие и либеральные буржуазные круги восприняли запрет компартии как прелюдию к удару против всех рабочих организаций. Даже «Арбайтер цайтунг» писала: «Мы стоим в рядах единого фронта с рабочими-коммунистами против роспуска Коммунистической партии Австрии». Венская конференция социал-демократической партии единодушно высказалась против запрета коммунистической партии. На многочисленных предприятиях были приняты резолюции протеста.

Социал-демократическая партия попыталась обжаловать законность чрезвычайных декретов в конституционном суде. Но правительство Дольфуса отозвало членов конституционного суда, принадлежавших к Христианско-социальной партии. Затем оно объявило, что заседания суда являются правомочными только при участии всех его членов. С помощью такого трюка конституционный суд оказался парализован, и жалобы социал-демократов не были рассмотрены.

*Руководство социал-демократической
партии заискивает перед Дольфусом*

Не желая следовать страстным призывам рабочих к действиям, руководство социал-демократической партии задумало новый отвлекающий маневр. Оно организовало сбор подписей под народной петицией, в которой выдвигалось требование созыва парламента и восстановления основных демократических прав.

Всего было собрано 1.216 000 подписей. Привезенные на грузовиках листы с подписями нашли место в подвале канцелярии канцлера. Президент Миклас вообще не реагировал на эту просьбу о «мирном выходе из положения».

Руководство социал-демократии возлагало большие надежды на обострение конфликта между правительством Дольфуса и нацистами. Ободренные установлением кровавой гитлеровской диктатуры в Германии австрийские национал-социалисты перешли в наступление, сопровож-

давшееся террористическими актами, взрывами бомб и покушениями. 19 июня 1933 г. нацисты бросили ручные гранаты во время шествия спортсменов, принадлежавших к Христианско-социальной партии, причем один из них был убит, а 17 тяжело ранены. После этого Дольфус запретил национал-социалистскую партию.

В ответ на это гитлеровская Германия ввела в действие особый налог в размере 1000 марок за получение визы на въезд в Австрию. В результате поток туристов из Германии в Австрию, который был важной составной частью туризма, практически почти прекратился. Отсутствие немецких пеших туристов особенно сказалось на бюджете мелких крестьян, и это лило воду на мельницу нацистской агитации.

В Германии практически был введен бойкот австрийских товаров, который привел к чувствительному снижению экспорта из Австрии. Так, полностью прекратился вывоз леса — с 27 000 вагонов в 1932 г. до одного-единственного (!) вагона в 1933 г. Все это дало новый импульс австрийским нацистам, которые указывали, что аншлюс к Германии сразу бы разрешил все эти экономические трудности.

Апологеты Дольфуса пытались представить его борьбу против парламентской демократии как меры, направленные на предотвращение захвата власти нацистами. В действительности же Дольфус и хеймвер ненавидели демократию не меньше, чем нацисты. При этом Дольфус пытался создать впечатление, будто его конфликт с нацистами является борьбой за независимость Австрии. Но успешная борьба за независимость потребовала бы использования всей силы рабочего класса. Но именно эту силу Дольфус хотел уничтожить. Он много говорил об австрийских идеях, но все его речи пронизывал великогерманский дух, облеченный в формулу «немецкой миссии» Австрии. Тем не менее руководство социал-демократии хваталось за фразы Дольфуса и при всякой возможности предлагало ему себя в качестве соратника.

В середине августа 1933 г., когда казалось, что войска СС и СА были готовы напасть на Австрию, тирольский хеймвер через своего фюрера Штейдле предложил шуцбунду совместно защищать границы. Социал-демократическая партия готова была создать «рабочий легион». Однако правительство Дольфуса отклонило 18 августа это

предложение. Продолжая свой усиленный курс на фашизацию, оно потребовало от венского муниципалитета ежегодного отчисления налога в размере 36 млн. шиллингов. Тем не менее руководитель шуцбунда Юлиус Дейч признал позднее, что через месяц после этого акта он снова предложил военному министру Вогуэну, когда тот инспектировал границу страны с Германией, содействие шуцбунда в обороне границ. Вогуэн не отклонил этого предложения, поскольку хотел поддерживать связь с социал-демократами в пику Фею, с которым он соперничал. Однако вскоре после этого из-за этих связей Вогуэн был освобожден с поста военного министра.

Только коммунисты бескомпромиссно выступали против правительства Дольфуса. Один из историков, которого нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистам, должен был признать: «Поэтому они были за применение всех имевшихся в распоряжении средств для устранения правительства. Через несколько месяцев их точка зрения оказалась правильной»¹.

Треугольник Рим — Будапешт — Вена

То, что Дольфус называл борьбой за независимость Австрии, все больше превращалось в зависимость от фашистской Италии. По мере роста напряженности внутри страны и усиливавшегося давления со стороны германского империализма и нацизма Дольфус все больше ориентировался на итальянский фашизм. Разногласия по вопросу о Южном Тироле были отложены в сторону. Отношения между хеймвером и Муссолини становились все более активными. В конечном итоге австрийская внутренняя и внешняя политика оказалась полностью подчиненной интересам Италии. В апреле, июне и августе 1933 г. Дольфус посетил Муссолини. Последний все сильнее нажимал на Дольфуса с тем, чтобы тот раз и навсегда покончил с австрийским рабочим движением, мешавшим планам фашистского союза между Римом, Веной и Будапештом, и установил тотальную фашистскую диктатуру в стране.

---

¹ Ulrich Eichstädt, Von Dolfuß zu Hitler, S. 26.

Прелаты римского папы помогли Дольфусу встретиться с Муссолини. Дольфус прибыл в Рим на пасху, 13 апреля 1933 г., по случаю заключения конкордата с папой. Муссолини заверил его, что «Италия, если понадобится, будет силой оружия защищать самостоятельность Австрии». Эта «самостоятельность» превратила Австрию в вассальное государство фашистской Италии.

В конце июня Дольфус снова отправился к Муссолини, чтобы обсудить с ним планы фашизации Австрии. Из секретной переписки между Дольфусом и Муссолини, найденной и опубликованной после второй мировой войны, ясно видна жалкая роль человека, который якобы выступал борцом за независимость Австрии. В этой переписке все время прослеживаются две мысли: во-первых, нужно подавить австрийское рабочее движение и построить государство на фашистской основе; во-вторых, лишь фашистская Австрия могла бы осуществить примирение с Германией.

В письме от 1 июля Муссолини высказывает свое недовольство тем, что Дольфус не смог «до сегодняшнего дня занять ту решительную позицию против социал-демократической партии», которая была изложена в его «программе внутреннего устройства Австрии». Муссолини советовал, чтобы Дольфус, «апеллируя ко всем здоровым национальным силам в Австрии, нанес социал-демократической партии удар в ее крепости — Вене», а затем «распространил бы акцию чистки на все центры... которые в противовес авторитарному принципу государства придерживаются вредных тенденций». Муссолини прибавил, что он был бы рад, имея «более чем десятилетний опыт фашистского режима в Италии», оказаться полезным «при решении Австрией этого запутанного вопроса».

22 июля Дольфус ответил: «Правительство непоколебимо стоит за выполнение намеченной цели — преодолеть марксистский образ мышления, марксистские формы и организации... В этом отношении мы исполнены твердой решимости, *как только позволят обстоятельства*, лишить марксистов тех сильных позиций, которыми они еще располагают».

Венгерский премьер-министр Дьюла Гембеш, посетивший Дольфуса в Вене 9 и 10 июля, также настаивал на итальянской ориентации Австрии, хотя до этого он побывал у Гитлера в Берлине и поддерживал хорошие

отношения с Германией. Это объяснялось тем, что Венгрия, так же, как и Германия, выступала за ревизию версальской мирной системы 1919 г.

Дольфус вовсе не хотел, чтобы его фашистская Австрия находилась длительное время в противоречии с гитлеровским «третьим рейхом». Более того, одной из целей итальянской внешней политики было использование Австрии в качестве моста и границы с германским рейхом. Таким образом, Австрия при решающем влиянии на нее Италии должна была стать связующим звеном с рейхом.

*Муссолини настаивает
на государственном перевороте*

Премьер-министры и министры иностранных дел Венгрии и Италии вели 26 и 27 июля 1933 г. переговоры о создании треугольника Рим — Вена — Будапешт. Муссолини заявил: «Дольфус мне лично очень симпатичен, он энергичный и умный человек, но в последнее время, несомненно, совершил большие ошибки... Крайне необходимо, чтобы Дольфус выступал более энергично, иначе он не сможет решить свою задачу». Гембеш, однако, сумел настроить Муссолини в пользу Дольфуса, и последний был приглашен в Италию. Встреча Муссолини — Дольфус состоялась 19 и 20 августа на итальянском морском курорте Риччионе. Там были достигнуты важные соглашения относительно ускорения темпа фашизации Австрии, которым был недоволен Муссолини. Австрийский посланник в Италии Теодор Хорнбостель, который в качестве переводчика был свидетелем этих переговоров, подтвердил, что Муссолини и его статс-секретарь по иностранным делам Сувич «доказали Дольфусу в очень энергичной форме необходимость твердого проведения внутренней политики», причем «это оказание влияния принимало подчас характер вмешательства». Венгерский поверенный в делах в Италии писал о «прямо-таки ультимативных советах».

Хотя письменные соглашения достигнуты не были, Муссолини написал свои соображения для передачи канцлеру Дольфусу, в которых он предписывал ему дальнейшие шаги. Там, в частности, говорилось: «По возвращении в Вену Дольфус должен объявить о своей большой

политической речи в первые дни сентября, т. е. накануне запланированного путча». Этому должно предшествовать «включение новых элементов» в состав правительства. В речи нужно подчеркнуть «диктаторский характер правительства» и объявить о «проекте австрийской конституции... на фашистской основе». Кроме того, в Вену должен быть назначен правительственный комиссар. В заключение Дольфусу необходимо «заявить, что всякая попытка применить силу встретит сопротивление и будет подавлена». Под «новыми элементами» в правительстве Муссолини имел в виду фюреров хеймвера Штейдле и Штаремберга. Дольфус запланировал произнести свою речь 11 сентября.

Штаремберг также регулярно ездил к Муссолини. Как следует из его воспоминаний, Штаремберг откровенно сказал Муссолини: «Мне нужны деньги, мне нужно оружие, нужна Ваша поддержка в дипломатической области». Муссолини направлял оружие в Венгрию, и с его согласия, при одобрении Дольфуса, Гембеш дал указание оставить для австрийских целей «50 000 винтовок и соответствующее число пулеметов». Это оружие было помещено в надежных складах, и в случае необходимости хеймвер мог им располагать. Как рассказывал Штаремберг, Муссолини предоставлял значительные денежные средства для хеймверовских маршей. Эти деньги давались «на неопределенное время, без требования какой-либо компенсации»¹. Но «компенсация» была и без того ясна — подавление рабочего класса, хотя Штаремберг в мемуарах стыдливо пишет о какой-то борьбе против нацистов.

Дольфус все еще боялся действовать в ускоренном темпе и просил об отсрочке. Однако Штаремберг, выехавший в Италию на купальный сезон, донес Муссолини, что Дольфус является слабой фигурой. В телеграмме Муссолини от 8 сентября Штаремберг высказал пожелание, чтобы «также и в Австрии скорее и полностью была превращена в жизнь точка зрения Вашего превосходительства». После этого Муссолини направил 9 сентября Дольфусу новое энергичное послание, в котором заявил, что у него создается впечатление, что оба министра от ландбунда препятствуют «фашизации австрийского государства». В ландбунде уже было много нацистов, в нем были

¹ Ernst Rüdiger Starhemberg, Memoiren, S. 130, 131, 142.

сильны антиклерикальные, а также великогерманские тенденции. Но ландбунд действительно выступал, руководствуясь чувством самосохранения, за соблюдение некоторых демократических форм.

Реорганизация кабинета Дольфуса

Когда друзья по партии призывали Дольфуса к умеренности, он ссылаясь на то, что не может действовать по-другому, так как «иначе Муссолини бросит меня в пасть Гитлеру». Но в действительности Дольфус не желал другого выхода, он испытывал страх перед ответом рабочего класса. Наконец, он выполнил данное Муссолини обещание, заявив во время хеймверовского марша 11 сентября на венской Трабреннплац, что он исполнен решимости приступить к созданию «авторитарного сословного государства» в Австрии. «Мы хотим создать социальное христианско-немецкое государство на сословной основе с сильным авторитарным руководством, — сказал Дольфус. — Сословное построение государства — вот задача, которая стоит перед нами в эти осенние месяцы». На деле это означало установление полностью фашистского режима.

Еще яснее выразился Штаремберг в речи по поводу годовщины освобождения от турецкого ига, выступая возле венской ратуши. Он апеллировал к Дольфусу, заявив: «Для народа Вены совершенно невыносимо, что в городе господствуют большевики. Господин канцлер, гоните их прочь... Не ждите слишком долго, нужно ковать железо, пока оно горячо». Однако Дольфус чувствовал себя еще слишком слабым, чтобы в сентябре 1933 г. приступить к насильственному подавлению рабочего класса. Он скорее был намерен продолжать свою тактику постепенного изматывания противника перед тем, как нанести решающий удар.

20 сентября Дольфус удалил представителей ландбунда из правительства и укрепил позиции хеймвера в кабинете. Вице-канцлером стал майор Фей. Военный министр Вогуэн также был уволен, но стал президентом государственных железных дорог; его задачей было установление там режима террора, направленного против свободных профсоюзов железнодорожников. Место Вогуэна занял

находившийся на пенсии генерал старой австро-венгерской армии Шёнбург-Хартенштейн — бывший немецкий князь и заядлый монархист. По чисто демагогическим соображениям министром по социальным вопросам был назначен депутат от Христианско-социальной партии Рихард Шмиц, который считался сторонником умеренной социальной политики в пользу рабочего класса.

Одновременно Дольфус заявил, что ему потребуется время для осуществления своих планов и поэтому «не следует сразу же ожидать больших, коренных изменений». Когда Муссолини сообщил Дольфусу, что его речь «была отличной», он ответил, «что быстро марширует, но не любит, когда друзья подталкивают его сзади, это мешает маршу». Муссолини очень смеялся по этому поводу. 22 сентября Дольфус ответил на письмо Муссолини от 9 сентября, где писал, что реорганизация правительства представляет собой дальнейший шаг по пути, намеченному в Риччионе. «Тем самым я принял во внимание данный Вами хороший совет», — писал Дольфус.

Четыре пункта социал-демократической партии

Каждый шаг правительства Дольфуса принимался руководством социал-демократии без какого-либо сопротивления, в то время как многие рабочие ждали сигнала к борьбе. В типично австромарксистской манере руководство социал-демократии возлагало ответственность за бездействие... на самих рабочих. Оно, например, ссылалось на то, что нигде не было стихийных выступлений рабочего класса. Такое утверждение было по меньшей мере странным, поскольку рабочие в течение десятилетий воспитывались в духе дисциплины и ожидания приказов сверху. Социал-демократические вожди указывали на роковые последствия «нарушения дисциплины», ссылаясь особенно часто на пример кровавого 15 июля 1927 г. А теперь получалось так, что партийное руководство само должно было ждать сигнала со стороны масс для выступления, а не наоборот.

Не удивительно поэтому, что с течением времени настроение рабочего класса становилось двойственным. Если у одной части рабочих возмущение доходило до точки

кипения, то другую часть начали охватывать чувства отчаяния и робости. В иной ситуации, примерно за месяц до победы Октябрьской революции 1917 г., капитулянты в ЦК большевистской партии пытались запугать Ленина наблюдаемым «абсентеизмом», т. е. отходом широких рабочих слоев от политической жизни. Ленин ответил на это: «Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций»¹. Точно так же было и в Австрии

Внутри социал-демократической партии стали все более бурно звучать требования дать наконец ясный ответ, когда же нужно будет начать борьбу. Учитывая это, правление партии вместе с профсоюзным руководством сформулировало 13 сентября 1933 г. четыре пункта-условия, при которых рабочие без указания должны были начать всеобщую стачку. Эти четыре пункта гласили: ликвидация прав венского муниципалитета и введение должности правительственного комиссара для Вены; нападение на профсоюзы; роспуск социал-демократической партии; провозглашение фашистской конституции.

Эти четыре пункта доводились до сведения рабочих через нелегальные листовки. Социал-демократическое руководство продолжало произносить радикальные фразы. Шло вооружение шувбунда путем покупки оружия. Но в то же время руководство партии тайно дало полномочия своему правому крылу во главе с Реннером, Хельмером и Шнайдамдлем на дальнейшие переговоры.

*Дольфус действует —
социал-демократическая партия
ведет переговоры*

Какими бы радикальными ни казались эти четыре пункта, для Дольфуса, которому они немедленно были доложены, стали ясны границы, в рамках которых он мог безнаказанно продолжать свою политику малых шагов, направленных на изматывание противника. Он не мог идти на риск решительного боя, не убедившись в том, что вера рабочего класса в свою боеспособность исчезла,

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 391.

руководство социал-демократии скомпрометировано постепенным отступлением перед фашистскими атаками, воля рабочих к борьбе сломана, а его собственная власть окрепла настолько, чтобы приступить к «большим делам».

Новое правительство Дольфуса ввело 23 сентября по гитлеровскому образцу концентрационные лагеря для своих политических противников, стыдливо назвав их «лагерями для задержанных». Будто бы предназначенные в первую очередь для нацистских террористов, они вскоре приняли коммунистов и социал-демократов. По фашистскому примеру Дольфус подготовил роспуск всех партий и их замену «Отечественным фронтом». В качестве первого шага Штаремберг распустил 27 сентября хеймверовскую партию. Хеймвер как корпорация вошел в «Отечественный фронт». Христианско-социальная партия заменила своего бывшего председателя Вогуэна новым деятелем, не входившим в парламент.

Язык властей в отношении «Красной Вены» становился все более угрожающим. Для подготовки к насильственному захвату венской ратуши в стоявшем напротив нее большом пустом административном здании банка «Боденкредитанштайт» были расквартированы хеймверовцы. Все эти шаги воспринимались руководством социал-демократической партии без какого-либо сопротивления. Даже 3 октября, когда правительство запретило распространение «Арбайтер цайтунг», а предприятия Флоридсдорфа потребовали объявить всеобщую стачку, правление партии снова отклонило это предложение. В самой социал-демократической партии, особенно среди молодых членов, активизировалась оппозиция против пагубной политики руководства. Эта оппозиция имела многих сторонников в шудбундовских отрядах, она требовала покончить, наконец, с отступлением.

Большое влияние на рост решимости к антифашистской борьбе в Австрии имело выступление болгарского коммуниста Георгия Димитрова на процессе о поджоге рейхстага в Лейпциге. В ходе большой кампании за спасение Димитрова, развернутой по инициативе компартии, были обнародованы его смелые выступления против фашизма, его призывы к борьбе.

Последний съезд социал-демократической партии

На последнем, чрезвычайном съезде социал-демократической партии, проходившем с 14 по 16 октября 1933 г., выступила левая оппозиция, к которой принадлежал 31 делегат. Характерно для падения влияния партии то, что она была вынуждена просить Дольфуса о разрешении провести партийный съезд, причем он не давал этого разрешения до 4 час. утра 14 октября. Правительство настаивало также, чтобы съезд находился под наблюдением полиции, и лишь в последний момент ограничилось тем, что статс-секретарю Корвински каждый вечер присылались копии протокола заседаний. Социал-демократическая партия проглотила и это унижение.

Левые дают себя уговорить

На съезде организованно выступила левая оппозиция. Она выражала отчаянное желание решившихся на борьбу рабочих не оставаться безучастными, видя дальнейшую фашизацию Австрии. Некоторые из членов оппозиции уже поняли, что настоящая борьба возможна только без имеющегося партийного руководства или же вопреки ему. Эти люди начали готовиться к созданию своей нелегальной организации, они установили связь с Коммунистической партией Австрии. В то время как Дейч совещался с Вогуэном насчет защиты австрийских границ, некоторые из левых пошли на совместное совещание с ЦК Коммунистической партии Австрии. Однако они еще не были готовы сделать организационные выводы. И Отто Бауэру удалось еще раз убедить оппозицию принять общую резолюцию, призывавшую рабочий класс вооружаться для борьбы и оставаться в боевой готовности.

Социал-демократия обещала, что она не даст разбить себя без борьбы. Были подтверждены четыре пункта, выдвинутые правлением партии, создан исполнительный комитет, получивший полномочия на тот случай, если правление партии не сможет больше собираться легально. Однако в то же время было утверждено поручение пра-

вым лидерам — Оскару Хельмеру, Хайнриху Шнайдамлю, Пиусу Шнеебергеру и Францу Поппу — вести тайные переговоры с Дольфусом.

Тогдашний секретарь парламентской фракции социал-демократической партии Адольф Шерф рассказывает в книге «Воспоминания из моей жизни»: «В ходе 1933 г. Отто Бауэру стало ясно, что проводимая в основном им политика социал-демократической партии потерпела крушение. Он признал это в партийном порядке, избрав соответствующую форму. Бауэр предложил, чтобы председатель партии Карл Зейц вышел в отставку, а на его место был бы призван депутат Пиус Шнеебергер, представитель сельскохозяйственных рабочих. Его задачей должно было стать достижение соглашения с буржуазными партиями и сотрудничества с ними, восстановление парламентаризма»¹.

Но Шерф выступил против предложения Бауэра, обосновав это тем, что «если война проиграна, то нужно с полным основанием ожидать от того, кто ее проиграл, что он заключит перемирие с противником и лишь потом уйдет в отставку». «Акция Шнеебергер» не состоялась.

Последние предложения о капитуляции

Хотя речи Дольфуса, направленные против «австро-большевизма», становились все более резкими, он был достаточно хитер, чтобы создать впечатление, будто ничего не имеет против переговоров с социал-демократической партией. Как сообщает Шеферд, биограф Дольфуса, налицо было «сплетение частных и публичных контактов, тайных и открытых, серьезных и полусерьезных, установленных на всех уровнях». Один из наиболее правых социал-демократических депутатов от Нижней Австрии, Хайнрих Шнайдамль, рассказывает в своей книге воспоминаний «Через Дольфуса к Гитлеру»: «Когда вскоре после этого я встретил Дольфуса в загородном доме, то информировал его лично о решении партийного правления. Он, казалось, был очень обрадован и заверил меня, сопроводив это

---

¹ Adolf Schärff, Erinnerungen aus meinem Leben, Wien, 1963, S. 123 ff.

сердечным взглядом и рукопожатием, что мы, конечно, найдем решение вопроса»¹. Через 30 лет Шнайдамль с горечью констатировал, что Дольфусу эти разговоры были нужны лишь для того, «чтобы обмануть нас и выиграть время»².

Готовясь к гражданской войне, правительство Дольфуса с одобрения Муссолини и при попустительстве Франции и Англии создало вспомогательные отряды в армии. Публично утверждалось, что они были предназначены для защиты независимости Австрии. В действительности же эти отряды служили целям усиленного подавления рабочего класса. Первоначально было призвано 8000 человек. Чтобы еще больше запугать рабочий класс, правительство 10 ноября, т. е. за два дня до годовщины республики, ввело военно-полевые суды и смертную казнь за убийство, поджог и злостное повреждение имущества. Для классового характера и идеологии австрофашизма показательно, что первый человек, приговоренный к смерти, — сын богатого крестьянина, убивший свою возлюбленную, был помилован. Первый же казненный был безработным бездомным бродягой, который поджег сарай у крестьянина, отказавшего ему в ночлеге.

Правительство арестовало многих доверенных лиц на предприятиях, предполагая, что они были замешаны в подготовке всеобщей стачки. Оно запретило празднование дня провозглашения республики 12 ноября, возложение венков на могилу Виктора Адлера и, наконец, запретило юбилейное мероприятие по случаю десятилетия избрания Карла Зейца бургомистром Вены.

*Социал-демократическая партия
выступает за сословное государство*

Социал-демократическое руководство, стараясь достичь соглашения с Дольфусом, шло на все большие уступки. По согласованию с партийным правлением и Отто Бауэром Реннер разработал проект конституционного закона, который «наряду с существовавшим [формально. — А. Р.] парламентом, избранным в соответствии

¹ Heinrich Schneidmahl, Über Dolfuß zu Hitler, Wien, 1964, S. 31.

² Там же, стр. 76.

со всеобщим избирательным правом, предусматривал в качестве второй палаты сословный совет...» Далее, «существующий парламент должен был быть созван на заседание и провозгласить большинством в $\frac{4}{5}$ голосов обеих больших партий торжественное заявление о независимости, а также дать новому правительству, которое должно быть образовано, все необходимые полномочия для предотвращения грозящей аннексии и потом отложить свои заседания»¹. Таким образом, социал-демократическая партия была даже готова легализовать диктатуру Дольфуса!

Дольфус сообщил, однако, что он «пока не имеет в виду» вести переговоры. Реннер вел переговоры также с Микласом, который боялся планов развязывания гражданской войны, вынашиваемых Дольфусом. Он считал, что эти планы могут толкнуть массы «в сторону крайнего радикализма — как левого, так и правого». Миклас хотел уйти в отставку, но Дольфус не был на это согласен. На замечание одного из своих знакомых, что конституция дает ему право распустить правительство, Миклас ответил: «Разве может король Италии уволить в отставку Муссолини, а Гинденбург — Гитлера? Ведь у нас тоже диктатура».

Чтобы подготовить рабочих к изменению своей позиции, социал-демократическая партия заявила в сенсационной статье в «Арбайтер цайтунг» 27 декабря 1933 г. и в статье Отто Бауэра в журнале «Дер кампф» в январе 1934 г. о своем согласии с сословным государством на принципах папской энциклики «Квадрагесимо анно». Отто Бауэр писал: «Классовая борьба может принять форму спора насчет понимания энциклики и уже приняла ее». Невозможно перечислить все подобные попытки «втереться в доверие», которые предпринимались социал-демократами, начиная от правого Карла Реннера до левого Юлиуса Дейча.

Фашистская политика Дольфуса пользовалась полной поддержкой в реакционных кругах австрийского крупного капитала, крупных феодальных землевладельцев и католической церкви.

---

¹ Karl Renner, Österreich von der Ersten zur Zweiten Republik, Wien, 1953, S. 134, 135.

Тревожным сигналом было отозвание во время рождества 1933 г. всех католических священников и духовных лиц из Христианско-социальной партии. Это решение, принятое австрийскими архиепископами и епископами, должно было облегчить Дольфусу запланированный роспуск социал-демократической партии, поскольку он мог теперь включить Христианско-социальную партию в «Отечественный фронт».

Дольфус с полной серьезностью относился к переговорам с национал-социалистами, с которыми его объединяла ненависть к марксистскому рабочему движению. Эти переговоры зашли настолько далеко, что имперский немец, инспектор национал-социалистской партии по Австрии, депутат Теодор Хабихт был приглашен 8 февраля 1933 г. в Вену для переговоров с Дольфусом. Самолет с Хабихтом на борту находился уже над Австрией, когда Дольфус отменил приглашение и велел Хабихту возвратиться в Германию. В качестве причины была упомянута «нелояльность» австрийских нацистов, которые усилили свою террористическую деятельность. Подлинной же причиной был протест Штаремберга и Фея, поддержанный шефом итальянской службы печати, против переговоров за их спиной.

Желая подсластить Дольфусу горькую пилюлю, Штаремберг дал понять, что было бы ниже достоинства австрийского канцлера вести переговоры с лицом, менее значительным, чем Гитлер. При этом сам Штаремберг, как и многие другие лидеры хеймвера, поддерживал тайные контакты с австрийскими и немецкими нацистами.

Надежды социал-демократических вождей на достижение соглашения с Дольфусом были лишены всякого основания, поскольку приготовления к установлению открытой фашистской диктатуры стали известны всем. Согласно подсчетам «Арбайтер цайтунг», правительство Дольфуса издало с марта по декабрь 1934 г. ровно 301 чрезвычайный декрет. Эти декреты не только были направлены против политических прав рабочего класса и его организаций, но и затрагивали условия его жизни и заработной платы. Диктатура Дольфуса использовала свою власть для того, чтобы в интересах прибылей переложить все социальные тяготы на трудящихся. Были изданы законы о запрещении забастовок в важнейших отраслях промышленности. Правительство отменило ряд коллективных до-

говоров, в первую очередь для строительных рабочих, и провело снижение заработной платы. Чрезвычайным декретом была снижена заработная плата железнодорожникам. Некоторым категориям безработных была отменена выдача пособий по безработице, а сами они были переданы в ведение органов социального обеспечения. Всем другим категориям безработных были снижены пособия. На государственных предприятиях отменили производственные советы.

Сигнал к бою

В начале 1934 г. правительство заменило избранных советников рабочих палат, большинство которых были членами свободных профсоюзов, назначенными административными комиссиями, состоявшими из сторонников правительства.

10 января 1934 г. Штаремберг опубликовал обращение, в котором изложил дальнейшие планы. «Наша борьба, — говорилось в этом документе, — заключается в неограниченном претворении в жизнь фашистских идей, причем методами, соответствующими нашему отечеству. Цель нашей борьбы состоит в наиболее полном обновлении Австрии во всех отношениях, в коренном преодолении коррумпированного государства партий, в окончательном уничтожении австробольшевизма».

Тревожным сигналом было посещение Вены итальянским статс-секретарем по иностранным делам Фульвио Сувичем. Ни для кого не было секретом, что Сувич передал требование Муссолини ускорить фашизацию Австрии. Выступая в присутствии Сувича на большом митинге на Трабреннплац, Дольфус изложил фашистскую программу. Одновременно он предложил сотрудничество «честным лидерам рабочих». Такой жест, очевидно, был задуман как средство раскола рабочего класса. Тем не менее был собран социал-демократический партийный совет — совещательный орган, в котором были представлены также и рабочие с предприятий, чтобы подготовить ответ Дольфусу. Шнайдамль писал, правда, что представители от предприятий сообщали о чувствах «горечи и озлобления» и поэтому было трудно «из-за возбуждения и возмущения... предоставить слово рассудку». Тем не менее ответ

партийного совета «оставлял открытой возможность мирного урегулирования»¹.

Правительство ответило тем, что запретило розничную продажу «Арбайтер цайтунг» за оскорбление Сувича. Газету разрешалось направлять лишь подписчикам. Австрийский крупный капитал, хеймвер и Муссолини настаивали на окончательном решении вопроса. Венгерский посланник в Вене сообщил 18 января своему министру иностранных дел о разговоре с Феем. Фей сказал ему о своей убежденности в том, «что когда после визита Сувича он устранит ненадежные элементы, то удастся полностью осуществить волю правительства во всех областях». Сувич сообщил в письме к Дольфусу 26 января о своем докладе Муссолини. Последний высказал «глубокое беспокойство из-за некоторой пассивности правительства (Дольфуса) и возникшего замедления процесса обновления». Муссолини потребовал проведения «борьбы против марксизма, реформы конституции в антипарламентском и корпоративном смысле, ликвидации партий и укрепления «Отечественного фронта». При этом Муссолини настаивал на том, что «начало этой решительной акции не может больше откладываться».

Пленум Центрального комитета КПА, заседавший нелегально 20 и 21 января 1934 г., предупредил рабочий класс об опасности установления прямой фашистской диктатуры и призвал к подготовке всеобщей стачки.

Хеймвер атакует

31 января руководство хеймвера Тироля собрало свои отряды под предлогом защиты местного населения от нацистского террора. При этом было мобилизовано около 8000 хорошо вооруженных людей. Хеймверовцы заняли все стратегически важные пункты и воспрепятствовали выпуску социал-демократической газеты. На следующий день лидеры хеймвера предъявили главе земельного правительства ультиматум, в котором содержалось требование замены избранного правительства назначенным комитетом из членов фашистских организаций. Далее было выдвинуто требование запретить враждебные государству

---

¹ Heinrich Schmidl, Über Dolfus zu Hitler, S. 51, 52.

союзы и объединения. Глава земельного правительства создал этот комитет в качестве совещательного органа, а выполнение других требований повисло в воздухе.

После этого были мобилизованы хеймверовские отряды в других землях Австрии. 5 февраля выступили хеймверовцы Нижней Австрии, 6 февраля выставил свои требования хеймвер Штирии, 8 февраля — «отечественные союзы» Бургенланда, Зальцбурга и Каринтии. Главы земельных правительств согласились рассмотреть требования хеймверовцев. Лишь в Нижней Австрии земельное правительство отклонило притязания хеймвера.

Компартия ответила на сообщение о выступлениях хеймвера воззванием к рабочим. В нем говорилось: «Из Тироля раздался сигнал тревоги! Нам предстоят решающие дни! Поднимайтесь на всеобщую стачку против фашистов... Принимайте на предприятиях ультимативные требования к правительству: долой чрезвычайные законы! Распустить хеймвер и другие фашистские организации! Восстановить полностью для рабочих свободу собраний, свободу объединения и свободу печати! Долой запрет рабочих организаций! Долой запрет коммунистической партии! Поддерживайте свои требования забастовками протеста! Избирайте из вашей среды органы борьбы! Долой хеймверовский и гитлеровский фашизм! Вперед, к всеобщей стачке, к свержению диктатуры Дольфуса!»

Компартия старалась организовать забастовочное движение на предприятиях. Вместе с ней работали левые члены социал-демократической партии. Они опирались в первую очередь на штирийских горняков и рабочих бумажной промышленности, а в Вене — на рабочих хлебозаводов фирмы «Анкерброт», а также нескольких небольших металлообрабатывающих предприятий. Когда были напечатаны и подготовлены к распространению листовки, призывавшие к забастовке, на календаре уже было 12 февраля 1934 г.

Социал-демократическое руководство по-прежнему призывало стоять «с ружьем к ноге». Правда, шуцбунд усиленно закупал оружие за границей, прежде всего в Чехословакии, и различными способами доставлял его контрабандным путем в Австрию — на грузовиках и легковых автомашинах, в железнодорожных вагонах, а большей частью на судах. Однако социал-демократическая партия возлагала больше надежд на дипломатическое

вмешательство своих друзей, входивших в состав иностранных правительств. Так, французский посланник Габриель Пюо сообщил, что по поручению премьер-министра Эдуарда Даладье он посетил 2 февраля 1934 г. Дольфуса. Пюо передал ему просьбу не применять насилие против австрийских социал-демократов. После 24-часового размышления Дольфус ответил согласием, сказав, что не будет применять насилие против социал-демократической партии, профсоюзов или же венского муниципалитета. Несмотря на военные приготовления со стороны социал-демократической партии, правительство останется на оборонительных позициях. Разумеется, эти заверения были лишь дипломатической игрой. Они полностью потеряли свое значение после того, как 7 февраля левое правительство Даладье было свергнуто.

Поиски оружия и аресты

Полицейские облавы в поисках оружия непрерывно продолжались. После того как полиция получила сообщение о прибытии одного из транспортов оружия, майор Фей мобилизовал 7 февраля «добровольный шюцкор» и дал указание конфисковать это оружие в Швехате, возле Вены. Общественности он сообщил, что необходимо воспрепятствовать «неслыханному преступному покушению большевистско-марксистских элементов против населения и безопасности государства».

Одновременно полиция арестовала всех руководителей шюцбунда, кого она смогла захватить, например начальника военного штаба центрального руководства майора Александра Эйфлера, адъютанта Юлиуса Дейча капитана Рудольфа Лёва и несколько позднее почти всех командиров шюцбунда венских районов.

Планировалось также арестовать политического руководителя шюцбунда Юлиуса Дейча. Поскольку социал-демократическая партия не оказала сопротивления этим арестам, правительство Дольфуса пошло еще дальше. Утром 8 февраля оно отдало приказ произвести обыски в поисках оружия в Партийном доме на улице Рехте Винцайле. Здание было окружено полицией и солдатами, вокруг него были поставлены пулеметы, организовано парное патрулирование, причем солдаты были в стальных

шлемах, виштовки — с примкнутыми штыками. Члены правления партии не могли попасть в Партийный дом. Поэтому заседание правления, в котором принимали участие представители свободных профсоюзов, пришлось перенести в ратушу, к бургомистру Зейцу.

Некоторые члены правления потребовали, чтобы в случае ареста Дейча был дан приказ к выступлению. «Другие, — вспоминал Дейч, — снова советовали действовать осторожно. Может быть, полагали они, еще имеется возможность помириться с хеймвер по меньшей мере с частью членов Христианско-социальной партии, что значительно облегчило бы наше положение... Некоторые участники заседания полагали, что на мой арест следовало бы ответить мобилизацией шувбунда. Если бы мой арест был воспринят без сопротивления, то это вызвало бы упадок духа, особенно в рядах шувбунда. Большинство в конечном счете пришло к решению, что я должен тем или иным способом избежать грозившего ареста с тем, чтобы в случае серьезной опасности руководство шувбунда (службы порядка) оказалось на месте. Одновременно был создан также исполнительный комитет в составе шести человек, который получил полномочия действовать, начиная с этого момента, на свою ответственность»¹.

Социал-демократические вожди надеялись, что буржуазно-демократические элементы в рядах Христианско-социальной партии окажут сопротивление требованиям хеймверовцев о роспуске земельных правительств. Ведь в этих правительствах, за исключением Вены, большинство имели представители Христианско-социальной партии. Особые надежды пробудила речь Леопольда Куншака — лидера рабочих, входивших в Христианско-социальную партию. Выступая в венском муниципалитете 9 февраля, он высказался за совместные действия в тяжелые времена. Однако в Христианско-социальной партии решающую роль уже играли фашистские элементы. Возвратившийся из трехдневной поездки в Будапешт Дольфус начал в пятницу, 9 февраля, переговоры с хеймвером относительно его требований. В субботу вечером Дольфус публично заявил, что он согласен с требованиями

---

¹ Julius Deutsch, Ein weiter Weg. Lebenserinnerungen, S. 203.

хеймверовцев и готов их выполнить. «Мы, вероятно, уже скоро приступим в претворению в жизнь наших планов», — сказал он. Главе правительства Нижней Австрии Дольфус запретил созывать ландтаг.

В буржуазных партиях политические силы, не согласные с курсом хеймвера, могли вмешаться только в результате мощного выступления рабочего класса. Такой ход, по инициативе коммунистической партии, через несколько дней приняли, например, события во Франции.

Предупреждения коммунистов

Коммунистическая партия Австрии неустанно призвала к такому выступлению. В нелегальном специальном выпуске «Роте фане» 10 февраля она обратилась к рабочим. Газета писала: «Речь идет о вашей жизни, о вашем существовании!.. Разгромите фашизм прежде, чем он разгромит вас! Немедленно бросайте работу! Бастуйте! Призывайте на помощь соседние предприятия!

Выбирайте комитеты действий для ведения борьбы на каждом предприятии! Идите на улицу! Разоружайте фашистов! Оружие — рабочим! Всеобщая стачка!

Долой правительство палачей!»

Насколько ничтожными оказались надежды социал-демократии на соглашение, продемонстрировал Дольфус. 10 февраля на основе решения совета министров он лишил бургомистра Вены всех имевшихся у него прав и обязанностей в области общественной безопасности и передал их полиции-президенту Вены.

Правление социал-демократической партии заседало в последний раз 8 февраля. Оно, правда, назначило, как сообщил Карл Реннер, следующее заседание на понедельник, 12 февраля, «исполненное решимости ни в коем случае не дать самим сигнала к гражданской войне». Но этому заседанию уже не суждено было состояться. В руководстве социал-демократии господствовало пораженческое настроение еще до начала борьбы. После ареста Реннер заявил следователю: «В четверг, 8 февраля 1934 г., я был до обеда в парламенте, где состоялось заседание клуба... Все сообщения сводились к тому, что Фей в ближайшую неделю совершит государственный переворот. Неясно было только, с Дольфусом или без него... Мы не можем

больше ничего предпринять и должны быть готовыми ко всему... Наша совесть чиста, историческую ответственность несут другие...»¹

Угрожающая речь Фей

В воскресенье, 11 февраля, майор Фей во время хеймверовского парада в Лангенцерсдорфе возле Вены объявил: «В эту неделю мы основательно поработаем». Присутствовавший при этом князь Шёнбург-Хартенштейн сказал: «Надеюсь, ваши люди как следует наведут порядок». В свою очередь Штаремберг дал интервью одной венгерской газете, в которой заявил: «В эту неделю мы победим — вместе с правительством или же без него».

Главный редактор органа Христианско-социальной партии Фундер пытался задним числом придать безобидный смысл словам Фей. Однако каждый в Австрии понимал, о чем шла речь. Венгерский посол в Вене также правильно оценил выступление Фей и сообщил в Будапешт: «...я не думаю, чтобы это могла быть лишь пустая фраза, так как Фей в публичных заявлениях выступает значительно осторожней, чем Штаремберг». Кроме того, Фей просил 4 февраля венгерский генеральный штаб дать ему полтора миллиона патронов для ружей старого образца. Он получил эти патроны 6 февраля.

Разгул террора после 12 февраля

«Покончить с марксизмом в Австрии» — таков был лозунг сил, победивших в феврале. Правительство Дольфуса выступало против рабочих, используя все имевшиеся в распоряжении фашистского режима средства террора. Еще во время боев арестованных шувбундовцев судили военно-полевые суды.

В среду, 14 февраля, перед таким судом первым предстал 43-летний безработный сапожник Карл Мюнихрейтер, отец троих детей. В понедельник во время боев в Хитцинге, он был ранен в руку и бедро и лишь поэтому попал в руки полиции. Несмотря на тяжелые ранения,

---

¹ J. H a n n a k, Karl Renner und seine Zeit, S. 603, 604.

которые, по закону, исключали ведение процесса, полицейский врач объявил, что Мюнихрейтер «может быть судим». Мюнихрейтер, смело выступавший за дело рабочего класса, был приговорен к смерти через повешение и в 14 час. 41 мин. казнен. В его последних словах прозвучала вера в революционный марксизм. Даже бывший канцлер Шушниг много лет позднее был вынужден признать, что казнь Мюнихрейтера была явным судебным убийством.

В среду военно-полевой суд рассмотрел дело начальника флоридсдорфской пожарной части инженера Георга Вейсселя, который вооружил своих пожарных для борьбы. Вейссель признал, что он сделал это, и обосновал свои действия тем, что «стоял на революционных позициях». Смертный приговор к повешению был приведен в исполнение в 0 час. 40 мин. В последние секунды своей жизни Георг Вейссель воскликнул: «Да здравствуют Интернационал и революционный социализм!»

Особенно тяжелым преступлением юстиции был процесс в военно-полевом суде против 26-летнего коммуниста Иозефа Арера из Штейра. Он был осужден и казнен на основе ложного свидетельского показания. Арер был обвинен в том, что 12 февраля, после начала всеобщей стачки, он будто бы застрелил из пистолета хеймверовца. В действительности же этот хеймверовец был убит из пехотной винтовки другим шуцбундовцем, погибшим позднее во время боев в Штейре. После казни Арера семья хеймверовца, подавшая на него в суд, была арестована за дачу ложных свидетельских показаний.

В субботу, 17 февраля, военно-полевой суд в Граце вынес смертный приговор секретарю рабочей палаты Иозефу Станеку. Он был казнен за то, что с оружием в руках сопротивлялся аресту.

В Вене военно-полевой суд приговорил к смертной казни командира шуцбундовского отряда в Карл-Марксхофе Эмиля Свободу, застрелившего двух полицейских. К смерти через повешение были приговорены в Санкт-Пёльтене рабочие Виктор Раухенбергер и Иоганн Хойсс за то, что на своем небольшом участке в районе Хайнфельда они оборонялись против наступавших хеймверовцев.

Через неделю после начала боев перед военно-полевым судом в Леобене предстал Коломан Валлиш. В своей

речи, продолжавшейся полтора часа, Валлиш выдвинул резкие обвинения против австрофашизма. Процесс Валлиша затянулся, и Дольфус лично звонил из Вены в суд, спрашивая, когда же, наконец, будет вынесен приговор. Валлиш также был приговорен к смерти и повешен.

Когда после восьмой жертвы палачей протесты во всем мире стали особенно сильными, Дольфус дал обещание, что в Вене не будет больше казней, и отменил осадное положение, введенное «из-за мятежа». Но этот верующий христианин весьма своеобразно сдержал свое слово. Последний процесс военно-полевого суда состоялся не в Вене, а в Линце, причем обвинение было выдвинуто в убийстве, а не в мятеже. Рабочий пивоваренного завода Антон Булгари был приговорен к смерти и повешен.

Итог террора отнюдь не ограничился девятью повешенными по приговору военно-полевых судов. Тысячи рабочих были брошены в тюрьмы, их дела рассматривали «обычные» суды, выносившие приговоры к длительному тюремному заключению. Шестеро были приговорены к пожизненному заключению.

По официальным данным, в 1934 г. только в Вене были арестованы 7000 коммунистов и 12 000 социал-демократов.

Роспуск рабочих организаций

Особенно последовательно действовало правительство Дольфуса против организаций рабочего класса. Все они были одним росчерком пера запрещены. После запрещенных ранее Коммунистической партии Австрии, Союза рабочей обороны, «Республиканского шпцбунда» и «Красной помощи» настала очередь социал-демократической партии, профсоюзов и всех других организаций и союзов рабочего класса. Буттингер приводит конкретные данные: «Были конфискованы 107 рабочих домов и 8 партийных типографий; десятки профсоюзных домов, помещений «Друзей природы» и детских лагерей; сотни спортплощадок и площадок для игр, детских домов, аппаратов для демонстрации кинофильмов, витрин, газетных киосков; десятки тысяч знамен, гимнастических снарядов, пишущих машинок, футбольных мячей, диапозитивов, грампластинок, множительных аппаратов и письменных столов, а также многие рабочие библиотеки, в которых насчитывалось

350 000 книг. Победители захватили 9 млн. шиллингов в Рабочем банке, а также туристические бюро и книжные лавки...»¹

Причины поражения

Поражение австрийских рабочих в феврале 1934 г. имело политические, организационные и военно-тактические причины.

Ошибочная теория организации шугбунда

В ходе процессов против лидеров шугбунда выяснилось, что в руководстве этой организации существовали серьезные различия во мнениях относительно характера и тактики шугбунда. А это в значительной мере проливает свет на причины поражения. В то время широкой общественности стало известно, что из-за этих разногласий генерал Теодор Кёрнер несколько лет тому назад вышел из военного руководства шугбунда. Эти разногласия с особой остротой проявились еще весной 1928 г. при обсуждении разработанного Кёрнером документа «Основные принципы применения насилия и гражданской войны». Тогда спорили не о возможности захвата власти с помощью избирательного бюллетеня. Речь шла главным образом о двух точках зрения на роль шугбунда в ходе вооруженной борьбы.

Противником Кёрнера в первую очередь был майор Эйфлер. Ссылаясь на решение правления партии после 15 июля 1927 г., Эйфлер отстаивал точку зрения, что шугбунд должен быть чисто военной организацией. В резолюции 5-й общеавстрийской конференции шугбунда в 1928 г. говорилось, что социал-демократические рабочие возложили на него «защиту демократической республики... и прав, которые она обеспечивает рабочему классу, против всех покушений на них». Такая чисто военная постановка задачи была неправильной и пагубной в двух отношениях. Во-первых, она отделяла шугбунд от масс,

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 74, 75.

подрывала ту основу, на которой его борьба могла быть успешной. Во-вторых, такая постановка задачи создавала в массах мнение, будто их самих дело не касается, они могут оставаться пассивными и положиться на действия шуцбунда.

Кёрнер был совершенно прав, когда он боролся против этой чисто военной точки зрения, ссылаясь на положения Клаузевица, Маркса, Энгельса и Ленина, а также на опыт русской революции. Однако при анализе хода его мыслей не следует забывать, что Кёрнер был далек от того, чтобы отстаивать подлинно большевистские взгляды. Об этом свидетельствовала уже его исходная позиция по вопросу о том, когда рабочий класс имеет право применить насилие. Кёрнер также считал, что власть можно взять в руки лишь законным парламентским путем. Кроме того, он даже требовал, чтобы «отдельным нарушениям законности со стороны правительства... оказывалось сопротивление только демократическими средствами» и «обязательно в рамках законности».

Применение насилия Кёрнер допускал лишь в единственном случае — если бы социал-демократическая партия завоевала парламентское большинство, а буржуазия не давала ей законным образом взять правительственную власть. На это справедливо возразил майор Эйфлер, сказав, что такая позиция означала бы необходимость безучастно относиться к фашистскому или монархистскому государственному перевороту до выборов. Неправильной была и предпосылка, из которой исходил Кёрнер, разрабатывая тактические соображения. Поставленное им во главу угла утверждение, будто «еще никогда в истории народ не одерживал подлинной победы в уличных боях против солдат», неправильно с исторической точки зрения. Поэтому и положение Кёрнера, что «пассивная оборона представляет собой ту форму борьбы, которую необходимо использовать на первом этапе», находилось в противоречии с выводами Маркса и Ленина, основанными на опыте прошлых гражданских войн. Эти выводы гласят, что оборона есть смерть вооруженного восстания. Однако в отличие от Эйфлера, Юлиуса Дейча и всего правления партии Кёрнер, несмотря на неверные теоретические предпосылки, смог выработать правильные указания для успешной вооруженной борьбы рабочих. Военно-научные знания Кёрнера и его способности были гораздо

выше, чем у других руководителей шугбунда. Поэтому выполнение указаний Кёрнера могло бы придать другой характер февральским боям и их исходу при условии, конечно, что и политическое руководство было бы другим.

Кёрнер требовал в качестве первого и необходимого условия для достижения победы самой прочной связи шугбунда, как вооруженного наступающего авангарда, с политическим и профсоюзным движением, с широкими массами народа. Поэтому вооруженную борьбу, по мнению Кёрнера, можно было начать лишь в том случае, «если в массе народа созрела решимость к насильственному разрешению государственного конфликта», если народ «намерен участвовать в разрешении конфликта средствами насилия». В ходе самой борьбы Кёрнер рекомендовал использовать тактику, рассчитанную на изматывание противника, которая позднее успешно применялась движением Сопротивления и в антиимпериалистических партизанских войнах. «В гражданской войне, — писал Кёрнер, — в борьбе против солдат или хорошо организованных реакционных режимов необходимо всегда изматывать воинские части. Этого можно достичь путем морального воздействия на них, обессиливания, сбивания с толку, изматывания, создания помех единому командованию и отдаче приказов, путем нарушения снабжения, использования чувства страха солдат за судьбу семей и т. д. Военные руководители должны потерять голову, а войска нужно разложить».

Кёрнер боялся, что обучение шугбундовцев по методам регулярных войск может вызвать у них лишь чувство неполноценности и слабости в силу лучшего вооружения войск и более организованного руководства ими, а в рабочем классе — чувство робости. Кёрнер требовал другого. «Речь идет о том, чтобы пробудить, сплотить и организовать все дремлющие силы рабочих масс; продумать все возможные случаи, чтобы достичь их самостоятельности, активности и уверенности и тем самым действовать наверняка в гражданской войне и в бою».

Кёрнер обращал внимание на то, что нужно завоевывать симпатии в вооруженных органах государства и если не нейтрализовать, то по меньшей мере подрывать их. Но в первую очередь это должно было помочь избежать гражданской войны. Эта же боязнь гражданской войны обусловила позицию Кёрнера, когда он выступал «против

специальной строевой подготовки, постоянного дежурства в Рабочих домах, против учений па местности и всей этой шумихи, которая вселяла ужас в буржуазные круги. Ведь было само собой понятно, что в противовес этому государственные власти проводили соответствующую подготовку и, наконец, превратили хеймвер в вспомогательную полицию».

Весьма остро Кёрнер критиковал разработанные майором Эйфлером и Юлиусом Дейчем различные планы действий на случай возникновения той или иной обстановки. Так, например, он осудил «технические указания», подготовленные в 1929 г., которые предусматривали для Вены «эвакуацию внутренних районов, закрепление на кольцевой линии Гюртель и оборону пролетарских районов». План действий в Штирии, разработанный в 1931 г., Кёрнер назвал «голым схематическим милитаризмом», содержащим «тот же круг идей, что и у офицеров хеймвера, которые совершили путч 13 сентября». План Эйфлера, по его мнению, «попросту убивал всякое самостоятельное мышление». Кёрнер критиковал этот план в первую очередь за то, что «он не принимал во внимание народ со всеми его внутренними силами... Из недр рабочего класса в ходе длительной борьбы против государственной власти всегда появлялись силы, которых совершенно не ожидали. Во время путча и государственного переворота необходимо в первую очередь высвободить эти силы. Но план действий ни в малейшей степени не учитывает этого... Совершенно неправильно, если шущбунд считает себя самостоятельным и выступает таким образом, как будто только от него одного зависит защита республики и рабочего класса». Кёрнер требовал того, чтобы рабочие воспитывались в духе проявления инициативы в борьбе. «Намерение руководить защитой республики во время настоящего путча или государственного переворота с улицы Винцайле [место пребывания правления партии. — А. Р.] совершенно несостоятельно. Напротив, начиная с самых низовых инстанций и до верха, каждый товарищ должен знать, что делать, так как во время серьезного путча или государственного переворота нельзя рассчитывать на то, что руководители будут функционировать». Февраль 1934 г. показал, насколько прав был Кёрнер именно в этом отношении.

Кёрнер понимал, что «деполитизация шущбунда» и «военное повиновение» ослабляют мощь рабочего класса,

поскольку в этом случае «самые активные силы партии и профсоюзов выходят из строя, лишаются своего мнения и права голоса». Он протестовал против совета Эйфлера шущбундовцам, что «им не следует заботиться о политике». Все это, по мысли Кёрнера, лишь содействовало «ликвидации самостоятельного мышления и действия». Кёрнер предупреждал в 1931 г.: «Лишь в том случае, если будут высвобождены все дремлющие в рабочем классе силы и реакционным военным акциям будет противопоставлено нечто совершенно другое, ошеломляющее, даже не совсем понятное, можно рассчитывать на победу рабочего класса в ходе насильственной борьбы, даже в случае государственного переворота, когда власти идут вместе с путчистами».

В своих «Мыслях о работе шущбунда» Кёрнер требовал: «Нужно уберечь пролетариат от игры с военными вопросами, иначе он потеряет свое моральное превосходство по отношению к реакции. Рабочий, который в течение десятка лет участвует в экономических и политических боевых выступлениях, проникнут таким боевым духом, который делает его сразу же выше примитивных милитаристов. Поэтому необходима определенная техническая подготовка в области использования насилия, причем отнюдь не чисто военная, чтобы подготовить пролетариат к последнему чрезвычайному решению... Точно так же, как войска всегда исправляли ошибки неспособных начальников, я твердо верю в высокие качества и правильность всего рабочего движения, в ясный ум и правильный инстинкт рабочих, в то, что в решающий момент они найдут верный выход». Кёрнер требовал связи шущбунда с руководителями классовой борьбы и указывал, что эта связь могла бы исчезнуть, «если шущбунд пойдет своим собственным путем или будет бездарно милитаризован».

Поскольку социал-демократическое партийное руководство отклонило соображения Кёрнера и назначило Эйфлера техническим руководителем шущбунда, Кёрнер вышел из руководства этой организации. Тем не менее он продолжал заниматься вопросами шущбунда. Сохранились его документы, относящиеся к более позднему времени, о положении в шущбунде и его задачах. Однако анализ этих документов свидетельствует о недооценке Кёрнером значения организаторской работы, что несовместимо с военно-политическими положениями ленинизма.

Большевики создали во время революции 1905 г. и в период Октябрьской революции четко построенную военную организацию. Она была призвана, не подменяя борьбу масс, служить им военной опорой, причем партия осуществляла единое целеустремленное руководство. Поэтому сам факт военного обучения и вооружения шугбунда нельзя рассматривать как ошибку или причину поражения. Лишь партийное руководство, решившееся на борьбу, а также сочетание действий подготовленных по-военному отрядов с активностью масс могли обеспечить шансы на победу.

На соображения Кёрнера оказала сильное воздействие неверная теория стихийности. Он дошел даже до того, что упрекал Эйфлера, говоря, что его план действий подстрекает шугбунд к совершению незаконных акций, которые Кёрнер квалифицировал как «преступление по отношению к рабочему классу». При этом Кёрнер был вдвойне несправедлив, поскольку Эйфлер также думал лишь об оборонительных действиях. И если Кёрнер был прав в своей оценке неверной политики шугбунда, если его военные и тактические советы были верными, то в целом он прошел мимо самого существа вопроса.

Политические причины

Решающая причина последовавшего поражения была не там, где ее искал Кёрнер. Она состояла в противоречии между революционной волей шугбундовцев, являвшихся классово сознательными рабочими, и политикой социал-демократического руководства. Предлагаемые Кёрнером меры требовали в качестве предпосылки, чтобы руководство социал-демократии вдохнуло в шугбунд революционный боевой дух и поставило перед ним революционную цель. В действительности руководство социал-демократии никогда всерьез не рассчитывало на *действия* шугбунда. Оно всегда рассматривало его лишь в качестве политического *средства давления* наряду с другими его функциями — сковывать активность самых радикальных социал-демократов, препятствовать стихийным выступлениям, как, например, 15 июля 1927 г., и вселять в рабочий класс чувство безопасности.

Многочисленные предложения осуществить «внутреннее разоружение», которыми и сегодня гордятся социал-демократические историки и политики, никогда не были лишь маневрами, а, напротив, выдвигались совершенно серьезно. Социал-демократическое руководство видело опасность (если оно вообще ее видело) только лишь со стороны фашистских организаций. Ему никогда не приходило в голову, что для установления фашистской диктатуры может быть использована государственная власть. Военно-политические принципы Эйфлера, включавшие «деполитизацию и воинское послушание», полностью соответствовали пожеланиям руководства партии.

Подавление всякой инициативы снизу, слепое ожидание приказов сверху были нужны руководству партии, чтобы осуществить капитулянтский лозунг стоять «с ружьем к ноге». Но Кёрнер не видел, что его требования не могли быть выполнены в рамках организации, которой руководили оппортунисты. Он не мог понять этого, поскольку оставался социал-демократом. «Исходя из требований вооруженной борьбы Кёрнер видел пагубную ошибочность политики социал-демократической партии, но не понял ее корней (мелкобуржуазного реформизма). Поэтому он не сделал политических выводов. Весьма показательно, что, следуя указаниям Энгельса и Ленина, Кёрнер всерьез относился к вооруженной борьбе рабочего класса, основательно изучил условия этой борьбы и пришел к революционным выводам. Хотя он полностью признавал первостепенность политического руководства перед военным, он не сделал вывода из того, что руководство социал-демократической партии не было готово к революционной борьбе. В этом была его ошибка»¹.

Впрочем, можно также отметить, что Кёрнер во все решающие дни выступал *против* применения насилия — 15 июля 1927 г., 13 сентября 1931 г., 15 марта 1933 г. и даже 12 февраля 1934 г. Поэтому в соответствии с логикой вещей он снова пошел после 1945 г. на службу старому социал-демократическому руководству и его молодым преемникам.

---

¹ Friedl Fűrnberg, в: «Weg und Ziel», 1973, № 2, S. 66. Все другие цитаты взяты из документов Кёрнера, хранящихся в Архиве австрийского движения Сопротивления, а также из: «Weg und Ziel», 1973, № 3 (der Artikel von Ilona Duczynska — Polanyi) und N. Leser, Werk und Widerhall.

Что касается военно-тактических причин поражения, то решающей ошибкой был приказ вооружиться на сборных пунктах, прежде всего в муниципальных домах, но пустить в ход оружие только в случае нападения властей. Тем самым инициатива была предоставлена противнику. Возникло странное положение: эти муниципальные дома, бывшие прекрасными опорными пунктами обороны, не давали возможности для наступательных действий после того, как противник, вооруженный пулеметами или даже артиллерией, занял позиции перед ними. Оказалось достаточным иметь несколько часовых, чтобы сдерживать забаррикадировавшихся в домах шуцбундовцев.

Этот приказ полностью противоречил выдвинутому Марксом и Энгельсом принципам вооруженного восстания, которые были блестяще использованы В. И. Лениным. В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс указывал: «Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца... Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем»¹.

Даже наблюдатели из лагеря врага признавали, что рабочие в феврале не обязательно должны были потерпеть поражение. Напротив, при использовании правильной стратегии и тактики они могли бы победить. Тогдашний руководитель австрийской службы печати Эмиль Людвиг, доверенный человек Дольфуса, следующим образом оценивал поздние бои в Вене: «Если проанализировать обстановку в самой Вене после начала кровавых столкновений, то даже неопытный человек может сделать вывод: Первый район — место пребывания правительства и всех административных органов — в течение нескольких часов был почти незащищенным. Если бы «Республиканский шуцбунд» немедленно после решения начать борьбу попытался организовать серьезную атаку, то, не подлежит сомнению, он мог бы, наступая через Первый район, захватить Вену... Остается открытым вопрос,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 8, стр. 100.

могли бы шугбундовцы, обладая Веной или ее важнейшими пунктами, решить сражение в свою пользу. Но этот начальный успех мог быть достигнут без особых трудностей, так как заграждение улиц, ведущих в Первый район, началось лишь в утренние часы. Этот успех был бы обеспечен «Республиканскому шугбунду» и в том случае, если бы значительная часть рабочего класса (как это и случилось) отказалась последовать призыву социал-демократического руководства... Бауэр и Дейч имели к началу своих операций сплоченное, обученное войско численностью 25 000 человек, которое на первых порах значительно превосходило силы правительства. Но это войско не было использовано в тактическом отношении и поэтому главными объектами боев стали только городские жилые кварталы»¹.

Причина данной тактической линии нам известна, это был приказ ждать до тех пор, пока не будет совершено нападение. Такой приказ вытекал из основного принципа социал-демократического партийного руководства — грозить применением насилия с тем, чтобы добиться переговоров. Насколько соответствовал этот приказ плану действий, разработанному Эйфлером, сказать трудно, поскольку этот план до сих пор не найден. Но можно констатировать, что сами шугбундовцы, действуя на основе здравого пролетарского мышления, во многих местах отбросили принцип обороны и перешли, как было показано в первой части книги, к наступательным действиям.

Изданный австрийским министерством обороны в 1935 г. материал «Опыт оказания помощи в подавлении восстания в 1934 году» констатирует: «В небольших городах большинства земель мятежные действия шугбундовцев почти всюду носили наступательный характер и проявлялись главным образом в насильственном занятии государственных учреждений, во внезапных налетах на жандармские посты и места расположения хеймверовцев и разоружении их, в нападениях на отдельных лиц из службы безопасности или же вооруженных организаций, в нарушении транспортных линий и тому подобных действиях. Эти преступные выступления сопровождались настоящими боевыми действиями, в результате которых

---

¹ Emil Ludwig, Österreichs Sendung im Donauraum, Wien, 1954, S. 121.

имелись многочисленные жертвы среди сотрудников органов общественной безопасности и вооруженных союзов»¹.

Однако вследствие банкротства социал-демократического боевого руководства нигде не удалось двинуть в наступление крупные, сплоченные отряды шуцбундовцев. В цитируемом сообщении говорится далее: «Дело не дошло до наступательных действий более крупных масс вооруженных революционеров на площадях или же на открытой местности. Речь шла главным образом об атаках шуцбундовских отрядов, насчитывавших 50—300 человек».

Другой важной причиной поражения было отсутствие единого боевого руководства, которое могло бы превратить отдельные успешные атаки в генеральное наступление — конечно, если бы оно этого хотело. Весь план действий шуцбунда и вся военная подготовка шуцбундовцев были основаны на том, что будет функционировать центральное боевое руководство. Поэтому шуцбундовские отряды воспитывались не в плане проявления энергичной собственной инициативы, а в духе строжайшей дисциплины и ожидания приказов сверху. Разумеется, военная дисциплина имеет свои позитивные стороны и без нее немыслима военная организация. Но теневой стороной этой дисциплины было подчинение шуцбундовцев руководству, которое занимало неправильную, реформистскую позицию и в действительности не хотело борьбы. Недостатком было также отсутствие подготовки к самостоятельным действиям, которые являются необходимым дополнением к дисциплине.

Неправильное воспитание шуцбундовцев в духе дисциплины как единственном основополагающем принципе тесно сочеталось со стремлением соблюдать законность. Это привело к тому, что шуцбундовцы во имя защиты «народной собственности» не осуществили, в первую очередь в Вене, самых необходимых мероприятий. Почти нигде не были взорваны подъездные пути, мосты, железнодорожные переезды и путепроводы. Не были конфискованы автомашины и, тем более, не взяты заложники, что всегда необходимо во время революционных выступлений.

Характерно и то, что сражавшиеся шуцбундовцы отказывались доставать продукты питания «незаконным

---

¹ «Erfahrungen anlässlich der Assistenzleistungen zur Unterdrückung der Aufstände im Jahre 1934», 1935, S. 19.

путем» и скорее предпочитали в состоянии полного истощения выпускать из рук оружие. После окончания февральских боев жена Валлиша, Паула Валлиш, рассказывала во время суда о подобном случае в Бруке-на-Муре: «Несколько шугбундовцев пришли ко мне и сказали, что если не будет выдаваться питание, то люди окажутся вынужденными сами раздобыть что-нибудь. Когда я сообщила об этом Коломану, он заявил шугбундовцам: «Грабежей не должно быть! Мы не банда разбойников, мы — люди, которые борются за свободу! Того, кто станет грабить на свой страх и риск, мы будем считать врагом нашей священной борьбы и беспощадно расстреляем сами»¹.

Тяжелой ошибкой было то, что расположение тайников с оружием в очень многих случаях знали те функционеры шугбунда, которые до 12 февраля попали в руки полиции. Причем во многих случаях эти люди охотно дали себя арестовать. Причиной и в данном случае была боязнь социал-демократического руководства возможных стихийных выступлений. Руководство не проявило достаточных усилий, чтобы найти командиров взамен тех, кто был арестован или перебежал на сторону врага. А это привело к тому, что ряд важных шугбундовских организаций не вступил в действие, например в Бригиттенау, в венском округе «Запад» и в Нижней Австрии. Соединение шугбундовцев из Флоридсдорфа и Бригиттенау, поддержка шугбундовцев Зиммеринга и Фаворитена их товарищами из Винер-Нейштадта могли бы сразу изменить военную ситуацию в пользу рабочих.

Однако главной причиной поражения, — и в этом едины друзья и враги шугбундовцев, — была та, что развернувшаяся вооруженная борьба не была поддержана всеобщей стачкой. Социал-демократические лидеры и историки напрасно пытались и пытаются до сих пор свалить вину за это на рабочие массы. Мы уже показывали, что пагубная политика социал-демократического руководства систематически подрывала боеспособность масс. Мы показывали, как одна группа рабочего класса за другой — железнодорожники, рабочие типографий и другие — оставались на произвол судьбы, что деморализовало их и делало неспособными к борьбе.

---

¹ Paula Wallisch, Ein Held stirbt, Karlsbad, 1935, S. 234.

Пагубной была также тактика социал-демократической партии, рассчитанная на то, чтобы «ожидать большого дня», когда всеобщая стачка будет начата словно по мановению волшебной палочки, вместо того чтобы готовить эту стачку, организовав ряд частичных боевых выступлений, своевременно агитировать за нее и привлечь к ней даже самые отсталые слои трудящихся. Мы уже видели, что руководству социал-демократии не удалось даже довести до сведения всех рабочих решение о генеральной стачке, принятое в последний момент, когда бои уже начались. В ряде земель местные руководители социал-демократической партии и профсоюзов саботировали решение о проведении всеобщей стачки или же переходили на сторону врага. Однако даже после начала боев первые военные успехи могли бы привести к действительно всеобщей стачке. Но этих успехов не было из-за пагубного, неправильного руководства со стороны социал-демократии.

Поэтому, когда сегодняшняя социал-демократия пытается представить себя наследницей февральских бойцов, это выглядит довольно цинично. Конечно, сражавшиеся шувбундовцы были членами социал-демократической партии. Но их руководство не хотело борьбы, не вело ее и поэтому несет вину за поражение. Современной социал-демократической партии удалось утаить эти факты от австрийского рабочего класса. А использование ею морального капитала февральских борцов помогло СПА взять на вооружение традиции старой социал-демократической партии. Однако современники и сами участники боев пришли в 1934 г. к выводу, что все могло быть по-другому.

Уроки февраля

Международное значение февральских боев

Февральские бои в Австрии имели значение не только для этой страны, они стали очень важной составной частью борьбы международного рабочего класса против наступления фашизма на демократические права и свободу народа. Они были — после болгарского восстания в сентябре 1923 г. — первой вооруженной акцией отпора наступающему фашизму. Эти бои развернулись в период, когда отпор фашизму стал главной задачей в ряде стран. В то время французская монополистическая буржуазия бросила против народа фашистские банды и пыталась установить свою фашистскую диктатуру в стране. Однако когда тысячи фашистов попытались 6 февраля 1934 г. взять штурмом парламент, рабочие Парижа поднялись на защиту Французской республики и преградили им путь. Они воздвигли на улицах Парижа баррикады, в первую очередь в его предместьях. Фашистская попытка осуществить путч была подавлена.

Следуя призыву Коммунистической партии Франции, Социалистической партии и профсоюзных организаций, более 4,5 млн. рабочих и служащих начали всеобщую стачку, чтобы продемонстрировать волю рабочего класса — не допустить приход фашизма к власти. Это было 12 февраля 1934 г., в день, когда в Австрии вспыхнули бои. Более 1,3 млн. мужчин и женщин демонстрировали на улицах французских городов свою волю к защите демократических прав. Они выступали, невзирая на атаки полиции и жандармерии, которых поддерживали фашистские погромщики. По официальным данным, во время столкновений было много убитых и раненых. Однако це-

ной этих жертв французскому рабочему классу удалось сорвать планы фашистов и воспрепятствовать фашистскому перевороту. Осуществленное на улицах единство действий привело, в конечном итоге, после преодоления больших трудностей, к заключению соглашения о едином фронте между двумя рабочими партиями Франции. Затем был создан Народный фронт с участием демократических средних слоев, получивший большинство на выборах в 1936 г., после чего стало возможным образование первого правительства Народного фронта.

Совершенно разные результаты боев во Франции и в Австрии дали международному рабочему классу возможность извлечь важные уроки. Французский народ одержал победу в первую очередь потому, что имелась мощная коммунистическая партия, пользовавшаяся заслуженным авторитетом у рабочего класса. Преодолев левое сектанство в своих рядах, компартия сумела путем успешной работы в массах мобилизовать также сторонников Социалистической партии. Оказанное ими давление на колеблющихся лидеров Социалистической партии и профсоюзов помогло завоевать их на сторону единого фронта рабочих.

Объединенный рабочий класс явился мощной притягательной силой для мелкобуржуазных народных слоев, что создало предпосылки совместной борьбы в защиту демократии, против угрозы фашизма.

В Австрии социал-демократическая партия насчитывала около 650 000 членов, за нее голосовали 1 500 000 избирателей, она представляла тем самым 90% рабочих, две трети населения Вены и большинство городов. Поэтому лидеры партии могли утверждать, будто единство рабочего класса осуществлено в ее рядах. Но пример Австрии наглядно показывает, насколько верен был вывод В. И. Ленина, который повторял: «Единство — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»¹.

«Австромарксизм», социал-демократическая партия воплощали это фальшивое единство. Они раскололи революционный боевой фронт рабочего класса. Австрийскому рабочему классу на решающих поворотах его истории не

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 79.

хватало революционного руководства. Поэтому рабочий класс шел своим тернистым путем — начиная с упущенной возможности революции в 1918 г. и до установления фашистской диктатуры в феврале 1934 г.

За многие недели и месяцы до начала февральских боев ЦК Коммунистической партии Австрии пропагандировал всеобщую стачку, вооружение рабочих и революционное восстание. Коммунисты неоднократно указывали, что невозможно и нереально рассчитывать внезапно объявить о начале борьбы в какой-то определенный день. Нужно мобилизовать рабочий класс на эту борьбу путем проведения отдельных боевых выступлений. В феврале 1934 г. коммунисты подавали пример, показывая образцы героизма, несмотря на то, что закрытый, обособленный характер штурмбунда ограничивал участие в нем членов компартии. Там, где были коммунисты, они шли в первых рядах бойцов.

Коммунисты повсеместно пытались побудить штурмбундовцев перейти с их позиций в наступление. Там, где социал-демократические функционеры саботировали, коммунисты старались сами организовать борьбу. Хотя компартия в период антифашистской мобилизации масс перед 1934 г. приобрела новых членов и увеличила свое влияние, она далеко еще не стала такой силой, чтобы взять на себя руководство борьбой, придать ей другой характер и добиться победы. Лишь февральские бои открыли глаза многим тысячам рабочих на пагубность политики их прежнего социал-демократического руководства и привели их в ряды компартии. На основе горького опыта они убедились в правильности политики компартии в прошлые годы.

Различный исход боев в Австрии и во Франции наглядно показал, какое единство нужно рабочему классу. Требовалось не пассивное единство в рядах организации, подчинявшейся оппортунистическому руководству, а активное единство в борьбе, которое пропагандировалось и организовывалось коммунистами. Герои февральских боев в Австрии и в Париже завещали нам: высшей заповедью является боевое единство рабочего класса.

Несмотря на их исход, февральские бои в Австрии были и остаются одним из крупных и важных классовых столкновений в истории международного рабочего движения. Они ознаменовали собой не только поворотный

пункт в развитии австрийского рабочего класса, но и явились тяжелым ударом по политике и теории социал-демократии и II Интернационала. В результате февральских боев многие рабочие осознали необходимость революционной классовой борьбы. Эти бои в значительной мере помогли преодолеть чувство уныния, возникшее в ряде мест после шока, вызванного захватом Гитлером власти в Германии, и способствовали укреплению боевого духа рабочего класса. В этом смысле февральские бои ознаменовали начало нового этапа в международном рабочем движении, они способствовали укреплению решимости перейти в контрнаступление против фашизма.

Февральские бои показали, что существует альтернатива капитуляции перед фашизмом. Они явились наглядным предупреждением не только для австрийской буржуазии, но и для буржуазии всех стран. Они укрепили французский рабочий класс в его борьбе против угрозы фашистской диктатуры, были примером для борцов Испанской республики, выступивших против фашистских мятежников.

Легенда о борющейся социал-демократии

Февральские бои в Австрии разрушили легенду о боевом характере австрийской социал-демократии. Они спасли честь австрийских рабочих, но показали крах реформистских иллюзий насчет мирного, безболезненного вращивания капитализма в социализм. Они продемонстрировали рабочим всего мира, насколько велико противоречие между их волей к защите демократии и к завоеванию социализма и политикой их реформистских вождей даже в тех странах, где эти руководители маскировали свою политику радикальными, революционными фразами. Тем не менее идеологи социал-демократии пытались и пытаются до сегодняшнего дня приписать подвиги рабочих социал-демократической партии, использовать их заслуги в интересах партии.

Однако действительность разоблачала лживость и тенденциозный характер подобных утверждений. Не прошло и 10 дней после начала февральских боев, как автор этой работы писал в бюллетене Коммунистического Интернационала «Рундшау», издававшемся в Базеле:

«Уже сейчас II Интернационал пытается нажать политический капитал на крови жертв февральского выступления в Австрии. Социал-демократическая партия в Австрии пытается создать впечатление, будто она была инициатором и руководителем этой героической борьбы. Тем самым хотят создать легенду о смелой, революционной социал-демократии Австрии, легенду, призванную поднять сильно пострадавший авторитет II Интернационала. Позор социал-демократической партии Германии, — утверждает легенда, — был искуплен смелой борьбой Социал-демократической партии Австрии»¹.

Действительно, после тех событий не было, пожалуй, ни одного социал-демократического историка, который не повторял бы эту легенду. Выступления противоположного характера, как, например, Н. Лезера, весьма редки. Будучи противником Отто Бауэра и поддерживая открытый ревизионизм Карла Реннера, Н. Лезер признает некоторые факты, когда, например, пишет: «12 февраля — это отнюдь не лавровый венок для политического и военного руководства австрийской социал-демократии, это не подтверждение, а провал политики Бауэра и Дейча. Когда Бауэр и Дейч позднее изображали и торжественно отмечали эти события как доказательство величия и героизма австрийского рабочего класса, то в целом они были правы. Но личный их вклад состоял лишь в том, что благодаря провозглашению всеобщей стачки и последующему «геройству» они встали в арьергард движения, которым не руководили, а предоставили ему идти своим ходом лишь в последнюю минуту, когда внизу произошло отчаянное «нарушение дисциплины»².

После освобождения из гитлеровской тюрьмы Г. Димитров с полным основанием писал австрийским рабочим: «И все же австрийский пролетариат мог бы еще в феврале 1934 года победить, если бы вы, рабочие — социал-демократы, отказались следовать политике социал-демократических лидеров... если бы вы вместе с коммунистами вовремя взяли в свои руки дело организации борьбы, ее руководство»³.

¹ «Der Austromarxismus und der Februaraufstand». Von Gustav (Wien), в: «Rundschau», № 17, 22 Februar 1934, S. 595.

² N. Leser, Zwischen Reformismus und Bolschewismus, S. 483.

³ Георгий Димитров, Избранные произведения, т. II (1906—1937 гг.), София, 1967, стр. 585.

20 февраля 1934 г. Коммунистическая партия Австрии обратилась к революционным рабочим с призывом: «Объединяйтесь в рядах коммунистической партии, идите под ее руководством вперед, от февральского восстания к Красному, большевистскому Октябрю! Долой фашистскую диктатуру виселиц! Да здравствует Советская Австрия!»

Сегодня иногда сомневаются в правильности этого лозунга, поскольку он не ориентировал рабочий класс на то, чтобы снова завоевать демократию, и не готовил его к созданию народного фронта, к чему позднее призвал VII Всемирный конгресс Коминтерна. Говорят даже, что этот лозунг принадлежит к «ошибкам того времени».

Однако подобный метод анализа исходит не из конкретной ситуации, а из более поздних абстрактных требований и приводит поэтому к неправильным выводам. Характерной чертой ситуации, возникшей непосредственно после февральских событий, было отсутствие настроений депрессии у большей части рабочих, причем наиболее прогрессивные из них были глубоко убеждены, что применявшиеся до сих пор методы провалились, а политика социал-демократии привела к банкротству. В этой ситуации первая задача Коммунистической партии Австрии состояла в том, чтобы дать этой части рабочих объединяющий их лозунг, который содействовал бы их сплочению, показал путь и цели борьбы. В условиях краха иллюзий о буржуазно-парламентском пути, т. е. социал-демократическом пути, таким лозунгом мог быть лишь призыв к установлению власти рабочих, т. е. диктатуры пролетариата. Классово сознательные рабочие не могли в то время видеть какую-либо другую альтернативу фашистской диктатуре Дольфуса, кроме перехода к власти рабочих. Это понимали не только коммунисты, которые начиная с 1918 г. отстаивали данное положение и пропагандировали его в рабочем классе. Даже Отто Бауэр и некоторые другие лидеры социал-демократии выступали теперь в поддержку диктатуры пролетариата¹.

---

¹ В этой связи не имеет значения, насколько серьезно относились к этому лозунгу Отто Бауэр и др. Соратник Бауэра, Юлиус Дейч, во всяком случае, признавал, что радикальные фразы после 1934 г. служили лишь средством для того, чтобы не потерять влия-

Лозунг «От февраля к Октябрю» четко выражал вывод, сделанный тысячами функционеров и десятками тысяч рабочих, он содействовал развитию их активности.

При этом дело не в том, будто бы идея, лежавшая в основе лозунга, являлась правильной, а сам он был неверным. Неправильным этот лозунг мог быть лишь в том случае, если бы он мыслился, как *призыв к действию*, если бы «Красный Октябрь» имелся в виду как дата восстания. Нельзя отрицать того, что некоторые руководители «Революционных социалистов» и члены «Революционного шувбунда» действительно верили в возможность свергнуть до октября 1934 г. фашистскую диктатуру. Но эта, как они ее называли, «ближайшая перспектива» никогда не разделялась коммунистической партией. Коммунисты считали и говорили об этом массам, что данный лозунг означал, во-первых, показ конечной цели, а во-вторых, констатацию того факта, что рабочий класс хотя и проиграл одну битву, но не проиграл всей борьбы. Эта борьба продолжается и должна окончиться победой рабочих. Таким образом, лозунг «Красный Октябрь» не был «ошибкой», его смысл состоял в том, чтобы не допускать настроений депрессии, и эту задачу он полностью выполнил.

Сам того не желая, социал-демократ Отто Лейхтер показал позитивное воздействие этого лозунга на примере шувбунда. Он писал: «В основе сплочения сил шувбунда, которое необычайно быстро произошло после февральского поражения, лежала, кроме чувства общности и оппозиции против диктатуры, также и мечта о «Красном Октябре». Эта мечта основывалась, не говоря уже о коммунистах, всегда готовых проводить параллель с русской революцией, на ясных политических соображениях: если после русской революции в марте 1917 г. пришел «Красный Октябрь», или большевистская революция, то в Австрии после февраля наступит коммунистический Октябрь»¹.

ние на рабочих. В одном из его писем (от 19 апреля 1935 г.), которое цитирует социал-демократический критик д-р Виссхаупт, говорится: «Лозунги, которые сближаются с позицией коммунистов, поступают не из Брюнна [Брно. — *Перев.*], а из самой страны...» (Walter Wiss haup t, Wir kommen wieder!, Wien, 1967, S. 46.)

¹ Otto Leichter, Zwischen zwei Diktaturen, S. 165.

Содержание лозунга «Красный Октябрь» было не констатацией календарной даты, а принципиальным политическим признанием социалистической революции. Об этом свидетельствует интересный факт из истории Коммунистической партии Австрии. Когда Иоганн Коплениг 9 января 1928 г. предстал перед судом присяжных из-за своей речи на могилах жертв 15 июля 1927 г., он закончил свое выступление словами: «В июле 1917 г. русские рабочие тоже не достигли успеха в борьбе, а в октябре того же года они снова вышли на улицы и победили! У нас этот период будет более длительным. Однако за кровавой пятницей в Австрии тоже наступит «Красный Октябрь»! И, конечно, никому не приходило в голову видеть в этих словах что-либо другое, кроме уверенности коммунистов, что в Австрии рабочий класс также возьмет власть.

Разумеется, компартия должна была выступать против иллюзий насчет «ближайшей перспективы», которая особенно активно распространялась «революционными социалистами». В специальном выпуске коммунистической «Прессединст» («Служба печати») ¹ под заголовком «О нашем лозунге «Красный Октябрь»» были опубликованы слова, обращенные ко многим, которые «с нетерпением ждали дня расплаты». «Мы знаем, вы страстно надеетесь на восстание уже в октябре этого года... После февральского восстания коммунистическая партия извлекла уроки из вооруженных боев и выразила цель классовой борьбы в Австрии в лозунге: «Вперед, от февраля к Красному Октябрю!» Совершенно ясно, что хотела сказать этим наша партия: покончить с реформизмом, вперед к революционной классовой борьбе. От проигранных вооруженных боев в феврале к пролетарской революции, к вооруженному восстанию.

Мы намеренно выбрали слова «Красный Октябрь» для обозначения пролетарской революции. Тем самым мы хотели совершенно ясно ответить на вопрос, каким будет вооруженное восстание в Австрии. Таким же, как Великая пролетарская Октябрьская революция в России! Ее главные уроки и опыт справедливы также и для нас... Поэтому наш лозунг «Вперед, к Красному Октябрю!» никогда не был в буквальном смысле слова связан с ок-

---

¹ 41. Woche vom 7. bis 13. Oktober 1934.

тябрем 1934 г. Этот лозунг свидетельствует, что наше восстание станет победоносным октябрьским восстанием, т. е. это будет уничтожение капиталистического государственного аппарата и установление диктатуры рабочих, крестьянских и солдатских Советов в Австрии).

В передовой статье подробно разъяснялось, что вооруженное восстание может быть подготовлено только путем организации отдельных боевых выступлений.

На XII съезде в сентябре 1934 г. компартия ясно изложила свою позицию. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Австрии И. Коплениг поставил вопрос: «Имеются ли уже сегодня предпосылки для того, чтобы начать непосредственную борьбу за власть?» Ответ, который дала компартия, был совершенно ясен: «Не подлежит сомнению, что в настоящее время еще не имеется предпосылок для успешного восстания». Компартия поставила перед рабочим классом непосредственную задачу: «Он должен сперва снова собрать свои силы, снова организоваться и в ходе повседневной борьбы проверять и закалять свои силы»¹. Для компартии лозунг о «Красном Октябре» был всегда «выражением неслышимого боевого духа австрийского пролетариата, точно так же, как лозунг «Мы вернемся снова!», стихийно выдвинутый и повторяемый массами»².

XII съезд поставил в качестве главной задачи «нести в массы вывод о необходимости и возможности отдельных боевых выступлений. Сделать этот вывод руководящей идеей для революционного действия каждого коммуниста, каждой партийной ячейки, каждой рабочей организации и всего рабочего класса». Это положение осталось действенным и в то время, когда в ходе развития событий компартия поставила перед собой задачу развернуть работу по созданию антифашистского народного фронта. Этот лозунг был выдвинут также VII Всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала. Выступая на конгрессе, И. Коплениг сказал, что существует возможность «создать в Австрии на основе пролетарского единого фронта широкое народное движение за восстановление прав и свобод трудящихся, за мир, за независимость австрийского народа».

---

¹ «Rundschau», 6. Dezember 1934, № 63, S. 2882.

² K o p l e n i g, в: «Inprekorr», 3. Mai.

Были ли февральские бои восстанием?

Первоначально Коммунистическая партия Австрии оценивала февральские бои как революционное восстание масс австрийского пролетариата. Она была при этом одного мнения с Исполкомом Коммунистического Интернационала, который характеризовал бои в Австрии как восстание и начало контрнаступления против фашизма, за диктатуру пролетариата. Однако эта оценка была постепенно изменена на более реалистичную — как Коммунистическим Интернационалом, так и Коммунистической партией Австрии. При этом большое влияние оказало написанное Георгием Димитровым, по согласованию с руководящими товарищами из Коминтерна, письмо к австрийским рабочим. Димитров осудил капитулянтскую позицию правых социал-демократических лидеров, которые плакали, утверждая, что не надо было браться за оружие. Димитров ответил на это, сказав, что трусливая капитуляция не спасла австрийских рабочих от реакции, а, напротив, лишь ободрила ее.

Главный вывод Димитрова состоял в том, что февральские бои не были ошибкой, они явились героическим подвигом. Но это выступление *не было восстанием*. «Нет, не вооруженная борьба австрийских рабочих была ошибкой. Ошибкой было то, что борьба эта не была организованной и не велась революционным большевистским способом...

Вооруженное сопротивление австрийского пролетариата фашизму не превратилось в настоящее вооруженное восстание. В этом и состоит главная ошибка»¹.

Против настроений депрессии

Австрийские фашисты напрасно считали, что они разгромили рабочее движение. Классовая борьба и марксизм как ее теоретическое выражение неистребимы, пока существует рабочий класс. Социал-демократическая партия Австрии была не только запрещена, но и разбита. Она

---

¹ Георгий Димитров, Избранные произведения, т. I (1906—1937 гг.), стр. 580.

потерпела поражение не только под ударами фашистской диктатуры, но вследствие глубокого разочарования десятков тысяч ее членов, которые осознали теперь банкротство политики своих вождей. В то же время попытки заманить классово сознательных рабочих в сети фашизма остались безуспешными. Рабочие после февраля отвечали презрением на призывы Дольфуса и Шушница к «обманутой части рабочего класса» вступить в ряды «Отечественного фронта».

Не более успешными были старания нацистов привлечь на свою сторону активных борцов февраля обещания отомстить Дольфусу. Правда, в некоторых местах штурмбундовцы переходили к нацистам, в других — они вели с ними переговоры насчет передачи или продажи оружия. Так было, например, с Бернашеком, который начал бои в Линце. Нацисты помогли ему бежать из тюрьмы в Германию¹. Однако все это были единичные случаи. Наибольшая опасность состояла в том, что широкие слои рабочего класса, испытывая чувства разочарования и отчаяния, могли стать пассивными и отойти от всякой политической деятельности.

Заслуга коммунистической партии

В том, что этого не случилось, в первую очередь заслуга Коммунистической партии Австрии. В нелегальных условиях она расширила свои организации и после крушения социал-демократии представляла собой единственную организованную и организующую силу рабочего класса. Один из свидетелей, отнюдь не расположенный к коммунистам, вынужден был констатировать: «С героическим подъемом коммунистические кадры бросились на первых порах нелегальной деятельности на борьбу против превосходящих сил фашизма. Нелегально издавались и распространялись многочисленные местные и производственные газеты. Коммунистические листовки наводнили страну»².

---

¹ Позднее Бернашек порвал с национал-социалистами. Он был убит гитлеровцами в концлагере Маутхаузен. — *Прим. перев.*

² Walter Wisshaupt, *Wir Kommen wieder!*, S. 126.

За Коммунистической партией Австрии стояла притягательная сила великого Советского Союза и Коммунистического Интернационала. «Пример русской Октябрьской революции, мощь Советского Союза явились надеждой, программой и опорой для масс, потерпевших поражение...»¹

Многие рабочие — социал-демократы убедились в феврале 1934 г. в том, что путь коммунистов был правильным. Не большая социал-демократическая партия Австрии, а компартия правильно оценила события и выдвинула верные лозунги. Используя свою агитацию, коммунисты пошли к массам бывших социал-демократов и разрушили стену недоверия, разделявшую их раньше. Тысячи бывших членов и функционеров социал-демократической партии, в первую очередь самые активные из них, вступили в нелегальную Коммунистическую партию Австрии. Десятки тысяч других социал-демократов стали читателями нелегальной коммунистической прессы, нашли в ней глубокое убеждение и веру в грядущую победу. Компартия, бывшая до этого как марксистско-ленинская партия *идеологическим* авангардом австрийского рабочего класса, стала теперь организованным *идеологическим и политическим* авангардом. В условиях нелегальности она стала массовой партией.

Оглядываясь на прошлое, Иоганн Коплениг отмечал в 1957 г.: «Февраль означал осуществление идеи единого фронта... Но все это не пришло само собой. Партия не смогла бы сплотить столь большую часть социал-демократических рабочих, если бы коммунисты до этого, и в первую очередь в решающие дни февраля 1934 г., сами не стояли плечом к плечу с шпунбундовцами в борьбе. Большой заслугой коммунистической партии было то, что после февральских дней, несмотря на всю горечь и озлобленность рабочих из-за политики руководства социал-демократической партии, фашистам не удалось использовать ситуацию в своих целях»². Свою главную задачу компартия видела в том, чтобы организовать массы на борьбу против фашистской диктатуры, за восстановление их прав и свободы рабочего движения.

---

¹ Ibid., S. 125.

² Johann Koplenig, Ein glorreiches Kapitel der Geschichte der Kommunistischen Partei, «Volksstimme», 10. II. 1957.

Коммунисты обращались к шувбундовцам и свободным профсоюзам с призывом: «Держитесь вместе! Не давайте вас разобщить! Защищайте ваши организации, пусть они продолжают нелегально работать!» Коммунисты помогали функционерам и членам разгромленных массовых организаций пролетариата восстанавливать эти объединения в условиях нелегальности и передавали им свой богатый опыт подпольной деятельности.

В первые дни после февральских боев появлялись отдельные сомнительные лозунги о дальнейших организационных задачах, но это было быстро преодолено. Так, например, в те первые дни некоторые пропагандировали лозунги: «Создавайте антифашистскую гвардию!» или: «Создавайте производственные красные профсоюзные организации даже там, где реформисты попытаются обеспечить нелегальную работу своих профсоюзных организаций!» Но компартия в течение очень короткого времени отклонила эти лозунги. С помощью коммунистов шувбундовцы воссоздали свою организацию как «Автономный шувбунд», или «Революционный шувбунд». Это была надпартийная организация, стоявшая на позициях марксизма-ленинизма.

Коммунисты первыми проявили инициативу нелегального воссоздания свободных профсоюзов и вместе с социал-демократами, входившими в эту организацию, образовали «Центральную комиссию по восстановлению свободных профсоюзов» («Комиссия по восстановлению»). Этой комиссии удалось восстановить на самых важных предприятиях группы свободных профсоюзов. В то время как коммунисты смело приступили к воссозданию свободных профсоюзов, многие прежние реформистские деятели этой организации впали в пассивность или даже пытались договариваться с представителями фашистской диктатуры. Особенно возмутительным было предательство видных функционеров распущенного профсоюза металлистов и некоторых других союзов, которые под надзором полиции выезжали за границу, получали спрятанные там профсоюзные деньги и передавали их официальным профсоюзам.

Большой опорой в нелегальной борьбе была надпартийная организация «Роте хильфе» («Красная помощь»), которой руководили коммунисты. Давно уже действовавшие нелегально организации «Красной помощи» оказывали поддержку арестованным рабочим и их семьям независимо от партийной принадлежности. Уже упоминавшийся нами Вальтер Виссхаупт цитирует в своей работе ¹ отчет социал-демократов Верхней Австрии от 5 мая 1934 г., в котором говорилось, что «компартия оказывала поистине великодушную помощь», в то время как социал-демократия не помогала вообще. Необходимые денежные средства «Красная помощь» находила путем организации сбора пожертвований как в Австрии, так и за границей. Львиная доля этих пожертвований поступила от советских трудящихся. Советские профсоюзы прислали миллион шиллингов, что соответствует по нынешнему курсу примерно 20 млн. шиллингов. Распределение средств было поручено комитету, носившему имя Георга Вейсселя.

«Красная помощь» не только поддерживала политических заключенных и их семьи, она организовала также побег в Чехословакию сотен лиц, которым угрожала опасность. Большую помощь оказал при этом тогдашний посланник Чехословацкой республики в Вене Зденек Фирлингер, который ранее помог бежать Отто Бауэру. Большое число штурбундовцев, подвергавшихся преследованию, нашло убежище в Советском Союзе. СССР предоставил им позднее возможность с оружием в руках продолжать борьбу против фашизма. Сотни штурбундовцев сражались в рядах интернациональных бригад в Испании, некоторые из них — в рядах Советской Армии или в партизанских отрядах.

XII съезд Коммунистической партии Австрии

В коммунистическую партию пришли вскоре группы бывших социал-демократов, искавшие новую политическую линию. Они сделали выводы из февральских собы-

---

¹ Walter Wisshaupt, *Wir kommen wieder!*, S. 39.

тий и отбросили реформистскую социал-демократическую политику. В ходе товарищеских дискуссий, с помощью коммунистов они выработали ясную позицию, после чего многие из них нашли путь в компартию. Это относится в первую очередь к наиболее сознательной группе левых социал-демократов «Красный фронт». Эта группа поняла вред лозунга «Единство любой ценой», когда он использовался реформистским, капитулянтским руководством. Опыт февраля убедительно показал, что формальное единство в рядах неревolutionционной партии не может заменить живое единство действий и борьбы. В коммунистической партии эти люди нашли свою новую политическую родину.

Вступившие в компартию новые члены имели тесные связи с массами бывших социал-демократов. Через несколько месяцев после февральских боев, в сентябре 1934 г., в Праге состоялся XII съезд Коммунистической партии Австрии. Перед съездом во всех областях страны прошли подготовительные конференции, на которых обсуждалась платформа съезда и были избраны делегаты. Эти конференции проводились в Венском лесу, в Лобау, в горных деревнях, на альпийских пастбищах и на берегу Дуная. Партийные организации должны были действовать очень изобретательно, чтобы скрыть эти собрания от глаз полиции. Одной из важнейших конференций при подготовке партийного съезда была венская городская конференция. Она состоялась в предгорьях Альп, возле Ваксенэка. На этой конференции к компартии присоединилась наиболее сильная и последовательная группа левых социалистов «Красный фронт».

Съезд партии констатировал, что в значительной мере произошло слияние старых и новых кадров. Во всех руководящих органах партии работали на равных правах товарищи, независимо от их прежней партийной принадлежности. Компартия справедливо считала, что этот факт подтверждает правильность борьбы, которую она вела полтора десятка лет в самых тяжелых условиях. Компартия видела в этом подтверждение правильности своей генеральной линии, причем констатировала, что в ходе развития КПА совершались также ошибки, затруднявшие подход к массам социал-демократов.

Но коммунисты не допускали, чтобы ошибки компартии приравнивались к ошибкам социал-демократов. Дело

в том, что ошибки членов компартии вытекали из отклонения от принципиально правильной, революционной марксистско-ленинской линии, в то время как ошибки социал-демократии следовали из ее общей реформистской, капитулянтской политики. «Оглядываясь назад, — говорил И. Коплениг, — партия может с гордостью отметить, что она была права по всем основным вопросам, и это явилось решающей причиной роста ее авторитета и влияния после февральских событий». Но компартия словами Копленига признала также заслуги функционеров и рабочих, пришедших в КПА из социал-демократической партии.

«Но если сегодня коммунистическая партия становится массовой партией австрийского пролетариата, — говорил Коплениг, — то в этом заслуга не только наших старых кадров, их многолетней и упорной работы, но и заслуга тех новых тысяч рабочих-активистов и десятков тысяч подлинно левых рабочих, которые находились до февраля в рядах социал-демократии. Находясь там, они вели борьбу против реформизма и, несмотря на сохранившиеся у них иллюзии, выполняли очень полезную работу в интересах коммунизма. Они допускали многие ошибки, и нам зачастую приходилось вести против них политическую борьбу. Но и у нас в прошлом следует отметить некоторые ошибки и сектантские промахи, особенно в нашем отношении к революционным социал-демократическим рабочим».

Единство старых и новых кадров нашло свое отражение и в составе нового Центрального комитета Коммунистической партии Австрии, где более половины избранных товарищей вступили недавно в партию, среди них Франц Шустер — один из руководителей группы «Красный фронт».

XII съезд КПА поставил задачу сделать партию главной силой сплочения всего австрийского рабочего движения в борьбе за интересы рабочего класса, свержение фашистской диктатуры, за восстановление свободы рабочего движения. Но для этого было нужно, чтобы коммунисты не ограничивали свои усилия только борьбой за укрепление компартии, а старались создать единый фронт всех сил, стремящихся к борьбе против фашистской диктатуры.

Старая социал-демократическая партия не смогла восстановить свои организации в Австрии. Но в стране организовалось несколько групп из числа бывших социал-демократов, которые не хотели слиться с коммунистической партией. Они действовали под самыми различными названиями, например «Февралисты», «Восемнадцатый номер», а чаще всего, используя названия из раннего периода русского рабочего движения, например «Искра», «Союз освобождения рабочего класса», «Что делать?» и другие. Уже одним этим они хотели дать понять, что не желают иметь ничего общего со старой, обанкротившейся социал-демократической партией.

Коммунистическая партия стремилась к честному сотрудничеству со всеми этими группами. Уже в первые недели после февраля во многих местах и на многих предприятиях возникло тесное сотрудничество между коммунистами и социалистами. Среди последних центральной организацией постепенно стала группа «Революционных социалистов», которой руководили молодые функционеры из бывшего аппарата социал-демократической партии. Эта группа получила поддержку основанного в Брно эмигрировавшими членами правления партии «Иностранного бюро австрийских социалистов». Этим бюро руководил Отто Бауэр, который издавал нелегальную газету «Арбайтер цайтунг». Контрабандная доставка и распространение нелегальной «Арбайтер цайтунг» создавали организационные основы для работы «Революционных социалистов» в Австрии.

Учитывая тогдашнее настроение рабочих, «Арбайтер цайтунг» использовала революционный язык, признавала диктатуру пролетариата, критиковала ряд ошибок прошлого. Но многие «Революционные социалисты» считали эту позицию газеты недостаточно революционной, что и пытались отразить в своем журнале «Революцион», который они издавали в Австрии.

Однако в ходе дальнейших событий антикоммунистическая позиция «Арбайтер цайтунг» становилась все более ясной. В номере газеты от 25 марта 1934 г. Отто Бауэр еще писал: «Ради чего могли бы мы теперь расколоть свои ряды? Ведь не может быть никакого спора о том,

что против фашизма можно бороться только революционными средствами и что целью революционной борьбы должна быть революционная диктатура трудящегося народа в качестве переходной формы к социалистической демократии». Но когда революционные рабочие начали делать свои выводы и вступать в компартию, то «Арбайтер цайтунг» стала атаковать коммунистов. В номере от 8 апреля 1934 г. она писала: «Теперь коммунисты стараются сблизиться с австрийским рабочим классом — они хотели бы нажить себе капитал на кровавом февральском восстании... Поэтому, мол, не нужно вести бесполезный спор о прошлом, нужна смелая работа в новом направлении... Не нужно коммунистической суеты вокруг специальных союзов, нужна единая революционная социалистическая рабочая партия».

«Революционные социалисты» объединяли рабочих, бывших раньше социал-демократами, которые имели еще много предубеждений в отношении коммунистов. Но большинство из этих рабочих понимало необходимость совместной борьбы. Однако в руководстве «Революционных социалистов» имелись силы, у которых враждебность в отношении компартии, Коминтерна и Советского Союза перевешивала все другие соображения. Перед компартией стояла поэтому нелегкая задача: укрепить волю рабочих к единству и вместе с тем оттеснить и изолировать элементы, враждебные ему.

Первые соглашения о едином фронте

Несмотря на многие антикоммунистические заявления и действия руководителей «Революционных социалистов», компартия сразу же предложила им создать единый фронт и заключить соответствующее соглашение. Но правые лидеры «Революционных социалистов» ответили обходным маневром, направленным против единого фронта. В первом номере журнала «Революционных социалистов» «Революцион», а также в письме в Исполком II Интернационала в июне 1934 г. они заявили, что готовы к созданию единой партии. В качестве обоснования они писали: «В борьбе против фашистской диктатуры ничто не отличает рабочих-социалистов от их товарищей по классу, организованных в компартию. Они подвергаются тем же преследова-

ниям, испытывают те же лишения. И поскольку они всегда стремились к одной и той же цели то в условиях фашистской диктатуры не существует больше противоречий в тактике борьбы».

Однако в качестве предпосылки для объединения «Революционные социалисты» потребовали заключения «пакта о ненападении» между Социалистическим и Коммунистическим Интернационалами. Такое условие соответствовало умонастроению многих, особенно центристских лидеров II Интернационала. Это подтверждает письмо Фридриха Адлера, тогдашнего секретаря Социалистического Рабочего Интернационала, которое он написал 10 июня 1934 г. руководству «Революционных социалистов» вместо официального ответа II Интернационала. В письме говорилось: «Подобный шаг может быть полезен для выяснения подлинных намерений коммунистов. Каждый раз, когда этот шаг будет повторяться, он снова покажет, что для коммунистов разговор о единстве является всего лишь маневром. Мы всегда готовы заключить честный пакт о ненападении, но коммунисты *не могут* соблюдать это соглашение вследствие их тактики». Руководство «Революционных социалистов», делая свое предложение, в действительности хотело лишь выиграть время, чтобы не допустить создания единого фронта в Австрии до получения ответа Социалистического Интернационала.

Буттингер признает¹, что ЦК «Революционных социалистов» был намерен своим предложением отвлечь «на некоторое время внимание от неприятных внутренних проблем в сторону решительных шагов в международном масштабе». В то время как «Революционные социалисты» хотели перенести этот вопрос на международную арену, Коммунистическая партия Австрии ответила на их письмо открытым письмом от 1 июля 1934 г., в котором предложила ЦК «Революционных социалистов» и всем другим социалистическим группам начать подготовку совместного партийного съезда. Компартия выразила мнение, что поскольку по политическим вопросам в рядах австрийского рабочего движения достигнута ясность, то уже нет существенных различий во мнениях на пути к образованию единой боевой партии рабочего класса Австрии. Поэтому

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 162.

компартия предложила создать совместную комиссию, которая должна была провести переговоры относительно организационных форм объединения коммунистов, «Революционных социалистов» и всех других групп и подготовить совместный партийный съезд.

Переговоры по этому вопросу между компартией и «Революционными социалистами» действительно начались. Однако влияние антикоммунистических элементов привело к тому, что эти переговоры сильно затянулись. В первом совместном коммюнике, правда, говорилось: «Дискуссии и переговоры о возможности объединения в одну революционную классовую партию и в связи с этим по принципиальным вопросам продолжаются». Но в конечном итоге антикоммунистическим лидерам «Революционных социалистов» удалось сорвать переговоры о создании объединенной рабочей партии. Однако коммунисты не ослабили своих усилий, направленных на установление боевого единого фронта рабочих, и достигли в этом деле успеха.

Единый фронт снизу

Маневры правых лидеров «Революционных социалистов» против единого фронта потерпели провал благодаря воле к единству в их низовых организациях. Предложение компартии было с воодушевлением принято большинством доверенных лиц нелегального социалистического движения, которые не дожидались одобрения своего Центрального комитета. Они с радостью осуществляли единый фронт снизу, принимали участие в создании районных комитетов, которые называли себя «совместными комитетами действия», «надпартийными комитетами действия» или же «комитетами единства». В этих комитетах наряду с представителями обеих партий были представлены также шпцбунд, молодежные организации и зачастую «Красная помощь». «Там, где районные руководители, как, например, в IX венском районе, — пишет Буттингер, — отказывались принимать в этом участие, комитеты попадали под еще более сильное влияние коммунистов»¹.

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 165.

Стремление к единству было настолько сильным что ЦК «Революционных социалистов», несмотря на противодействие некоторых своих руководителей, вынужден был, наконец, решиться выступить за единый фронт в Австрии. В журнале «Революцион» (№ 2, начало июля 1934 г.) была высказана готовность к созданию «честного единого фронта» на основе «взаимного признания доброй воли в борьбе против фашизма и капитализма», «прекращения всех взаимных нападок» и «выступлений в защиту Советского Союза». «Революционные социалисты» заявили, что согласны на создание «совместных комитетов действий для подготовки и осуществления определенных задач». После этого представители двух Центральных комитетов встретились, и в середине июля 1934 г. было заключено первое соглашение о едином фронте¹. Реформистские силы в ЦК «Революционных социалистов» хотели отклонить это соглашение, но тогда, как писал Буттингер, компартия «в течение немногих дней благодаря своей эффективной кампании подняла всю венскую организацию против Центрального комитета»². Соглашение о едином фронте пришлось утвердить. Было впервые издано от имени обоих Центральных комитетов воззвание, призывающее к единой борьбе и совместной демонстрации в день 1 августа, который был объявлен Коммунистическим Интернационалом антивоенным днем. В этом воззвании, в частности, говорилось: «Мы ясно понимаем, что эта совместная акция в день

---

¹ Один из видных деятелей Коммунистической партии Австрии Фридль Фюрнберг сообщил в № 9 журнала «Вег унд Циль» (сентябрь 1973 г.) некоторые интересные подробности переговоров. «Эти беседы, — пишет Фюрнберг, — в качестве представителей компартии вели товарищ Хоннер и я. Уже после первых контактов было решено провести 1 августа 1934 г. совместную антивоенную акцию. Был подготовлен проект совместного воззвания, но он показался Оскару Поллаку, который тогда находился в руководстве «Революционных социалистов», слишком радикальным, слишком коммунистическим. Было высказано желание еще раз продискутировать воззвание, и Поллак лично пришел на это заседание. Товарищ Хоннер, очень темпераментный человек, вынужден был особенно сдерживаться, слушая зачастую нелепую аргументацию Поллака, возражавшего против текста, который был ранее согласован. Но Хоннеру удалось сдержать себя потому, что он знал: для установления единого фронта требуется много терпения» (стр. 336—337).

² Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 167.

1 августа является лишь началом. Мы должны укреплять этот боевой единый фронт. Помимо того, нужно создать единую революционную классовую партию австрийского пролетариата».

Насколько создание единого фронта отнюдь не отвечало намерениям многих правых социал-демократических функционеров, свидетельствует доклад активистов «Революционных социалистов» из Штейра, направленного в ЦК их партии. В нем говорилось: «Согласие на единство действий стало необходимым, поскольку имелась опасность, что коммунистическая партия привлечет к себе наши лучшие силы. А таким путем мы избавимся от противника и от конкуренции»¹.

Социал-демократические историки охотно признают, что согласие ЦК «Революционных социалистов» на установление единого фронта имело лишь одну цель — сохранить контроль над низовыми группами, желавшими подлинного единства действий с коммунистами. Так, Отто Лейхтер писал: «Одной из причин для этого было намерение ввести в организационно контролируемое русло несомненно имевшуюся тенденцию к сотрудничеству, которая проявлялась — сперва неорганизованно и слишком часто — в пользу коммунистической деятельности. Коммунисты старались, как обычно, установить *единый фронт снизу*, что было особенно опасно для такой еще только формировавшейся группы, как «Революционные социалисты»»². Лейхтер жалеет, что отказ от политики единого фронта, который будто бы соответствовал интересам «Революционных социалистов», «в то время в Вене еще не был возможен»³. Руководство «Революционных социалистов» особенно задевало то, что оно должно было признать «Автономный шуцбунд» в качестве надпартийной, самостоятельной единой организации. Дело в том, что оно хотело распустить «Автономный шуцбунд» и превратить его в подчиненную «Революционным социалистам» организацию. Позднее руководству партии отчасти удалось достичь этого путем создания «Ударных отрядов» или «Красных ударных бригад» из числа «Революционных социалистов».

---

¹ Walter Wisshaupt, *Wir kommen wieder!*, S. 58.

² Otto Leichter, *Zwischen zwei Diktaturen*, S. 178, 179.

³ *Ibid.*, S. 208.

*Маневры правых лидеров
«Революционных социалистов»*

Коммунистическая партия Австрии использовала любую возможность для укрепления единого фронта пролетариата. На следующий день после нацистского путча 25 июля 1934 г., когда Дольфус был убит и канцлером стал Шушниг, компартия предложила ЦК «Революционных социалистов» совместно выступить с призывом к всеобщей стачке, но натолкнулась на решительный отказ. Через неделю, 1 августа, на заседании совместного «Центрального комитета действия» было принято заявление против тенденций примирения с австрофашистским режимом, которые проявились 25 июля у части руководства «Революционных социалистов». Шудбунд был признан надпартийной единой организацией пролетариата.

Однако руководство «Революционных социалистов» ужесточило свой курс, направленный против единого фронта. В письме от 1 сентября 1934 г. оно отклонило приглашение провести объединительный партийный съезд, объявив, что считает себя «некомпетентным для этого», и начало раскалывать единые спортивные организации и организации помощи рабочим, основав Центральный комитет по спорту и организацию «Социалистическая рабочая помощь». Но компартия не дала себя этим им запугать. 5 сентября она заявила: «Несмотря на предпринятые вашей стороной попытки расколоть боевой фронт против фашизма и существующие революционные рабочие организации, мы подтверждаем нашу политическую платформу, направленную на объединение, и наше предложение провести объединительный съезд партии... Мы повторяем наше предложение «Революционным социалистам» избрать делегацию на VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала».

Так называемая венская конференция «Революционных социалистов» отклонила эти предложения, оценив их как «маневр», но высказалась за совместную борьбу против капитализма и фашизма при условии «временного соблюдения своей организационной самостоятельности». Такую же позицию заняла общеавстрийская конференция (31 декабря 1934 г. — 1 января 1935 г.), которая высказалась «за единство рабочего класса, к которому мы стре-

мимся путем честного боевого единства с коммунистической партией».

Поскольку коммунисты согласились на эту форму единства, удалось создать совместный комитет действия для проведения первой годовщины событий 12 февраля 1934 г.

Совместное воззвание Центральных комитетов Коммунистической партии Австрии и «Революционных социалистов» призывало рабочих почтить память героев февраля. «К первой годовщине февральских боев, — говорилось в воззвании, — мы объединились в рядах революционного единого фронта. Помня о наших мучениках, помня о героических боях шувбунда, испытывая чувство глубокой солидарности с нашими лучшими товарищами, томящимися в фашистских тюрьмах, мы отказались от пагубной вражды между братьями и установили единство действий, будучи убеждены в том, что фашизм может быть побежден только единым рабочим классом, принявшим решение начать революционные действия».

В воззвании далее говорилось: «Русская революция научила нас, что за Красным февралем может наступить Красный Октябрь. У нас также будет победоносно развеяться Красное знамя над освобожденной Красной Веной, знамя Красного Октября». Таким образом, годовщина февральских событий стала высшей точкой совместной борьбы.

По всей Австрии прошли в эту годовщину внушительные нелегальные манифестации единого фронта, была проведена совместная акция солидарности с заключенными в фашистских тюрьмах. На крупных предприятиях Вены прошли забастовки.

Вследствие предательства одного из функционеров «Революционных социалистов» полиции удалось арестовать 27 января 1935 г. «Центральный комитет действия». В руки полиции попали наряду с двумя членами ЦК «Революционных социалистов» Карлом Гансом Зайлером и Романом Феллайсом, убитым позднее нацистами, также два члена ЦК КПА — Франц Хоннер и Фридль Фюрнберг. Представителю шувбунда удалось уйти, переодевшись монтером. На следующий день была арестована большая часть нелегального аппарата «Революционных социалистов», после чего руководство организацией взяли в свои руки новые люди.

Арестованные социалисты и коммунисты более года находились под следствием, а судебный процесс все не начинался. Лишь в результате голодовки им удалось добиться назначения судебного разбирательства на 16 марта 1936 г. 25 функционеров «Революционных социалистов» и два коммуниста обвинялись в том, что они «совместно боролись против фашизма, за демократическую, социалистическую Австрию». А это квалифицировалось как государственная измена.

Процесс был задуман как расправа над нелегальным рабочим движением, однако обвиняемые превратили судебный зал в трибуну, с которой они обвиняли австрийский фашизм. Характерно было единодушное выступление всех обвиняемых за боевой единый фронт с коммунистами против фашизма (многие из этих людей позднее отрицали это). Молодой студент Бруно Крайский, теперешний канцлер Австрии, в своей защитительной речи сказал: «Мы не получили каких-либо инструкций для нашей защиты. Но, опытные марксисты, мы знаем сами, как нам следует защищаться. И если нас обвиняют в кровавом насилии, то нужно констатировать, что это насилие всегда применялось другой стороной. Мы и все другие пролетарские партии всегда отвергали методы путчей и отвергаем их сейчас. Что же касается переговоров с товарищами из коммунистической партии, то я о них ничего не знал, но не нашел бы в этом ничего крамольного. Напротив, я сошлюсь на пример Франции, где союз свободных партий, включая коммунистов... сформирует состав правительства».

Коммунист Хоннер заявил: «Мы, австрийские коммунисты, боремся в современную эпоху против фашизма, за свободу и права австрийского народа, за создание пролетарского единого фронта и широкого антифашистского народного фронта. Нелегальная деятельность рабочих организаций и их единство необходимы потому, что австрийский фашизм лишил рабочие организации всех свобод».

Фридль Фюрнберг обратился к самым широким слоям народа с призывом к борьбе против фашистской диктатуры. «Недовольство народа необычайно велико, — сказал

он. — Поэтому вполне возможно, если в Австрии в широком народном фронте объединятся безработный, который не может найти работу, крестьянин, у которого нет денег на семена, студент, после окончания учебы не имеющий никаких перспектив, ученый, который не может свободно высказать и защищать свои взгляды. Создать народный фронт — вот ближайшая совместная цель социалистов и коммунистов».

За границей этому процессу уделялось большое внимание. Возникло широкое движение солидарности с обвиняемыми — как внутри страны, так и за ее пределами. Письма с выражением протеста прислали, в частности, Ромен Роллан и Г. Уэллс. Все это вынудило правительство отказаться от обвинения подсудимых в государственной измене. Поэтому приговор был относительно мягким: 13 обвиняемых были оправданы, другие приговорены к тюремному заключению на срок от 6 недель до 20 месяцев. Оба коммуниста получили за «тайный сговор» дополнительно к предварительному заключению по 4 месяца тюрьмы. Однако после отбытия наказания их направили в концлагерь Вёллерсдорф, где сплоченный коммунистический коллектив, по решению ЦК КПА, помог Фюрнбергу и Хоннеру совершить летом 1936 г. побег.

Разрыв с коммунистами

Руководство «Революционными социалистами» взял на себя бывший районный секретарь социал-демократической партии в Санкт-Фейте-на-Глане (Каринтия) Иозеф Буттингер, принявший псевдоним Густав Рихтер. Он был ярким антикоммунистом, врагом Советского Союза и проводил в Центральном комитете своей партии линию, враждебную единому фронту.

В то время как коммунисты честно выступали за единый фронт и были поэтому готовы на большие уступки, новый Центральный комитет «Революционных социалистов», как с удовлетворением рассказывает в своей книге Буттингер, думал лишь о том, чтобы ликвидировать единый фронт с коммунистами.

Первый шаг в этом направлении был сделан в конце февраля 1935 г., когда руководство «Революционных социалистов» дало указание по вопросу о шугбунде. Оно

заявило, что в будущем «не будет признавать самостоятельного шувбунда и рассматривает «Автономный шувбунд» как коммунистическую организацию. Оно обращается к своим членам с требованием выйти из этой организации и вступить в создаваемые «ударные группы революционных социалистов»¹.

После этого объявления войны, в начале марта 1935 г., последовала отмена соглашения о едином фронте с коммунистами. В указаниях членам организации «Революционные социалисты» «отвергался шувбунд и организации единого фронта любого вида... Центральный комитет запрещал членам «Революционных социалистов» принимать участие на местах в переговорах о едином фронте. Старые комитеты единства повсеместно распались, а образование новых было поставлено в зависимость от заключения соглашения с коммунистической партией»².

О враждебной позиции ЦК «Революционных социалистов» свидетельствовал, как признает сам Буттингер, «уже один самоуверенный, иногда наглый и довольно часто враждебный тон, в котором ЦК вел дискуссии с коммунистической партией». Однако компартия не оставляла своих усилий, чтобы достичь соглашения о единстве действий не только с социалистическими организациями на местах, но и с центральным руководством «Революционных социалистов». Коммунисты ставили совместную борьбу рабочих выше мелких маневров, вызываемых соперничеством. В ответном письме «Революционным социалистам» коммунисты объявили, что выступают за «единый фронт непрерывного действия». Они высказали пожелание начать переговоры с центральным руководством. Лидерам «Революционных социалистов» не оставалось ничего другого, как принять, это предложение, хотя они и не отказались от своих маневров.

Компартия опубликовала в «Прессеинст» («Служба печати») № 9 указание членам КПА «не допускать ни в одном, буквально ни в одном случае, чтобы единый фронт сошел на нет или же был ликвидирован. Если же со стороны «Революционных социалистов» временами будет отмечаться известное сопротивление, то мы все равно

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 255.

² Ibid., S. 255.

не потеряем терпения... Для нас, рабочих-коммунистов, а также и для наших братьев-социалистов единый фронт является решающим, жизненно важным вопросом».

Восстановление профсоюзного единства

Коммунисты еще раз продемонстрировали готовность поставить на второй план свои партийные интересы ради боевого единого фронта, когда бывшие реформистские лидеры профсоюзов начали раскалывать нелегальные свободные профсоюзы. Первоначально только коммунисты выступали за нелегальное восстановление свободных профсоюзов и начали его осуществлять. Поддержанные «Революционными социалистами» и Отто Бауэром, старые профсоюзные лидеры были против восстановления профсоюзов. Отто Бауэр писал в «Арбайтер цайтунг»: «Мы сможем снова восстановить подлинные, независимые от государства и предпринимателей профсоюзы, основанные на самоуправлении рабочих и служащих, на свободном выборе функций, которые смогут представлять экономические и социальные интересы рабочих и служащих перед предпринимателями, но лишь тогда, когда в ходе революционной борьбы свергнем фашистскую диктатуру».

И. Коплениг ответил Отто Бауэру 24 мая 1934 г. в «Рундшау»: «За кажущейся левой фразой о «революционной борьбе» против диктатуры Дольфуса скрывается капитуляция социал-демократии в профсоюзном вопросе, ее отказ от борьбы против полного разгрома свободных профсоюзов, за продолжение их работы».

Когда при поддержке коммунистов нелегальное профсоюзное движение получило большой размах, старые профсоюзные лидеры приступили к созданию соперничающих организаций. При финансовой поддержке Международного объединения профсоюзов¹ они создали «Комитет семи», в который вошло по одному представителю от семи промышленных профсоюзов. Этот комитет регулярно собирался в одном из венских кафе, но не проводил ка-

---

¹ Имеется в виду реформистский Амстердамский интернационал профсоюзов. — *Прим. перев.*

кой-либо организаторской работы. «Лишь активная деятельность коммунистов» и комиссии по восстановлению профсоюзов, писал Буттингер, «которые имели особенно большие успехи в профсоюзах металлистов, служащих и трамвайщиков»¹, вынудили «Комитет семи» к большей активности. В середине 1934 г. комитет конституировался на конференции в Братиславе в качестве руководства «Нелегальных революционных свободных профсоюзов Австрии» и выдвинул претензию на единоличное представительство всего нелегального профсоюзного движения. Используя большие денежные средства, «Комитет семи» пытался задержать дальнейшее развертывание работы комиссии по восстановлению профсоюзов. При этом старые профсоюзные лидеры получали поддержку от Международного объединения профсоюзов, которое признало их в качестве единственного временного руководства свободными профсоюзами в Австрии.

В ответ на это коммунисты выдвинули требование установления профсоюзного единства, они настаивали на создании единой профсоюзной организации. Руководители «Комитета семи», поддерживаемые ЦК «Революционных социалистов», ответили на это требование упорным «нет». Но и они столкнулись с желанием нелегальных профсоюзных работников создать единую подпольную организацию. Комиссия по восстановлению профсоюзов обратилась в марте 1935 г. с письмом к Международному объединению профсоюзов, в котором просила о посредничестве при объединении австрийского профсоюзного движения.

Давление снизу было настолько сильным, что Международное объединение профсоюзов высказалось за немедленное слияние двух центральных профсоюзных органов, а отдельные профсоюзы начали переговоры об объединении. Особенно сильным было стремление к единству в профсоюзах служащих и металлистов. В конце марта 1935 г. объединились два нелегальных профсоюза рабочих деревообделочной промышленности. В конечном итоге настойчивость коммунистов победила. Начались переговоры, в ходе которых коммунисты еще раз продемонстрировали свою готовность пойти на соглашение. Наконец, в июле 1935 г. состоялось объединение центральных органов двух

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 207.

профсоюзов в единое общеавстрийское временное руководство свободными профсоюзами.

В ноябре 1936 г. состоялась нелегальная конференция объединенных свободных профсоюзов, в которой участвовал генеральный секретарь Международного объединения профсоюзов. «Центральный комитет «Революционных социалистов» воспринял создание единого общеавстрийского руководства нелегальными свободными профсоюзами... со смешанными чувствами, — писал Буттингер. — Оно не соответствовало намерениям ЦК»¹. Первой заботой ЦК была борьба против коммунистического влияния в профсоюзах. В этих целях ЦК «Революционных социалистов» объединился даже со старыми секретарями реформистских профсоюзов, хотя на словах он боролся против них. «Поддерживайте их против коммунистов, но пусть они уйдут, когда мы сами будем достаточно сильными, чтобы взять бразды правления», — таков был лозунг руководства «Революционных социалистов».

Между «Революционными социалистами» и коммунистами развернулся ожесточенный спор относительно правильной тактики нелегального профсоюзного движения. В первое время после февральских событий все рабочие организации пропагандировали бойкот «единого профсоюза»², и многие ему следовали. Однако со временем правительству и предпринимателям удалось путем совместного нажима вынудить целые категории рабочих вступить в правительственный профсоюз. За ними последовали рабочие, которые считали, что нельзя обойтись без защиты легального профсоюза, даже если им руководят фашисты. Эта защита была особенно необходима, поскольку предприниматели, как это констатировал даже служебный отчет фабричной инспекции за 1934 г., использовали поражение рабочих для широкого наступления на их социально-политические права. Поэтому «единый профсоюз» через год своего существования насчитывал около 200 000 членов, в 1936 г. — уже 353 000 и в середине 1937 г. — 400 000.

---

¹ Josef Buttinger, *Am Beispiel Österreichs*, S. 317.

² «Единый профсоюз» — официальные профсоюзы, созданные правительством Дольфуса. — *Прим. перев.*

Коммунисты не хотели оставить этих рабочих на произвол судьбы. Компартия требовала от своих членов и сторонников, чтобы они, не упуская ни на мгновение из виду нелегальную борьбу, работали в «едином профсоюзе», что дало бы им также возможность лучше разоблачать демагогию фашистов. В ноябре 1934 г. нелегальная «Роте фане» писала: «Теперь уже недостаточно противопоставлять фашистской диктатуре и ее учреждениям пассивный отпор. Мы должны делать больше. Сегодня речь идет о том, чтобы перейти от бойкота, от пассивного сопротивления к наступлению по всей линии».

В первую очередь коммунисты требовали, чтобы нелегальные профсоюзы перенесли центр тяжести своей работы в легальные организации. Главной заслугой компартии была та, что она провела тогда эту линию в жизнь. При этом коммунисты не питали никаких иллюзий насчет завоевания «единого профсоюза», в чем их упрекали «Революционные социалисты». Смысл лозунга компартии состоял в том, чтобы «обратить наглух социальную демагогию фашистов против них самих». «Революционные социалисты» еще довольно долго отказывались следовать этой коммунистической тактике и выступать за использование легальных возможностей.

«Революционные социалисты» упорно не соглашались с тактикой, предложенной компартией, и обвиняли ее в реформизме. Они выставили на первый взгляд радикальный лозунг — добиться сперва восстановления существовавших ранее профсоюзов и возвращения на свои посты прежних профсоюзных лидеров. Но, как уже зачастую бывало, такие «радикальные» лозунги прикрывали лишь реформистскую пассивность. Несмотря на сопротивление «Революционных социалистов» и их профсоюзных лидеров, на практике осуществлялась точка зрения коммунистов, которая практически была единственно правильной. Используя легальные возможности, компартии удалось организовать и возглавить выступления на предприятиях, причем не только за экономические, но и за политические требования. Так, в начале января 1936 г. рабочие завода «Фиат» во Флоридсдорфе потребовали повышения заработной платы на 15%. Дело дошло до «пассивного сопротивления» токарей и проведения во время рабочего дня двух манифестаций протеста, которые дли-

лись полчаса каждая. Наконец, 21 февраля на заводе «Фиат», а также на предприятии «Заурерверке» началась забастовка, которую удалось подавить лишь благодаря вмешательству полиции.

Наглядным примером правильности работы в легальных организациях явился большой успех нелегальных профсоюзов на выборах доверенных лиц, проходивших с октября по декабрь 1936 г. По официальным сообщениям, из 9000 избранных доверенных лиц примерно 4000 были выбраны вместо тех, кто был назначен ранее. Доверительный полицейский доклад о венских выборах откровенно признавал: «Как известно, красные получили при этом подавляющее большинство и их делегаты были избраны».

VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала

Возобновившиеся в середине апреля 1935 г. переговоры между «Революционными социалистами» и коммунистами шли очень медленно из-за тактики саботажа, применявшейся делегатами «Революционных социалистов». Тем не менее удалось договориться о совместных лозунгах к 1 Мая 1935 г. Дальнейшие переговоры начались в июне, причем им помогло ясное заявление генерального секретаря ЦК КПА И. Копленига, сделанное на общеевропейской конференции КПА в июне 1935 г. И. Коплениг опроверг клеветнические высказывания о том, будто коммунисты преследуют цель ослабить социалистические организации, и совершенно четко констатировал: «Коммунистическая партия не ведет конкурентной борьбы против «Революционных социалистов». После этого была достигнута договоренность об организации совместной недели борьбы за освобождение заключенных пролетариев. Эта неделя по взаимному согласию была проведена в июле.

Новый подъем движения единого фронта в Австрию вызвали решения VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося летом 1935 г. Опыт февральских боев сыграл большую роль при выработке «Революционными социалистами» своей дальнейшей линии, для их поворота к более активной политике

единого фронта. Выводы этого высшего форума коммунистов нанесли удар и по сомнениям в искренности коммунистических усилий, направленных на установление пролетарского единого фронта как в национальном, так и в международном масштабе. Пламенный призыв Коммунистического Интернационала к единству действий нашел восторженный отклик и в Австрии. Поэтому когда ЦК «Революционных социалистов» попытался в двух статьях отклонить предложение коммунистов, то он получил, как писал Буттингер, «неприятный сюрприз», поскольку члены партии резко протестовали против саботажа единого фронта. После короткого обмена письмами руководство «Революционных социалистов» было вынуждено в конце августа согласиться на переговоры.

От каждой организации было выделено по одному представителю, которые вели длительные дискуссии, встречаясь, как правило, раз в неделю. Эти переговоры длились до конца года и вследствие продолжавшейся тактики саботажа со стороны «Революционных социалистов» носили чрезвычайно затяжной характер.

Буттингер и его соратники прибегли тогда к новому маневру, рассчитанному на то, чтобы «одним ударом вывести партию из затруднений». В конце сентября 1935 г. они направили КПА документ: «Предложение «Революционных социалистов» о союзе с Коммунистической партией Австрии», причем заранее распространили по всей стране 20 000 экземпляров этого обращения. Предложение было сделано с расчетом, что коммунистическая партия отклонит его¹.

«Революционные социалисты» ссылались при этом на предложение VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала начать переговоры о создании единой партии. Но они поставили условием, чтобы эта партия в Австрии осталась вне рамок Коммунистического Интернационала. Но даже для осуществления этой скромной цели «Революционные социалисты» ставили условие, чтобы коммунисты уже теперь отказались проводить вербовку членов в свою собственную партию и дали рабочим свободно выбрать, вступать ли им в ту или другую из обеих рабочих партий. На этой основе предлагалось согласовать совместную программу сроком на один год,

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 299, 300, 303.

причем каждая партия должна была действовать независимо друг от друга, создание совместных комитетов отклонялось. Надпартийные единые массовые организации высмеивались как «игра в союзы».

Историки «Революционных социалистов» характеризуют это предложение как «искусный шахматный ход», с помощью которого имелось в виду «внести замешательство в ряды сторонников коммунистов». Но компартия не пошла на то, чтобы доставить удовольствие противникам единого фронта и прервать переговоры, напротив, она настояла на их продолжении.

В одной из статей, опубликованной в «Рундшау» 7 ноября 1935 г., по этому поводу говорилось: «Мы расцениваем предложение «Революционных социалистов» о союзе как подходящую базу для дальнейших переговоров... Нам кажется, в конечном итоге, что различия между нами и «Революционными социалистами» не столь глубоки, а препятствия к созданию революционно-марксистской единой партии в Австрии не являются непреодолимыми». В конце октября ЦК Коммунистической партии Австрии по-деловому и убедительно ответил на упреки «Революционных социалистов» в обстоятельном письме, подписанном И. Копленигом. В нем, в частности, говорилось: «Мы согласны на Ваше предложение о союзе на основе политической программы действий». Компартия, однако, заявила, что придает большее значение «непосредственной программе действий единого фронта», чем «программе будущего правительства после свержения фашистской диктатуры».

После четырехнедельных переговоров, которые были безуспешными из-за политики саботажа, проводимой Буттингером, компартия обратилась к Отто Бауэру, находившемуся в Брно, с просьбой использовать свое влияние в интересах установления единого фронта. Центральный комитет «Революционных социалистов», казалось, уступил и подписал в середине ноября 1935 г. «Совместное заявление о единстве действий», в котором в принципе положительно оценил идею единства и призвал в первую очередь к единству в профсоюзах. Однако «Революционные социалисты», как признает Буттингер, подписав этот документ, хотели лишь «обеспечить необходимое прикрытие для дальнейших переговоров по меньшей мере на несколько месяцев».

Хотя компартия считала это заявление недостаточным, она все же надеялась, что совместная борьба рабочих вынудит руководство «Революционных социалистов» к дальнейшим шагам в направлении единства действий. Но ЦК «Революционных социалистов» думал по-иному, исходя лишь из своих мелких партийных интересов. Один из историков «Революционных социалистов» пишет по этому поводу: «Этим заявлением «Революционные социалисты» достигли того, чего хотели. Они выступили тем самым против стремления компартии к объединению и показали *общественности* в целях успокоения фанатиков единства, свою готовность к переговорам»¹. Поистине, достойное сожаления свидетельство!

Последующие переговоры, продолжавшиеся четыре недели, результатов не дали. Руководство «Революционных социалистов» отклонило в 1935 г. акцию «зимняя помощь» совместно с организацией «Роте хильфе» и провело эту кампанию сепаратно, с участием своей организации «Социалистическая рабочая помощь».

В середине января 1936 г. компартия разработала новый проект соглашения, в котором предлагалось использовать легальные возможности, особенно работу в «едином профсоюзе». Руководство «Революционных социалистов» отклонило «без обиняков» это предложение. Однако под давлением кампании в пользу единого фронта, проводившейся коммунистами, в январе 1936 г. удалось издать совместное воззвание Коммунистической партии Австрии, ЦК «Революционных социалистов» и нелегального профсоюзного руководства по случаю годовщины 12 февраля. Совместно было распространено большое количество листовок. На одних предприятиях прошли забастовки в знак памяти о февральских событиях, на других — собрания после окончания работы.

Продолжавшиеся в течение года переговоры между «Революционными социалистами» и компартией об установлении единого фронта в марте 1936 г. наконец закончились. Благодаря уступчивости коммунистов переговоры увенчались подписанием соглашения о единстве действий. Готовность коммунистов к компромиссам была настолько велика, что Отто Бауэр назвал это соглашение «стопроцентной победой (социал-демократической) партии».

---

¹ Walter Wisshaupt, Wir kommen wieder!, S. 140.

Даннеберг видел в этом документе даже «фiasco коммунистов», а лидеры «Революционных социалистов» охарактеризовали соглашение как «действительно безвредный документ». Свободная от мелких партийно-эгоистических интересов, Коммунистическая партия Австрии считала, что это соглашение, несмотря на всю его недостаточную последовательность, может все же быть основой для дальнейших совместных действий. Об этом договоре было торжественно объявлено к 1 Мая 1936 г. Компартия Австрии заявила по этому поводу: «Соглашение между «Революционными социалистами» и компартией представляет собой значительное сближение обеих партий по существенным вопросам актуальной рабочей политики»¹.

Компартия надеялась, что соглашение о едином фронте явится также первым шагом к созданию широкого народного фронта в борьбе за независимость Австрии. В то время жизненно важным вопросом для австрийского рабочего класса стала борьба против аннексионистских устремлений гитлеровской Германии. В июле 1936 г. эта борьба стала более активной.

Коммунисты в борьбе за независимость Австрии

Разгромив рабочих, австрийский фашизм открыл путь для нацистов. Уничтожение демократии ослабило сопротивление гитлеровскому фашизму. Разгром рабочих организаций загнал в подполье рабочий класс — наиболее мощную силу в борьбе за независимость Австрии.

Коммунистическая партия Австрии с самого начала боролась против аншлюса к империалистической Германии. После захвата Гитлером власти социал-демократическая партия на своем последнем съезде вычеркнула из программы (на период господства нацистов) требование об аншлюсе, которое причинило уже немало вреда, но не отказалась от своих великогерманских взглядов.

После трагедии февральских боев нацисты полагали, что их заигрывание с рабочим классом может принести успех. Надеясь найти опору среди рабочих, желавших отомстить австрийским фашистам, нацисты организовали

---

¹ «Rundschau», 1936, № 16.

25 июля 1934 г. в Вене путч, чтобы сместить правительство Дольфуса и сделать канцлером Ринтеленa, который осуществил бы аншлюс к Германии. Дольфус был схвачен нацистами и убит, но путч провалился. Он потерпел неудачу главным образом потому, что рабочие и большинство австрийского народа решительно отказались его поддержать, не желая сменить диктатуру австрийского фашизма на еще более тяжелую диктатуру национал-социалистов.

Гитлеровские путчисты потерпели поражение также потому, что Германия не оказала им военной поддержки, на которую они рассчитывали. Дело в том, что Муссолини, который вел тогда острую борьбу против гитлеровских аннексионистских устремлений, послал войска к границе Австрии, на Бреннерский перевал. Но Гитлер в 1934 г. еще не мог развязать войну.

Однако нацистский путч показал, насколько серьезной была опасность аннексии Австрии гитлеровской Германией. XII съезд Коммунистической партии Австрии сигнализировал об этой опасности, заявив: «Гитлеровская Германия, несмотря на неудачу июльского путча, не откажется от планов аншлюса и будет продолжать военные провокации и провокации, рассчитанные на гражданскую войну». Компартия предупреждала, что нельзя полагаться на Муссолини или на преемника Дольфуса — канцлера Шушнига. Лишь австрийский рабочий класс мог своей борьбой отстоять независимость страны. Действительно, после подавления нацистского путча начались переговоры между Шушнигом и Францем фон Папеном, назначенным Гитлером послом в Австрию. В ходе этих переговоров был подготовлен пакт, подписанный 11 июля 1936 г. в Берхтесгадене между Гитлером и Шушнигом.

Коммунисты прекрасно видели огромную опасность, грозящую независимости Австрии и тем самым рабочему классу. Они знали, что аннексия Австрии империалистической Германией приведет к усилению террора против рабочих, отбросит их еще больше назад и необычайно затруднит борьбу за восстановление демократических прав. Исходя из того, что «Гитлер — это война», компартия показывала опасность вовлечения Австрии после аннексии в войну, подготавливаемую гитлеровской Германией. Поэтому Коммунистическая партия Австрии видела свою решающую задачу в защите независимости страны.

Состоявшийся летом 1935 г. VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала оказал большую помощь коммунистам Австрии при выработке ими ясной политической линии. Конгресс обратил внимание коммунистов на необходимость больше, чем прежде, уделять внимания национальным проблемам своих стран. Исходя из этой линии, генеральный секретарь ЦК КПА И. Коплениг заявил на общеавстрийской конференции Коммунистической партии Австрии в августе 1937 г.: «В результате прихода гитлеровского фашизма к власти борьба за независимость Австрии стала не только решающим вопросом для судьбы австрийского народа, но и важным фактором в борьбе за мир и прогресс в Европе... Это означает, что наша задача состоит в том, чтобы дать демократическое содержание и прогрессивную перспективу воле народа к независимости. Это означает, что австрийский рабочий класс и прогрессивные силы должны теснейшим образом сочетать борьбу за подлинно независимую Австрию с борьбой за свободу и демократическое самоопределение народа. Это означает, что мы должны направить острие борьбы против гитлеровского фашизма, против его агентов и непосредственных союзников в Австрии, а также против тех, кто пытается использовать в реакционных целях волю народа к независимости, против авторитарного режима диктатуры, подчиняющего интересы страны и народа империалистическим интересам германского и итальянского фашизма. Тем самым мы служим подлинным интересам австрийского народа, а также делу мира и прогресса в Европе».

За австрийскую нацию

В первую очередь нужно было ясно показать, что при аншлюсе речь шла не о воссоединении немецкой нации, а об аннексии со стороны империалистической Германии, об уничтожении национальной самостоятельности Австрии. В то время еще шел процесс формирования самостоятельной австрийской нации, более сильно стали проявляться национальные особенности и своеобразие австрийского народа. Поэтому в сопротивлении аншлюсу элементы демократической борьбы против фашизма и за сохранение мира сочетались с национальной борьбой за независимость страны.

Коммунисты были первыми и единственными, кто, исходя из научных принципов марксизма, поставил вопрос о возникновении и существовании самостоятельной австрийской нации и дал на него положительный ответ. Значительным вкладом в выяснение этого вопроса были статьи члена ЦК КПА Альфреда Клара (позднее убитого гитлеровскими фашистами) в теоретическом органе партии журнале «Вег унд Циль», созданном в 1936 г. В наши дни даже буржуазные историки признают, что без проведения черты раздела между австрийской и немецкой нациями были бы иллюзорными все усилия сохранить чисто географическо-политическую линию между Австрией и Германией.

Для мнимой объективности австрийских историков характерно их нежелание признать, что именно коммунисты первыми подтвердили существование австрийской нации. Точно так же они «не замечают» борьбы нелегальных рабочих организаций с 1934 по 1938 г. против диктатуры австрийских фашистов.

Коммунистическая партия была единственной партией, которая не только совершенно открыто и четко выступила за самостоятельность Австрии, но и подтвердила развитие собственной австрийской нации. «Революционные социалисты» и их ментор Отто Бауэр восприняли эти положения, высказанные компартией, как плод фантазии. Они настаивали на тезисе, что австрийцы являются частью немецкого народа, и выступали против аншлюса лишь из соображений целесообразности, только на определенный период времени.

Отто Лейхтер и другие теоретики «Революционных социалистов» вели резкую полемику против этих выводов коммунистов. Один из руководителей «Революционных социалистов», Карл Ганс Зайлер, клеветнически изображал эту борьбу компартии как... агентурную деятельность. И это он делал уже после аннексии Австрии, когда во время второй мировой войны идея австрийской нации завоевывала все большее число сторонников. В 1942 г. Зайлер, находясь в Нью-Йорке, писал: «Не может быть никакого сомнения в том, что Австрия является немецкой землей. Любая попытка увеличить различия между австрийцами и другими немцами и даже попытка говорить об «австрийской нации» представляет собой грязную работу агентов».

Подобным же образом выступали против австрийского национального сознания австрийские фашисты. Они пропагандировали «немецкую миссию Австрии», что могло лишь ослабить волю населения к отпору аншлюсу.

Великогерманская идеология австрийских фашистов

Австрийские фашисты полагали, что смогут лучше всего противодействовать аннексионистским устремлениям гитлеровской Германии, если будут подражать ее политике и превосходить национал-социалистов своим подчеркиванием «немецкой миссии Австрии». Характерными для таких умонастроений являются заявления Шушнига, который отмечал: «Я всегда намеренно и подчеркнуто говорил о задачах общегерманского мышления и общегерманского духа, об общегерманской культурной связи».

В преамбуле соглашения, подписанного 11 июля 1936 г. между Австрией и Германией, подчеркивалась «принадлежность обоих государств к германскому культурному кругу». В виде исключения можно согласиться с католическим публицистом Эрнстом Винтером, другом Дольфуса, который в письме к Муссолини 4 мая 1933 г. отметил, что австрийский фашизм был «отделен от стопроцентного национал-социализма лишь очень тонкой стенкой и, повинаясь внутренней необходимости, совершал идейный аншлюс»¹. В остальном же австрийские фашисты возлагали надежды на то, что Муссолини поддержит их в борьбе против аннексионистских планов германского империализма.

Вскоре, однако, стало ясным, сколь слабыми были основания для этих надежд. Достаточно было Италии столкнуться с трудностями во время ее колониальной войны против Эфиопии, когда только Гитлер оказывал ей помощь, чтобы Муссолини полностью изменил свою позицию. Гитлер и Муссолини совместно задушили национально-демократическую освободительную борьбу испанского народа. После этого Муссолини прекратил свое сопротивление гитлеровской аннексии Австрии.

---

¹ «Wiener Politische Blätter», 23.XII.1934 (конфискована Дольфусом!).

Уже в марте 1936 г. Муссолини во время визита Шушнига в Рим обратил его внимание на определенные изменения в отношениях между Римом и Берлином и рекомендовал ему «сделать шаг к внутреннему умиротворению». Война в Абиссинии вынудила Италию прекратить оказание финансовой помощи хеймверу. Следствием этого было удаление хеймверовских министров из кабинета Шушнига и роспуск хеймвера.

Однако фашистский курс внутренней политики Шушнига не изменился. По-прежнему в Австрии не было никаких свобод для рабочего движения. Но опасность для независимости Австрии росла с каждым днем. Даже когда австрийский и итальянский генеральные штабы договорились, что итальянские офицеры в штатском изучат состояние дорог в пограничных областях с тем, чтобы итальянская армия могла в случае необходимости быстро вмешаться, то Муссолини и заместитель начальника итальянского генерального штаба запросили австрийский генеральный штаб, «что он думает о военном сотрудничестве Италии и Германии».

Чем слабее становилось сопротивление Муссолини, тем больше старались австрийские фашисты сблизиться с австрийскими нацистами. Так, например, Штаремберг вел переговоры в Венгрии (в Гьёре) с легальным нацистским представителем Зейсс-Инквартом насчет основания «национального фронта» в целях усиления авторитарного, тоталитарного режима в Австрии. В то же время Шушниг по собственной инициативе начал важные переговоры о заключении соглашения с гитлеровской Германией, которые привели к подписанию пакта от 11 июля 1936 г. В этом документе Австрия была признана «вторым германским государством», однако на нее было возложено обязательство согласовывать свою внешнюю политику с гитлеровской Германией. Хотя австрийские фашисты изображали этот пакт как признание независимости Австрии, в действительности он был трамплином для дальнейшей агрессии гитлеровской Германии.

Это соглашение нашло одобрение Муссолини, который надеялся теперь обеспечить интересы Италии в Центральной Европе на основе дружбы с Германией. Но Гитлер стремился к большему. В январе 1937 г. Геринг посетил Рим, где обсуждался вопрос о совместной поддержке Франко в Испании. При этом он признал, что гитлеров-

ская Германия намерена осуществить аншлюс Австрии. Муссолини сперва ушел от ответа, но заявил, что Италия в случае внутреннего конфликта в Австрии не будет больше играть роль «стражи на Бреннере», направленной против Германии.

Италия дала ясно понять, что она больше не заинтересована в существовании Австрии в качестве буферного государства. В январе 1938 г. итальянский министр иностранных дел, находясь на конференции в Будапеште, отказался сделать заявление в пользу независимости Австрии. Наконец, в марте 1938 г. Муссолини дал свое недвусмысленное согласие на аннексию Австрии, за что Гитлер поклялся быть ему вечно благодарным.

За народный фронт в Австрии

Поскольку независимость Австрии была национальным делом, то австрийский рабочий класс старался вовлечь в борьбу непролетарские слои народа. Речь шла о том, чтобы превратить эти слои, среди которых нацисты в первую очередь искали себе приверженцев, в союзника рабочего класса в борьбе за австрийскую независимость.

После VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала компартия связала свою борьбу за восстановление демократических прав рабочего класса с лозунгом установления народного фронта с целью создания демократической республики. Не отказываясь от своей конечной цели — установления диктатуры пролетариата, Коммунистический Интернационал провозгласил, что необходимо сперва свергнуть диктатуру фашизма и восстановить демократию. В каждой стране компартия выступала против фашистского закабаления народа, в защиту демократии, за сплочение всех демократических народных сил в борьбе против фашизма — врага свободы и мира.

Но эти лозунги, провозглашенные КПА, натолкнулись на ожесточенное сопротивление руководства «Революционных социалистов», осудившее их как реформистские. «Революционные социалисты», которые раньше полностью придерживались чисто парламентских методов, отвергали теперь борьбу за демократические требования, считая ее реформистской. Они отклонили призыв к созданию демократической республики и настаивали на

псевдорадикальном лозунге замены фашистского режима непосредственно диктатурой пролетариата. В действительности же этот лозунг обрекал партию на пассивность. В противовес этому коммунисты заявили, что в борьбе за демократию и национальную независимость можно будет завоевать непролетарские слои в качестве союзника рабочего класса. Коммунисты показывали, что фашизм можно преодолеть, придерживаясь основ демократии, если против него будут бороться, а не капитулировать.

Коммунисты поставили в центр внимания борьбу за права и свободы трудящихся. Они показывали, что эта борьба является продолжением февральских боев, но другими средствами, в других условиях.

Поэтому компартия сконцентрировала свои силы на создании широкого народного фронта, в котором наряду с коммунистами и социалистами должны были сотрудничать и другие группы, выступающие за подлинную независимость страны, в первую очередь крестьяне и католики. Коммунисты требовали, чтобы крестьяне и рабочие, социалисты и католики объединились и защищали австрийский народ против всех его врагов, против Гитлера и его союзников в Австрии.

Иначе думали «Революционные социалисты». Их лидер Буттингер написал даже брошюру против «сомнительных методов коммунистической пропаганды среди католиков».

Руководство «Революционных социалистов» отклоняло союз со средними слоями, требовало, чтобы они подчинялись их программе. Такая сектантская позиция «Революционных социалистов» наносила вред борьбе за независимость Австрии. А эта борьба была тогда самой важной предпосылкой для активизации рабочего движения. Коммунисты выдвинули лозунг народного фронта, направленного против национал-социалистов. Они писали, что «пакт от 11 июля весьма обострил оппозиционные настроения, которые достигли рядов сторонников правительства».

Через две недели после заключения пакта от 11 июля Коммунистическая партия Австрии направила ЦК «Революционных социалистов» воззвание о создании народного фронта против национал-социалистов. КПА выдвинула лозунг борьбы за демократическую республику. Но «Революционные социалисты» настаивали на своей демагогической позиции и отклонили это предложение под предло-

гом, что *сперва* нужно завоевать «свободу для всех организаций трудового народа». «Революционные социалисты» обвиняли коммунистов в том, будто они проводят в отношении Шушнига ту же политику сотрудничества, которую социал-демократы проводили в отношении Дольфуса до 1934 г., хотя коммунисты никогда и нигде не строили иллюзий насчет роли Шушнига. Напротив, они указывали на яростный антикоммунизм и антисоветизм, на борьбу против марксистского рабочего движения, которые объединяли как германских, так и австрийских фашистов.

Позорным несмываемым пятном лежит на австрийских фашистах их сотрудничество с германскими нацистами в борьбе против нелегального коммунистического и социалистического движения. Об этом, например, сообщал управляющий делами германского министерства иностранных дел Вейцеккер своему министру после 11 июля: «Я договорился со статс-секретарем Шмидтом, что в соответствующее время немецкий уполномоченный сможет поговорить в Вене с тамошними полицейскими инстанциями на тему о том, каким образом было бы целесообразно в будущем решать вопросы взаимной информации о переходе границы коммунистами и другие аналогичные проблемы, касающиеся борьбы против коммунистов».

Руководство «Революционных социалистов» назвало предложение коммунистов «извращением народного фронта». Оно ссылалось при этом на то, что в Австрии обстановка другая, чем в Испании и Франции, где были заключены соглашения о народном фронте. Кроме того, в Австрии якобы не имелось буржуазных сил, способных заключить союз, который можно было бы всерьез принимать в расчет. «Революционные социалисты» вообще сомневались в возможности создания народного фронта и утверждали, будто «мобилизации средних слоев на антифашистскую борьбу не произойдет». Они отрицали также возможность «побудить рабочих-католиков выступить на серьезную борьбу».

Вопрос о народном фронте стал главным пунктом разногласий между «Революционными социалистами» и коммунистами, когда были продолжены переговоры о претворении в жизнь соглашения о единстве действий, заключенного в марте 1936 г. Эти переговоры были очень

длительными, и когда 20 ноября 1936 г. удалось, наконец, опубликовать совместное заявление, то по этому вопросу остались самые большие разногласия. В остальном же обе партии снова подтвердили свое желание установить связи, которые были предусмотрены в документе, подписанном в марте 1936 г.

По этому вопросу было, наконец, достигнуто соглашение, опубликованное в январе 1937 г. Выбранная форма связи предусматривала сотрудничество одного представителя КПА и одного от «Революционных социалистов» в каждой земле и в Вене, а также в органах обеих партий, занимавшихся работой в легальных организациях. Подобные же связи планировались также на предприятиях, в первую очередь на наиболее важных заводах и фабриках в Вене. Было достигнуто далее единство мнений относительно профсоюзных вопросов и поддержки освободительной борьбы в Испании. По случаю третьей годовщины февральских боев было выпущено совместное воззвание. Однако противоречия по вопросу о народном фронте остались.

ЦК «Революционных социалистов» подтвердил на партийной конференции в октябре 1937 г. свою отрицательную позицию по отношению к «бессмысленным предложениям заключить союз» против Гитлера. Конференция обвинила компартию в том, что она, «бывшая до сих пор в глазах масс самой революционной партией... больше не верит в эффективность революционных лозунгов». Это было весьма ловким извращением коммунистической политики, которая обеспечивала возможность путем развертывания борьбы за решение самой актуальной, жгучей проблемы подвести массы к вопросам революции. А такой проблемой была в то время защита независимости Австрии от гитлеровского фашизма.

*Профсоюзы выступают
за народное правительство*

Большее понимание этой проблемы проявили нелегальные профсоюзы, которые, по предложению компартии, развернули через «единый профсоюз» широкую кампанию в защиту Австрии. После июльского соглашения 1936 г. общеавстрийское руководство свободных профсою-

зов приняло в августе решение по поводу «нового этапа развития». В этом документе говорилось: «С внешнеполитической точки зрения достигнутое по требованию Муссолини соглашение означает возникновение фашистского блока Рим — Вена — Берлин — Будапешт — Варшава и тем самым вовлечение Австрии в фронт фашистских держав, которые непрестанно грозят нарушить мир в Европе... В области внутренней политики этот пакт дает новые шансы нацистам и означает дальнейшее обострение внутренних противоречий».

В решении осуждалась также усилившаяся пропаганда за реставрацию Габсбургской монархии и выдвигалось требование привлекать к борьбе против национал-социализма лиц из числа рабочих-католиков и средних слоев. В заключение профсоюзы выдвинули требование борьбы за образование «народного правительства». В решении говорилось: «Нашей целью было и будет: свободный народ в подлинно свободной и независимой Австрии!

Единственным путем к этой цели является создание антифашистского народного правительства, объединяющего все прогрессивные народные силы, которые отклоняют фашизм любого рода. Это народное правительство поддержит требования широких народных масс рабочих и служащих, мелких крестьян, арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, которые больше всего пострадали от фашизма в экономическом отношении, ремесленников и представителей интеллигенции, осуществит культурный и социальный подъем народа, установит режим, который возвратит австрийскому народу его свободу и сокрушит фашизм всех оттенков, являющийся злейшим врагом свободы»¹.

В директивах о дальнейших действиях содержалось требование развернуть борьбу за средние слои. В них говорилось: «Рабочий класс сможет развить необходимую в борьбе активность и оказать сильное воздействие на средние слои лишь в том случае, если он будет вести эту борьбу, по возможности сплотив свои силы».

Профсоюзы приняли также тезис коммунистов о необходимости использовать любую возможность «в рамках единого профсоюза и вне его» для борьбы за требования

---

¹ Otto Leichter, Österreichs Freie Gewerkschaften im Untergrund, Wien, 1963, S. 99.

рабочих. Тем не менее разногласия между коммунистами и «Революционными социалистами» оставались. Последние расценили лозунг компартии — действовать всюду, где имеются организованные рабочие, — «как преувеличение и общее место» и хотели проводить эту тактику только в отдельных, специально избранных организациях.

Успехи профсоюзного движения

Благодаря пропагандировавшемуся коммунистами принципу использования легальных возможностей нелегальные свободные профсоюзы достигли значительных успехов, причем не только на выборах доверенных лиц на предприятиях, о которых уже упоминалось. В связи с манифестацией, организованной правительством 18 октября 1936 г. в Вене, свободные профсоюзы направили Шушнигу письмо, в котором они критиковали антисоциальную, реакционную и авторитарную политику режима. Свободные профсоюзы констатировали, что они по-прежнему будут выступать за «осуществление полных прав рабочих, за свободу совести, выступлений и объединений». Шушниг ответил на это письмо, хотя и косвенным образом.

Значительным успехом работы в «едином профсоюзе» была также акция, направленная против выступления нацистов, которые призывали к примирению с «третьим рейхом». Когда назначенный председатель профсоюза металлистов хеймверовец Теодор Цнидарек высказался за предложение нацистов, он под давлением снизу через несколько месяцев был вынужден уйти.

Успехи профсоюзного движения вынудили Шушнига прибегнуть к новому маневру. Он пригласил представителей «единого профсоюза» вместе с руководителями старых свободных профсоюзов, причем прежний лидер социал-демократической партии Реннер участвовал в подготовке этой встречи. В ходе ее бывшим социал-демократическим лидерам профсоюзов был предложен ряд оплачиваемых постов в «едином профсоюзе». Однако коммунистическая партия разоблачила этот маневр и мобилизовала рабочих. Руководство свободными профсоюзами приняло решение считать перебежчиком каждого, кто

примет оплачиваемый пост в «едином профсоюзе». Тем самым из этого дела ничего не вышло.

Наглядным примером успешной работы в «едином профсоюзе» была передача канцлеру первого легального меморандума от доверенных лиц на предприятиях, в котором они выступили за свободную Австрию и установление рабочего самоуправления.

Это было первым легальным широким выступлением рабочих в условиях диктатуры австрийского фашизма, организованным нелегальными свободными профсоюзами. Меморандум был подготовлен в конце апреля 1937 г. комитетом представителей рабочих, в который входили легальные доверенные лица с предприятий. Его подписали около 100 000 рабочих и служащих с 250 предприятий. Меморандум был передан канцлеру избранной делегацией, состоявшей из 12 человек. В нем, в частности, говорилось: «Борьба за сохранение свободной, самостоятельной и независимой Австрии вступила в решающую стадию. Грозящие Австрии опасности значительно возросли.

Но независимость Австрии не может в течение длительного времени обеспечиваться внешнеполитическими гарантиями и меньше всего внешнеполитической ориентацией, которая в конечном итоге подчинит Австрию интересам фашистских держав. Яснее, чем когда-либо, вырисовывается необходимость создать в самой стране предпосылки для того, чтобы большинство австрийского народа сплотилось, исполненное благородным желанием защищать свободу и независимость своей родины всеми средствами против любого агрессора.

Но для этого сейчас нет организационных и политических предпосылок. Лишь те организации, в которых рабочие действительно являются свободными и независимыми, могут сами определять свою судьбу, свободно высказывать мнение и пропагандировать свои взгляды, могут избирать своих доверенных лиц и контролировать их, лишь эти организации смогут вести эффективную активную борьбу против национал-социализма, который сейчас сильнее всего угрожает свободе и независимости Австрии... Но рабочие и служащие могут лишь в том случае эффективно вступить в ряды защитников Австрии, если им будут обеспечены полные права во всех экономических и культурных организациях... Рабочие и служащие будут готовы с еще большей решимостью защищать

свободу Австрии, если тем самым они смогут отстаивать также свою свободу и человеческое достоинство, свое право на решение социальных и политических вопросов, свои социальные достижения...»

Меморандум оканчивался требованием полного «восстановления прав рабочих и служащих в их исконных организациях, т. е. профсоюзах. Под этим мы понимаем в первую очередь их независимость от предпринимателей и правительства, свободное избрание всех профсоюзных органов, вплоть до руководства, свободное выдвижение кандидатов и возможность проведения предвыборной агитации...»

Канцлер отказался принять делегацию, но эти требования ему были переданы письменно. Авторы меморандума, люди, которые его передали, подверглись репрессиям, но это уже не могло остановить движения. Легально работающие доверенные лица не получили ответа. Через два месяца Шушниг реагировал на это послание, написанное в мае 1937 г., тем, что дал указание «единому профсоюзу» заниматься только экономическими вопросами, но отнюдь не политическими.

Рабочие и Берхтесгаденское соглашение

Коммунисты решительно выступили против великогерманской пропаганды, которую проводили как нацисты, так и австрийские фашисты. «Роте фане» писала в середине февраля 1937 г.: «Покончить с болтовней о втором немецком государстве. Мы — австрийцы и хотим самостоятельную в государственном и национальном отношении, независимую и свободную Австрию... Рабочие, служащие, крестьяне, ремесленники, католики, австрийский народ! В решающий для вас и судьбы Австрии час прислушайтесь к призыву начать совместную борьбу за права и свободу народа, который является единственным, подлинно эффективным защитником против всех покушений на нашу страну!»

Общеавстрийская конференция КПА в августе 1937 г. поставила перед партией задачу «подчинить всю деятельность борьбе против опасности со стороны германского фашизма». Коммунисты должны встать во главе национально-освободительной борьбы, выступать за широкий

народный фронт, способствовать «сплочению всех австрийцев, выступающих против Гитлера».

Правильность коммунистической политики народного фронта наглядно подтвердилась в февральские и мартовские дни 1938 г., когда Гитлер начал осуществлять свои давно готовившиеся планы захвата Австрии. После целой серии террористических актов и провокаций, совершенных австрийскими нацистами, Гитлер вызвал 12 февраля 1938 г. канцлера Шушнига к себе в Берхтесгаден. Там, под угрозой применения военных мер против Австрии, он навязал Шушнигу второе соглашение, которое должно было изобразить аншлюс к Германии как добровольный акт Австрии. Шушниг полностью капитулировал. Нацистов приняли в «Отечественный фронт», а их доверенное лицо, Зейсс-Инкварт, был назначен министром внутренних дел. Условия соглашения были столь возмутительными, что Шушниг не решился их сразу опубликовать. Они стали известными лишь через несколько дней, когда правительство начало их выполнять, причем даже тогда они публиковались по частям.

Коммунисты своевременно предупреждали об опасности. Еще до поездки Шушнига в Берхтесгаден Копленг писал: «Июльский пакт все более наглядно раскрывает себя как путь, который должен привести Австрию к полной капитуляции перед гитлеровским фашизмом...»¹

После того как соглашения в Берхтесгадене стали известными, Коммунистическая партия Австрии обратилась к рабочим, крестьянам и всему австрийскому народу со страстным призывом, который начинался следующими словами: «Австрия находится в величайшей опасности. Речь идет о ее судьбе, о независимости нашей страны». Компартия призывала народ к единодушной борьбе. «Присоединению Австрии к Германии можно воспрепятствовать, можно эффективно отстоять австрийскую независимость, если все австрийцы, выступающие за независимость страны, объединят свои силы... Объединимся в прочный фронт борьбы за независимость и свободу!.. За демократическое взаимопонимание и единство народа! За создание народного фронта! Да здравствует борьба за свободную, демократическую и независимую Австрию!»²

---

¹ «Rundschau», 1938, № 4.

² Ibid., № 9.

Одновременно коммунисты выдвигали требование восстановления демократических прав. Газета «Роте фане» в конце февраля 1938 г. по этому поводу писала, что единый фронт австрийцев «может быть создан не авторитарным путем, а лишь *посредством демократического взаимопонимания*, путем осуществления демократического волеизъявления народа и гарантирования *полного политического равноправия рабочим*».

По мере того как яснее становилась грозящая опасность, австрийское население охватывало сильное возбуждение. Рабочий класс высказался совершенно недвусмысленно. Он организовал невиданное до этого широкое народное движение за независимость Австрии. Уже 14 февраля несколько доверенных лиц с предприятий обратились к руководству «единого профсоюза» и сообщили, что среди рабочих господствует беспокойство и они готовы предпринять некоторые шаги. Когда же 16 февраля стало известно о реорганизации правительства и о том, что министром внутренних дел стал Зейсс-Инкварт, то рабочих охватила глубокая тревога. Даже газета «Эстеррайхише арбайтер пайтунг» принадлежавшая лидеру рабочих, входивших в Христианско-социальную партию, Леопольду Куншаку, в номере от 19 февраля 1938 г. выразила в осторожной форме оппозиционные настроения.

Речь Гитлера по радио 20 февраля 1938 г., передававшаяся также по австрийскому радио, не оставила сомнения, что он придает лишь формальное значение признанию австрийской независимости. Теперь голос австрийских рабочих звучал еще громче. Но для того, чтобы быть в состоянии защищать Австрию, они требовали восстановления демократических прав. Рабочее движение фактически преодолело рамки нелегальности. На предприятиях, на собраниях «единого профсоюза» социалисты и коммунисты выступали совершенно открыто.

*Комитет представителей рабочих
создается вновь*

Через несколько дней после визита в Берхтесгаден образовался, как и в 1937 г., комитет представителей рабочих, состоявший из доверенных лиц важных крупных предприятий. Председателем комитета стал коммунист,

рабочий-металлист Алоис Кёлер, а представителем нелегального профсоюза служащих — Фридрих Хиллегайтс, который в то время не был членом партии «Революционные социалисты» и поддерживал тесную связь с коммунистами. Этот комитет обратился 19 февраля к руководству «единого профсоюза» и сообщил его председателю, что на конференциях, которые были запланированы профсоюзом на 20 и 21 февраля, будет предложена резолюция, где говорится: «Доверенные лица австрийского рабочего класса выражают свою страстную волю выступить за свободу Австрии, за ее независимость и достоинство. Австрийские рабочие стоят за мир, но не за мир любой ценой...»

Рабочие потребовали возвращения «самых главных свобод». Когда председатель «единого профсоюза» посетил Шушнига, тот стал настаивать, чтобы в резолюции было заявлено, будто рабочие выступают «вместе со своими представителями за канцлера, за независимую, свободную, христианскую и немецкую Австрию».

Напрасно лидеры «единого профсоюза» пытались на конференциях и заседаниях использовать возбуждение рабочего класса для выражения доверия Шушнигу. Предложенное Шушником изменение резолюции было принято конференцией председателей профсоюзных организаций, но его отклонили рабочие многих предприятий и участники других конференций. Сама же резолюция собралась на предприятиях в течение 48 час. более миллиона подписей. Однако Шушник запретил председателю официального «единого профсоюза» дальнейший сбор подписей.

В листовке, которая получила широкое распространение, нелегальные профсоюзы обратились к рабочим на предприятиях и указали на чрезвычайную опасность, которая грозит стране и рабочему классу потерей остатков свобод. На конференциях многих отраслевых профсоюзов были приняты резолюции, в которых говорилось, что рабочие «готовы в любое время вести борьбу за свободную и независимую Австрию, в которой они сами будут свободными и независимыми». На ряде предприятий, например во Флоридсдорфе, Бригиттенау и Фаворитене, произошли 21 февраля стихийные выступления. Заводы «Фиат» и «Даймлер», предприятие «Шутльурт» бастовали в течение двух часов. Рабочие не дали себя обмануть тем, что Шушник назначил бывшего социал-демократа Вадека,

перебежавшего в «Отечественный фронт», статс-секретарем по охране труда и распространил обещанную им Гитлеру амнистию для национал-социалистов, также на социалистов и коммунистов. Рабочие требовали от «единого профсоюза», чтобы он организовал забастовки протеста на предприятиях.

Шушниг в течение двух недель отказывался принять комитет представителей рабочих. Он грубо отклонил просьбу о приеме, которую высказывали президент Минлас и прежний бургомистр Вены реформист Зейц, не участвовавший в нелегальной деятельности. Позднее Шушниг оправдывался тем, что он поручил вести переговоры другим лицам.

Поэтому комитет рабочих представителей имел беседы лишь с рядом правительственных функционеров «Отечественного фронта». Входивший в комитет профсоюзный функционер, коммунист Теодор Хайниш писал об этом: «Эти переговоры снова продемонстрировали большую политическую зрелость и любовь к своей родине угнетенных рабочих, которые, несмотря на все противоречия, понимали непосредственно грозящую опасность. Через несколько дней после реорганизации правительства состоялась беседа у тогдашнего бургомистра Вены Шмица, который одновременно был ведущим функционером «Отечественного фронта». Будучи выбранным от делегации оратором, я обратил внимание Шмица на опасности, которые, в частности... вытекали из назначения Зейсс-Инкварта министром внутренних дел»¹.

Теодор Хайниш сообщил также, что «одна из делегаций рабочих была вызвана к тогдашнему шефу государственной полиции надворному советнику Вайзеру. Многочасовые беседы проходили в очень драматической обстановке. Выступать делегация поручила мне, и я с самого начала поставил вопрос: «Чего же вы хотите от нас господ?» В конце концов все мы были в глазах режима нелегально действовавшими левыми, которые даже не знали, не будут ли они сразу же арестованы. Вайзер ответил, что канцлер и вместе с ним правительство хотели бы знать действительное настроение рабочих в связи с возникшей тяжелой ситуацией в стране. После этого я обра-

---

¹ Theodor Heinisch, Österreichs Arbeiter für die Unabhängigkeit 1934—1945, Wien — Frankfurt — Zürich, 1968, S. 16.

тил внимание присутствовавших на то, что если они хотят знать неприкрашенную правду от нас, говоривших от имени рабочих, то им придется выслушать несколько неприятных истин. Если же от нас, возможно, хотят услышать не критичные заверения в лояльности, то в этом случае было бы лучше пригласить представителей «Отечественного фронта»... Хотя беседа временами грозила кончиться разрывом, она продолжалась более двух с половиной часов. В конце делегация указала, что правительство должно действовать быстро и в первую очередь совершить какую-нибудь акцию, которая показала бы рабочим, что в связи с грозящей опасностью со стороны национал-социализма они могут потерять нечто весьма ценное, что следует защищать. В конце встречи нам было сказано, что содержание этой беседы будет достоверно передано канцлеру Шумпигу»¹.

Комитет представителей рабочих у Шумпига

3 марта комитет представителей рабочих посетил канцлера. Требования рабочих были сформулированы в следующих пунктах:

«Полная свобода австрийским рабочим и служащим в вопросах мировоззрения и убеждения, по меньшей мере в той же степени, в какой она обеспечивается нацистам.

Полное самоуправление для рабочих и служащих во всех предназначенных для них институтах и социальных учреждениях. Занятие всех постов лицами, пользующимися доверием рабочих. В этих целях необходимо, в частности, немедленно уволить всех перебежчиков.

Свободная, независимая рабочая пресса.

Обеспечение проведения социального курса, который, в частности, должен гарантировать известную свободу передвижения рабочим и их доверенным лицам и отмену некоторых реакционных мероприятий в области социальной политики».

О самой встрече Теодор Хайниш сообщил следующее: «В этой критической ситуации 3 марта состоялась беседа делегации доверенных лиц с венских крупных предприятий

---

¹ Theodor Heinisch, Österreichs Arbeiter für die Unabhängigkeit 1934—1945, Wien—Frankfurt—Zürich, 1968, S. 18.

в составе 14 человек под руководством Фридриха Хиллегайста с канцлером Шушнигом, длившаяся более четырех часов. Будучи членом делегации, я хорошо помню всю атмосферу и ход переговоров. Уже при входе в канцелярию канцлера, когда солдаты-гвардейцы приветствовали нас по-военному, я сказал Хиллегайсту: «Возможно, через неделю эти же люди арестуют нас». Хиллегайст заметил Шушнигу, что хотя мы пришли не как друзья; но готовы призвать рабочих к борьбе за независимость нашей страны. Условием для этого должно быть, разумеется, восстановление важнейших прав и свобод, о чем уже говорилось в меморандуме 1937 г. Прежде всего я указал на опасность войны, которая все больше усиливалась, и подчеркнул это следующими словами: «Господин канцлер! Нас разделяют открытые могилы февраля 1934 г., но мы живем с вами в одном доме, и этот дом называется Австрией. И если мы сегодня совместно тушим пожар, то завтра будем вести переговоры о том, как нам следует оборудовать этот дом. А сейчас нам угрожает величайшая опасность».

Шушниг все это спокойно выслушал и поручил присутствовавшим двум министрам — Ротту, профсоюзному деятелю Христианско-социальной партии, и статс-секретарю Вацеку, бывшему социал-демократу, — провести с нами переговоры относительно законного вовлечения австрийских рабочих в политическую жизнь¹. На встрече Шушниг произвел впечатление «измученного и затравленного человека». Он заявил, «явно под впечатлением беседы», что надеется закончить дело соглашением, «хотя бы по одной причине — любви к отечеству, которая объединяет меня и вас».

Шушниг не дал согласия на выполнение требований, но и не отклонил их. Комитет получил разрешение созвать более широкое собрание доверенных лиц, с тем чтобы рабочие могли сами уполномочить своих представителей для переговоров. После беседы с Шушнигом комитет представителей рабочих встретился с руководством нелегальных профсоюзов. В результате длительного спора была достигнута договоренность о создании единого комитета по переговорам, состоявшего из четырех представите-

---

¹ Theodor Heinisch, Österreichs Arbeiter für die Unabhängigkeit 1934—1945, S. 19.

лей от каждой из двух сторон, и о проведении большой конференции доверенных лиц в понедельник, 7 марта, в бывшем Рабочем доме во Флоридсдорфе.

Новые тактические разногласия

В то время как коммунисты всеми силами старались укрепить боевой дух рабочего класса, руководство «Революционных социалистов» создавало атмосферу неведения в возможность борьбы против гитлеровской Германии. «Во всех публикациях предвещалась гибель Австрии», — констатирует Виссхаупт. Руководство «Революционных социалистов» не считалось с движением масс, а смотрело лишь на правительство, причем, как писал Отто Лейхтер, сомневалось в том, что «такой капитулянтский режим, как австрофашистский, проявит мужество отказаться от своей прежней политики и пойдет на решительную борьбу». При этом руководство «Революционных социалистов» впадало в противоречие с собственными сторонниками, с общим настроением рабочих. Даже Лейхтер должен был признать, что «настроение масс, включая активистов, симпатизировавших «Революционным социалистам», поддерживалось надеждой на возможность отстоять Австрию против нацистов». Поэтому «Революционные социалисты», «чтобы не оказаться изолированными от масс и их надежд», должны были идти вместе с ними. Даже Буттингер, который больше всех сомневался в успехе, «под влиянием функционеров «Революционных социалистов», связанных с движением масс, оказался достаточно умным, чтобы не противодействовать непреодолимому нажиму масс, пробуждавшихся к политической активности»¹.

Однако и в этот решающий момент руководство «Революционных социалистов» думало в первую очередь о том, чтобы противодействовать коммунистам, которые выдвинули требование защищать независимость Австрии без каких-либо условий.

В то время как рабочие готовились к борьбе, председатель «Революционных социалистов» Буттингер в своих последних указаниях местным организациям 6 марта 1937 г. дал совет «прекратить всякую деятельность».

---

¹ Otto Leichter, Zwischen zwei Diktaturen, S. 381, 382.

Истинное настроение рабочих проявилось во время совершенно легально заседавшей конференции доверенных лиц, состоявшейся в Рабочем доме во Флоридсдорфе, на которой выступили представители компартии и «Революционных социалистов». Это было первое заседание подобного рода, оно свидетельствовало о колоссальном успехе нелегального рабочего движения. На конференции были избраны два комитета для ведения переговоров: один — по профсоюзным, другой — по политическим вопросам.

Однако утвержденный собранием комитет для переговоров второй раз с канцлером Шушницгом не встретился. Шушницг не желал мобилизации рабочих. Совершенно неожиданно он принял решение провести плебисцит по вопросу о независимости Австрии и сообщил об этом 5 марта президенту Микласу. Приготовления к этому «волеизъявлению народа», запланированному на 13 марта, должны были держаться в тайне. Однако через правительственный аппарат, который был засорен нацистами, все это было немедленно передано гитлеровской Германии.

Вечером 9 марта, выступая с речью в Инсбруке, Шушницг сообщил о своем решении. Объявление плебисцита привело в движение всю Австрию. Коммунисты делали все возможное для мобилизации масс против нацистской опасности. Они поставили во главу своих требований защиту австрийской независимости, и их лозунг находил отклик. Коммунисты призывали всех австрийцев независимо от их мировоззрения и политических убеждений к совместной борьбе против самого злейшего врага — гитлеровского фашизма. В воззвании КПА от 10 марта, в частности, говорилось: «Коммунистическая партия призывает всех рабочих и трудящихся сказать во время плебисцита «да». Рабочие, трудящиеся! Ваше «да» отдано свободной, независимой и социальной Австрии, которая должна стать оплотом мира, прогресса и свободы — против фашистских поджигателей войны».

По-другому действовало руководство «Революционных социалистов», которое за левыми фразами скрывало растущий пессимизм и уныние. Отто Лейхтер, оказывавший решающее влияние на руководителей социалистических профсоюзов, выдвинул псевдореволюционный лозунг: «Сперва стать свободными, а затем бороться!»

Рабочие в борьбе за независимость Австрии

Впервые после 1934 г. рабочие в эти последние дни перед вступлением гитлеровских войск могли свободно демонстрировать на улицах. Рабочая молодежь маршировала сомкнутыми рядами по венскому Рингу. Движение захватило даже тех рабочих, которые до этого не участвовали в деятельности нелегальных организаций. Решимость рабочих передалась другим слоям народа. У них усиливалось стремление к сопротивлению против нацистов. Хотя нацисты во многих местах уже заручились поддержкой государственного аппарата, мощные антифашистские контрдемонстрации затмили нацистские манифестации в Вене и крупных провинциальных городах. Стихийно возник широкий фронт национального сопротивления, затронувший даже ряды сторонников «Отечественного фронта».

Коммунисты снова наиболее четко выразили настроение народа. Хотя нацистская партия в условиях режима австрофашистской диктатуры стала довольно сильной, каждому было ясно: плебисцит убедительно продемонстрирует, что большинство за независимость Австрии. Коммунистам было ясно, что, несмотря на враждебность к диктатуре австрийского фашизма, нужно голосовать за независимость страны, сказав «да». Коммунисты знали, что после ликвидации угрозы аннексии уже нельзя будет отказать в легальной деятельности рабочему движению, мощь которого значительно возросла. В различных районах Вены Рабочие дома снова были переданы доверенным лицам рабочего класса и превращались в центры антифашистской борьбы против национал-социалистов. Вечером 10 марта в нескольких венских районах состоялись полулегальные конференции свободных профсоюзов. «Они проходили в обстановке, характерной для свободных профсоюзов: приветствия «свобода», песни рабочего движения. Многие из этих конференций послужили началом уличных демонстраций».

Но «Революционные социалисты» и реформистские лидеры профсоюзов продолжали свою сектантскую политику и хотели сказать «да» лишь после легализации своих организаций.

10 марта они приняли решение «не объявлять о поддержке призыва Шушница к плебисциту, пока не будет

ясности относительно исхода переговоров». В то же время «Революционные социалисты» хотели провести на следующий день большую рабочую демонстрацию по Рингу, которая, однако, не была разрешена полицией.

В конечном итоге победил политический разум рабочих. В ночь с 10 на 11 марта партийная конференция «Революционных социалистов», несмотря на все противоречия и различия во мнениях, приняла решение призвать рабочих сказать «да». Обоснование было следующим: «„да“ австрийского рабочего, который не имеет другого выбора, это не голос, поданный за авторитарный режим и Шушнига, а голос против Гитлера и присоединения Австрии к Германии»¹.

Шушниг, который до сих пор отказывался принять представителей рабочих и гарантировать им права, которые они требовали, был вынужден разрешить одному из представителей нелегального рабочего движения выступить по радио накануне плебисцита. Но до этого дело не дошло.

Падение Австрии

11 марта в первой половине дня Шушниг получил ультиматум Гитлера с требованием отменить плебисцит. В то время как представители канцлера все еще вели переговоры с комитетом рабочих, чтобы, наконец, прийти к соглашению, а рабочие на предприятиях были готовы к борьбе, Шушниг и вместе с ним австрийский фашизм капитулировали. Дело не в том, как это пытается изобразить услужливая буржуазная историография, что капитуляция Австрии была вызвана безнадежностью ее сопротивления превосходящей военной мощи Германии, не отказом западных держав оказать Австрии помощь. Поведение Шушнига определялось в первую очередь недоверием к рабочему классу, боязнью, что мобилизация рабочих могла бы привести к свержению всей австрофашистской системы и проложить путь к установлению демократии. Не меньшую роль играла в принципе великогерманская позиция Шушнига и большинства австрийских фашистов, в результате которой они испытывали страх перед «войной между братьями в одном немецком доме». В глубине свое-

---

¹ Josef Buttinger, Am Beispiel Österreichs, S. 527,

го сердца шушниги верили в историческую, духовную и культурную общность с Германией, и поэтому им казалось легче заключить мир с Гитлером, чем соглашение с рабочим классом. Позднее на одном из процессов Миклас откровенно говорил о страхе перед рабочим классом.

Шушниг подчинился ультиматуму Гитлера и отменил плебисцит. Но это не удовлетворило гитлеровскую Германию. Геринг, взявший в свои руки операцию против Австрии, потребовал во втором ультиматуме отставки Шушнига и поручения национал-социалистам сформировать правительство. Австрийские фашисты капитулировали и в этом вопросе. Шушниг ушел в отставку. В то время в Вене и в провинциях все еще проходили собрания и конференции рабочих, выступавших за независимость страны. Шушниг, однако, призвал сохранять спокойствие. Президент Миклас не нашел в себе мужества отказаться назначить нациста Зейсс-Инкварт канцлером (в 1946 г. Зейсс-Инкварт был повешен как военный преступник).

Правительство Зейсс-Инкварт обратилось в Берлин с просьбой о вводе германских войск. Германские войска вступили в Австрию якобы для того, чтобы установить там спокойствие и порядок. В их сопровождении в Австрию прибыли Гитлер и шеф службы безопасности Гиммлер, чтобы объявить об аншлюсе.

Президент Миклас, который назначил нацистский кабинет и тем самым придал этому видимость законности, был принужден подать 12 марта в отставку. 13 марта Гитлер подписал закон об аншлюсе. Австрия потеряла независимость и вошла в состав германского рейха как «восточная марка».

Западные державы, в первую очередь Италия, без каких-либо возражений признали аннексию Австрии, замаскированную под аншлюс.

13 марта Гитлер телеграфировал итальянскому лидеру фашистов: «Муссолини, я Вам никогда этого не забуду! Адольф Гитлер».

Виновники катастрофы

В историографии Австрии редко можно встретить упоминание о том, что против аннексии Австрии выступили только Советский Союз и Мексика. 17 марта 1938 г. Советское правительство направило ноту всем иностран-

ным государствам с предложением немедленно через Лигу наций или другим образом принять практические меры для противодействия дальнейшему расширению агрессии. Несмотря на то что это предложение было отклонено, советская делегация предложила на пленарном заседании Лиги наций 21 сентября 1938 г. осудить аннексию Австрии и принять необходимые меры против агрессии. Однако и эти предложения были отклонены Англией и Францией, так как они противоречили их политике умиротворения Гитлера.

Австрийский фашизм привел Австрию к катастрофе и погиб в ней сам. И если капитулянты, содействовавшие падению Австрии, изображают это как неизбежное, то тем самым они хотят скрыть свою собственную вину. В задачу этой работы не входит исследование вопроса о том, имело ли шансы на успех военное сопротивление германской аннексионистской армии.

Несмотря на военную слабость Австрии и политику западных держав, долг правителей страны состоял в том, чтобы организовать сопротивление вступлению гитлеровской армии. Это сопротивление стало бы импульсом, который мог изменить всю европейскую ситуацию, причем не в пользу Гитлера. Прежде всего сопротивление развеяло бы миф о добровольном аншлюсе, нанесло сокрушительный удар по всей национальной демагогии Гитлера. Ссылки на стремление избежать кровопролития являются чистым лицемерием в устах тех, кто в феврале 1934 г. не раздумывая бросил солдат и артиллерию против собственных рабочих.

Единственными виновниками крушения Первой республики являются те, кто в феврале 1934 г. создали фашистскую диктатуру и подавили верных защитников демократии и независимости Австрии. Пушки и пулеметы дольфусов, феев и штарембергов пробили бреши, через которые германский империализм смог проникнуть в Австрию. Уничтожение демократии, политических и социальных прав рабочего класса парализовало волю австрийцев к сопротивлению национал-социалистской идеологии.

Ни февральская трагедия, ни падение Австрии не были бы возможны без соучастия «австромарксизма», который на деле был австрийским реформизмом. Мечта о 51% избирателей помешала рабочему классу Австрии устано-

вить свою власть, когда для этого были все объективные предпосылки. Вера в волю своих вождей к борьбе привела к тому, что рабочий класс без сопротивления допустил постепенную, последовательную фашизацию Австрии. Провал социал-демократического руководства был одной из причин поражения в феврале. Вместе с тем пропаганда аншлюса, проводимая социал-демократией, признание ею принадлежности австрийцев к немецкой нации содействовали подрыву австрийской независимости.

Коммунисты не капитулировали

Лишь Коммунистическая партия Австрии осталась на своем посту. В ночь с 11 на 12 марта 1938 г. ЦК Коммунистической партии Австрии принял историческое воззвание, в котором компартия провозгласила свою нерушимую верность Австрии. Она заклеила агрессию и призвала австрийский народ к разворачиванию борьбы за восстановление независимости Австрии. В последнем абзаце говорилось: «Австрийский народ подвергся насилию, но его вера и внутренняя стойкость не сломлены, борьба продолжается. Благодаря собственным силам и помощи всемирного фронта мира возродится свободная, независимая Австрия». К этому воззванию присоединились многие патриотически настроенные австрийцы, в первую очередь рабочие. Оно указывало им цель и путь дальнейшей борьбы.

Во время мрачной ночи господства гитлеровского фашизма в Австрии коммунисты вели смелую, самоотверженную и организованную борьбу за возрождение Австрии.

Жертвы были принесены не напрасно. Варварский гитлеровский фашизм был разгромлен, независимость Австрии восстановлена в первую очередь благодаря громадным усилиям Советской Армии. После создания Второй республики австрийскому народу был открыт новый путь, дана возможность самому определить свое будущее. Опыт исторического периода с 1918 по 1945 г., и особенно семи лет насильственного аншлюса, укрепил волю австрийского народа к национальной независимости и самостоятельному, независимому развитию. Борьба коммунистов в значительной мере содействовала развитию австрийского национального самосознания.

Оглавление

Предисловие	5
-----------------------	---

ЧАСТЬ I

Начало и ход боев	19
Таинственный разговор по телефону	19
Политическая ситуация	21
Дилемма Бернашека	23
Первые выстрелы	23
В Вене становится беспокойно	25
Решение о всеобщей стачке	26
Контрмеры правительства	29
Первый убитый	33
Начало боев в Зандлейтене	34
Рейман-хоф	34
Новый фронт в Оттакринге	36
Артиллерия против жилищ рабочих	37
Штурм Рабочего дома в Оттакринге	38
Атаки шувбундовцев Мейдлинга	40
Бронепоезда против рабочих	42
Зиммеринг в руках рабочих	43
Ландштрассе: много бойцов, мало оружия	46
Героическая эпопея Карл-Маркс-хофа	47
В других частях Вены в понедельник в основном спокойно	51
Провал «боевого руководства»	52

Вторник: положение во Флоридсдорфе становится серьезным	56
Стойкий дом имени Гёте	61
Бои в землях (провинциях)	62
Линц держался два дня	62
Критические дни в Штейре	65
Кровавая расправа в Хольцлейтене	67
Два дня боев в Граце	70
Брук-на-Муре в руках рабочих	73
Поход отряда Валлиша	76
В других местах Верхней Штирии	77
Нижняя Австрия подвела	80
Положение в других землях (провинциях)	83
Итог боев	85

ЧАСТЬ II

Предыстория	83
Влияние Октябрьской революции	88
Упущенная возможность социалистической революции	90
Марксизм и оппортунизм ¹	90
Отход от интернационализма	91
Социал-демократия в годы первой мировой войны	92
Ответ рабочих	95
Назревание революции в Австрии	97
Январская стачка 1918 г.	98
Восстание матросов в Которе (Катарро)	103
Крушение Австро-Венгерской монархии	104
Руководство социал-демократической партии спасает буржуазию	106
Легенда о «народной республике»	109
Руководство социал-демократической партии против рабоче-крестьянской власти	111
Теория о нежизнеспособности Австрии	114
Пагубная пропаганда аншлюса	115
Основание Коммунистической партии Австрии	117
«Идеология единства»	119
Австрия между советскими республиками	123
Вместо власти рабочих — социальные реформы	125
Кровавые столкновения в святой четверг	126

Кровавая расправа на Хёрлгассе	128
«Спасители»	132
Конец «социализации»	133
Неблагодарность буржуазии	134
Инфляция	135
«Женевская санация»	136
Фашизм в Австрии	142
Вмешательство извне	144
Социал-демократия недооценивает фашистскую опасность	146
Коммунисты своевременно предупреждают	147
Основание «Республиканского шуцбунда»	149
Компартия предлагает создать единый фронт	149
Линцская программа	151
Убийство в Шаттендорфе	153
Выдача оружия из Арсенала	154
Трагедия 15 июля 1927 г.	156
Полиция против демонстрантов	158
Социал-демократия бросает рабочих на произвол судьбы	160
Поражение рабочих	161
Мсть буржуазии	164
Реакция усиливается	166
Укрепление хеймвера	167
Сближение с фашистскими государствами	168
Хюттенбергский пакт	170
Провокация в Винер-Нёйштадте	172
1929 г.: кампания за изменение конституции	173
Провокация хеймверовцев в Санкт-Лоренцене	175
Правительство Шобера	177
Реформа конституции	179
Кёрнёйбургская клятва	181
Первые хеймверовские министры	183
Путч Пфримера в сентябре 1931 г.	186
Усиление национал-социализма	189
Экономический кризис в Австрии	192
Правительство Дольфуса	194
Дольфус и хеймвер	196

Первые чрезвычайные декреты	197
Правительство подавляет забастовку железнодорожников	199
Устранение парламента	200
Дольфус действует решительно	203
Трагический фарс 15 марта	205
Последствия 15 марта 1933 г.	209
Переговоры Дольфуса с нацистами	210
Удар за ударом по рабочим	211
Запрет Коммунистической партии Австрии	214
Руководство социал-демократической партии заискивает перед Дольфусом	215
Треугольник Рим — Будапешт — Вена	217
Муссолини настаивает на государственном перевороте	219
Реорганизация кабинета Дольфуса	221
Четыре пункта социал-демократической партии	222
Дольфус действует — социал-демократическая партия ведет переговоры	223
Последний съезд социал-демократической партии	225
Левые дают себя уговорить	225
Последние предложения о капитуляции	226
Социал-демократическая партия выступает за сословное государство	227
Сигнал к бою	230
Хеймвер атакует	231
Поиски оружия и аресты	233
Предупреждения коммунистов	235
Угрожающая речь Фей	236
Разгул террора после 12 февраля	236
Роспуск рабочих организаций	238
Причины поражения	239
Ошибочная теория организации штурмбунда	239
Политические причины	244
Оборона — это смерть восстания	246
ЧАСТЬ III	
Уроки февраля	251
Международное значение февральских боев	251
Легенда о борющейся социал-демократии	254

О лозунге «Красный Октябрь»	256
Были ли февральские бои восстанием?	260
Против настроений депрессии	260
Заслуга коммунистической партии	261
Пролетарская солидарность	264
XII съезд Коммунистической партии Австрии	264
«Революционные социалисты»	267
Первые соглашения о едином фронте	268
Единый фронт снизу	270
Маневры правых лидеров «Революционных социалистов»	273
Процесс сторонников единого фронта	275
Разрыв с коммунистами	276
Восстановление профсоюзного единства	278
VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала	282
Коммунисты в борьбе за независимость Австрии	286
За австрийскую нацию	288
Великогерманская идеология австрийских фашистов	290
За народный фронт в Австрии	292
Профсоюзы выступают за народное правительство	295
Успехи профсоюзного движения	297
Рабочие и Берхтесгаденское соглашение	299
Комитет представителей рабочих создается вновь	301
Комитет представителей рабочих у Шушница	304
Новые тактические разногласия	306
Конференция во Флоридсдорфе	307
Рабочие в борьбе за независимость Австрии	308
Падение Австрии	309
Виновники катастрофы	310
Коммунисты не капитулировали	312

АРНОЛЬД РАЙСБЕРГ

Австрия, февраль 1934

**Редактор *М. Новакова*
Художник *Б. Терещенко*
Художественный редактор *В. Пузанков*
Технический редактор *Е. Торгушина*
Корректор *К. Иванова***

Сдано в производство 18.2.1975 г. Подписано к печати
23.10.1975 г. Бумага 84×108¹/₃₂ тип. № 1 бум. л. 5.
Печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,51. Изд. № 19682. Цена 94 к.
Заказ 564. Тираж 6000 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
196052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

Издательство «Прогресс»

Выходит из печати:

РЕГАЛАДО А. Борьба крестьян на Кубе.
Перевод с испанского.

Книга написана известным кубинским общественным деятелем — ответственным работником ЦК Компартии Кубы.

В книге на основе архивных документов исследуется история крестьянского движения на Кубе вплоть до свержения диктатуры Батисты в 1959 г., дается марксистский анализ борьбы крестьян Кубы за землю, показывается роль крестьянских масс в развитии кубинского революционного движения, в осуществлении аграрных преобразований после революции.

Автор глубоко проанализировал процесс объединения крестьян Кубы после революции 1959 года и результаты проведения аграрных реформ в стране в 1959 и 1963 годах.

Издательство «Прогресс»

Выходит из печати:

ЛЕ РАМЕЙ Ж., РОТТЕРО П. Восстание
на Черном море.
Воспоминания. Перевод с французского.

Книга посвящена одному из ярких событий 1919 года — революционному восстанию в войсках и на кораблях французских интервентов, высадившихся в 1918 году на Черноморское побережье молодой страны Советов. Она содержит ценные — в том числе и впервые публикуемые в нашей стране — материалы по истории этого восстания.

Книга состоит из трех частей. В первую часть входит небольшое предисловие известного французского политического деятеля — коммуниста Франсуа Бийу и вступительная статья Жана Гакона. Вторая, основная часть книги — воспоминания активных участников восстания Жана Ле Рамея и Пьера Роттеро. В третью часть включены документы и материалы прессы.

94 коп.